ЛУИЗА ДОРНЕМАН

ЖЕННИ МАРКС

Луиза Дорнеман

Женни Маркс

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1962

3К16
Д68

Luise Dornemann
JENNY MARX

Volksverlag Weimar
1955

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга немецкой писательницы Луизы Дорнеман «Женни Маркс» — это научно-популярная биография верной спутницы и друга Карла Маркса. Биография Женни Маркс изложена в неразрывной связи с биографией Карла Маркса и на фоне международного рабочего движения. В книге, наряду с описанием жизни и деятельности Карла Маркса и Женни Маркс, рассказывается о важнейших событиях в европейской истории и в истории рабочего движения, от французской буржуазной революции до Парижской коммуны включительно. Автор с большой любовью пишет о Женни Маркс как о человеке и преданном помощнике Карла Маркса в его революционной борьбе, одной из первых понявшей все значение его деятельности, признавшей правильность марксистского учения и отдавшей ему всю свою жизнь.

Луиза Дорнеман
ЖЕННИ МАРКС

Перевод с немецкого *Е. Виленкиной*

Редактор *Ф. Вейнберг*

Художник *Н. Пешков*
Художественный редактор *С. Сергеев*
Технический редактор *Ю. Мухин*
Ответственные корректоры
М. Важнин и *Э. Пронина*

Подписано в печать с матриц 7 сентября 1962 г.
Формат 84 × 108 1/32. Физ. печ. л. 5 1/4. Условн. печ. л. 8,61.
Учетно-изд. л. 8,85. Тираж 125 тыс. экз. А 01576.
Заказ № 3810. Цена 21 коп.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл. 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ЖЕННИ МАРКС

Речь, произнесенная на ее могиле.

«Друзья!

Женщина прекрасной души, которую мы хороним, родилась в Зальцведеле в 1814 году. Ее отец, барон фон Вестфален, переведенный вскоре после этого в Трир в качестве правительственного советника, подружился там с семьей Маркс. Дети росли вместе. Две высокоодаренные натуры сблизились. Когда Маркс поступил в университет, было уже решено, что их будущая судьба нераздельна.

В 1843 году, после запрещения первой «Rheinische Zeitung», редактором которой некоторое время был Маркс, состоялась их свадьба. С тех пор Женни Маркс не только разделяла участь, труды, борьбу своего мужа, но и сама принимала в них участие с величайшей вдумчивостью и с пламеннейшей страстью.

Молодая чета отправилась в Париж в добровольное изгнание, которое, однако, очень скоро превратилось в настоящее. Прусское правительство и там преследовало Маркса. Александр фон Гумбольдт унизился до того, что помог выхлопотать приказ о высылке Маркса. Семье пришлось переехать в Брюссель.

Наступила февральская революция. Во время волнений, разразившихся вслед за нею в Брюсселе, был арестован не только Маркс, бельгийская полиция не постеснялась без всякого повода бросить в тюрьму и его жену.

Революционный подъем 1848 года уже на следующий год сошел на нет. Новое изгнание, сначала в Париж, затем, вследствие вторичного вмешательства французского

правительства,— в Лондон. И на этот раз для Женни Маркс это было действительным изгнанием, со всеми его ужасами. Материальную нужду, из-за которой сошли в могилу два ее мальчика и одна девочка, она все же преодолела бы. Но когда правительства в союзе с буржуазной оппозицией, от вульгарно-либеральной до демократической, составили великий заговор против ее мужа; когда они закидали Маркса самой подлой, самой гнусной клеветой; когда вся печать оказалась для него закрытой и всякая возможность самозащиты была отрезана; когда он очутился вдруг безоружным пред лицом своих врагов, которых и он и она могли лишь презирать,— это нанесло ей глубокую рану. А это продолжалось очень долго.

Но не бесконечно. Европейский пролетариат снова добился таких условий существования, при которых он мог до известной степени самостоятельно действовать. Был основан Интернационал. Из страны в страну перебрасывалась классовая борьба пролетариата, и в передовых рядах первым боролся ее муж. Тогда наступила для нее пора, искупившая ее жестокие страдания. Она дожила до того момента, когда клевета, градом сыпавшаяся на голову Маркса, рассеялась, как пыль от дуновения ветра; когда его учение, для подавления которого все реакционные партии, как феодалы, так и демократы, приложили такие чудовищные усилия, проповедовалось теперь во всеуслышание во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках. Она дожила до того момента, когда пролетарское движение, с которым она срослась всем своим существом, стало потрясать до основания старый мир, от России до Америки, и, сокрушая всякое сопротивление, все более и более уверенное в победе, стало пробиваться вперед. *И одною из последних ее радостей было еще то очевидное доказательство неистощимой жизненной силы, которое дали наши немецкие рабочие на последних выборах в рейхстаг.*

То, что эта женщина, со столь острым критическим умом, с таким политическим тактом, с такой энергией и страстностью характера, с такой преданностью своим товарищам по борьбе, сделала для движения в течение почти сорока лет,— это не стало достоянием общественности, об этом нет ни слова в летописях современной

печати. Это каждый должен был пережить лично. Но в одном я уверен: жены изгнанников-коммунаров часто еще будут вспоминать о ней, а наш брат часто будет чувствовать, как недостает нам ее смелого и благоразумного совета — смелого без бахвальства, благоразумного без малейших уступок в вопросах чести.

Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают их и никогда их не забудут. Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других,— то это была она»[1].

КАРЛ И ЖЕННИ МАРКС

Мой милый сердцем овладел моим,
И дал свое мне, рухнув на колени;
Я им любима, мною он любим,
Я счастье обрела в таком обмене.
    О, сердце друга, ты хранишь меня,
    Как если бы я родилась с тобою,
    Мое стучит в его груди, храня
    Любимого и став его судьбою.
В моих глазах он видит скорбь и горе,
Когда я вижу, что страдает друг;
Читаю муку я в любимом взоре,
Когда в моем он видит отблеск мук.
    Мы оба счастьем счастливы одним:
    Ведь мы сердцами обменялись с ним [1].

Едва ли можно найти двух людей, которым бы так подходили строки этого старинного лирического стихотворения, как Карлу и Женни Маркс.

Немного найдется человеческих судеб, которые бы так искренне трогали, так глубоко волновали и так увлекали, как судьба основателя научного социализма Карла Маркса и спутницы его жизни Женни Маркс, его верной помощницы на протяжении многих десятилетий их совместной жизни, непоколебимо верившей в победу рабочего класса.

Женни Маркс была одной из первых среди тех, кто понял все значение деятельности Карла Маркса и признал правильность его учения. Осуществлению этого учения она отдала всю свою жизнь. Ее богато одаренная натура, ее смелый критический ум были неоценимы для того дела, которому посвятил свою жизнь ее муж. Хотя ее деятельность и протекала в кругу семьи, она была одной из самых выдающихся женщин своего времени. Как помощница и соратница человека, указавшего людям путь к новой жизни, она никогда не будет забыта.

«Без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда бы не мог стать тем, кем он был». Так писала одна из тех, кто был к ним ближе всех и кто знал Карла и Женни лучше всех — их младшая дочь Элеонора Маркс-Эвелинг.

Никогда еще две жизни — и обе такие замечательные — не были так тесно связаны, дополняя одна другую.

Женни фон Вестфален выделялась из тысяч своей необычайной красотой — красотой, которой Маркс всегда восхищался и гордился и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Гервег и Лассаль,— своим умом и остроумием, столь же блестящими, как и красота ее.

Маленькими детьми Карл и Женни играли вместе; юношей и девушкой — он 17, она 21 года — они были помолвлены, и как Иаков за Рахиль, так и Маркс «отрабатывал» семь лет, прежде чем женился на Женни. Затем во все последующие годы, полные бури и натиска, изгнания, крайней бедности, клеветы врагов, суровой и отважной борьбы, эти два человека вместе с их верным и надежным другом Ленхен Демут бодро и бесстрашно боролись с целым миром, всегда на опасном посту, куда призывал их долг. Поистине Маркс мог бы сказать словами английского поэта Броунинга:

Ни случай не может любовь изменить,
Ни время — ослабить ее[2].

Женни Маркс вышла из тех кругов общества, в которых считалось преступлением выступать в защиту рабочих, поэтому путь к рабочему классу стоил ей больших внутренних усилий и тяжелой борьбы с окружающей средой.

Будучи урожденной баронессой фон Вестфален, она принадлежала к высшей прусской аристократии. Ее дед с отцовской стороны был советником и тайным секретарем герцога Фердинанда Брауншвейгского, а затем, когда последний во время Семилетней войны командовал армией, нанятой на английские деньги, он стал его фельдмаршалом. Ее бабушка принадлежала к высшему дворянству Шотландии.

Старший сводный брат Женни, взбалмошный и надменный юнкер, совершенно заслуженно пользовался репутацией типичного представителя прусской реакции.

В мрачные годы, наступившие после революции 1848—1849 годов, он дослужился до поста министра внутренних дел Пруссии и был одним из главных инициаторов тех возмутительных мероприятий, которые были предприняты правительством против демократических сил и от которых, в числе многих других, так тяжело пострадала и его сестра.

В то же время Людвиг фон Вестфален, отец Женни, будучи аристократом по происхождению, отличался от большинства представителей своего класса широтой мысли и глубокой образованностью. Он говорил на греческом, латинском, французском, английском и испанском языках, знал и любил художественную литературу. Карл Маркс посвятил тестю свою докторскую диссертацию и много позже, уже в преклонном возрасте, рассказывал дочерям, как высоко он его ценил.

Мать Женни, урожденная Каролина Гейбель, вторая жена Людвига фон Вестфален, была скромной, сердечной женщиной, полностью посвятившей себя заботам о муже и детях.

Когда незадолго до окончания великой освободительной войны, 12 февраля 1814 года, родилась Женни, ее отец занимал должность государственного советника в Зальцведеле (Альтмарк). Скромный дом недалеко от церкви св. Марии, в котором жила семья Вестфален, сохранился и поныне и является для нас местом дорогих воспоминаний. К тому времени, когда маленькая Женни появилась на свет, в жизни ее родителей миновала тяжелая пора. Правда, военные действия коснулись района Зальцведеля меньше, чем других мест Германии. Однако Людвиг фон Вестфален навлек на себя гнев французов тем, что демонстративно приветствовал вступивших в город русских освободителей. Когда вслед за этим Зальцведель снова оказался в руках французов, части маршала Даву захватили его в плен и обращались с ним очень жестоко.

В 1816 году, когда Женни было два года, семья переехала в Трир. Таким образом, Женни, подобно своему мужу, выросла как дитя Рейнской провинции, и эту местность она всегда считала своей настоящей родиной. Трир, город ее детства и юности, Бад-Крейцнах, где она вышла замуж, Кёльн, Франкфурт-на-Майне — это те го-

рода, в которых проходила ее жизнь в течение тех лет, которые ей довелось провести в Германии. Ей не суждено было лучше узнать свою родину, потому что эта благородная, наделенная возвышенными мыслями, отважная женщина, так горячо любившая Германию, вынуждена была почти половину своей жизни провести в изгнании. Трир, расположенный недалеко от французской границы, в живописной и плодородной долине Мозеля, среди садов и виноградников, является старинным городом с большим прошлым, традиции которого восходят к эпохе римлян.

Посреди города еще сегодня стоят мощные, мрачные, существующие почти два тысячелетия Римские ворота — Порта Нигра. Построенные руками рабов, эти ворота, подобно старому мосту через Мозель, развалинам римского дворца, баням и большому амфитеатру, являются свидетельством культуры давно минувших лет.

Позднее, в средние века, город, прозванный благодаря своим многочисленным церквам, часовням, монастырям, коллегиям и общинам немецким Римом, был резиденцией могущественного архиепископства, сфера влияния которого распространялась на Мец, Туль и Верден.

Трир 1816 года, куда переехала семья Вестфален, был центром мозельского виноделия и со своими 12 000 жителей представлял собой довольно зажиточный, но сравнительно прогрессивный немецкий провинциальный городок. В 1794 году, когда французская революционная армия вторглась в Рейнскую область, город был оккупирован и двадцать лет оставался французским, как и весь левый берег Рейна. Поэтому он был освобожден от оков феодализма и, по сравнению с остальной Германией, имел передовое буржуазное законодательство.

Красивый дом, в котором жили родители Женни, где в большом саду резвая маленькая белокурая девочка с лучистыми темными глазами играла в свои первые детские игры, был расположен в части города, заселенной состоятельными людьми. Советник прусского королевского правительства Людвиг фон Вестфален был уважаемым человеком среди знати Трира — богатых владельцев виноградников, чиновников и офицеров. Он получал значительный для того времени оклад в 1600 талеров в год, и семья была хорошо обеспечена. Женни в

детстве не знала никаких лишений, подобно всем детям имущих слоев в классовом обществе.

Позднее Женни объявила решительную войну тому классу, из которого она вышла, и тем принципам, в духе которых была воспитана, но она не забыла прекрасные детские годы и любовь, окружавшую ее в доме родителей. О своих родителях она всегда говорила с уважением. Отец ее умер еще до ее замужества. К своей матери, на много лет пережившей отца, «самой преданной из всех матерей», Женни до конца была привязана всей душой. Она еще больше привязалась к ней, когда после смерти отца чванливые высокопоставленные родственники с пренебрежением отвернулись от скромной, простой женщины. Позже, даже в самые тяжелые и напряженные дни своей жизни, Женни находила время для того, чтобы поддержать и порадовать свою «дорогую мамочку» письмами и маленькими подарками.

«Мое время всегда расчетливо поделено между большими и малыми заботами и хлопотами повседневной жизни, участием в делах моего любимого мужа и перепиской с моей дорогой мамочкой».

Так писала она однажды в Германию своей подруге, когда сама была уже матерью троих детей и вместе с мужем участвовала в Брюсселе в политической борьбе, которую вели деятели коммунистического движения. Она вложила в это письмо, написанное перед рождеством 1847 года, небольшую сумму денег, которую с трудом скопила.

«Это маленькое денежное вложение,— писала она,— тебя удивит. Поэтому я должна тебе кое-что объяснить. Как раз теперь, в период рождественских праздников, я всегда с величайшей грустью думаю о моей мамочке, об ее одиночестве, об ее уходящей жизни. Никогда ее образ не встает передо мной с такой ясностью и любовью, как именно в эти дни, когда она с несравненной материнской нежностью доставляла нам, детям, так много радости и наши маленькие сердца и глаза наслаждались блеском сверкающей елки. Позднее, когда мы лелеяли в своем сердце уже более глубокие и серьезные желания и надежды, она всегда с одинаковой преданностью заботилась о нас, радовала и ободряла нас... Мне бы хотелось, чтобы ты купила мамочке совсем дешевое темное ситцевое домашнее платье... Сделай, как

тебе будет удобнее, но только так, чтобы пакет был вручен нашей мамочке в сочельник или утром на рождество» [3].

Едва ли можно предположить, что госпоже фон Вестфален были понятны великие идеи и цели ее зятя и вряд ли она одобряла борьбу, которую вела ее дочь. Но она всегда относилась с искренней преданностью к дочери и зятю и многим пожертвовала ради них. Отцы Женни и Карла Маркса, правительственный советник фон Вестфален и советник юстиции Генрих Маркс, были очень дружны. Дети росли вместе, играли в саду дома семьи Вестфален, а когда они стали больше, то ходили играть на близлежащую гору Маркусберг. Маленькая детская компания состояла из Женни и Эдгара фон Вестфален [4], Карла Маркса (который был на четыре года моложе Женни) и его сестер, из которых старшая, Софи, была подругой Женни.

Карл Маркс еще мальчиком обладал большой энергией и живым умом.

«Я часто слышала от своих теток,— пишет Элеонора Маркс-Эвелинг,— что в детстве Мавр * был страшным тираном своих сестер; он гонял их в качестве лошадок галопом с Маркусберга в Трире, и, что было еще хуже, он настаивал на том, чтобы они ели «пирожки», которые он сам изготовлял из грязного теста грязнейшими руками. Но они безропотно позволяли погонять себя и съедали «пирожки» за те сказки, которые рассказывал им в награду за их хорошее поведение Карл» [5].

Когда прошло время детских игр, Карл Маркс продолжал оставаться частым гостем в доме фон Вестфаленов, воспоминания о котором он сохранил надолго.

Отец Женни знал наизусть песни Гомера и много сцен из драм Шекспира. Он часто и охотно читал их Женни, ее брату Эдгару и Карлу Марксу во время длительных прогулок, которые он совершал с детьми, или в зимние вечера, когда они вместе сидели при свечах в уютных комнатах вестфаленского дома. От него молодежь узнала о простых и жизнерадостных героях греческих мифов с их красочным миром богов, гигантов, волшебниц и необычайных сказочных чудовищ. Внимательно слушая его, они следили за приключениями

* Так Маркса называли из-за его черных волос родные и знакомые.

«хитроумного, многоопытного» Одиссея, вернувшегося после долгих скитаний и сражений домой к своей верной и мудрой супруге Пенелопе и к сыну Телемаку.

Драмы Шекспира знакомили их с мужественными, благородными и величественными образами эпохи Возрождения — с Гамлетом, Лиром, Брутом, Ромео и Джульеттой, Отелло и Дездемоной, с жестокими тиранами Макбетом и Ричардом III. Порой они развлекались остроумными шутками и непринужденным весельем комедий Шекспира, которые, однако, отражают столь глубокие гуманистические проблемы, и от всего сердца смеялись над зачастую грубыми, сочными шутками шекспировских персонажей.

Благодаря этому они рано познакомились с богатством и красотой подлинной поэзии и поняли, какую силу и радость можно черпать из нее.

Любовь к искусству, которая пробудилась у Женни в эти прекрасные часы, проведенные ею с отцом и другом юности, она сохранила на всю жизнь. Карл Маркс также не забыл этих впечатлений юных лет. В более поздние годы он и его жена, подобно их бывшему учителю, читали наизусть Шекспира, Гомера и многих других великих поэтов разных народов. Они не только учили своих детей наслаждаться благородными произведениями поэтического искусства, но, насколько было возможно, старались знакомить с этим искусством рабочих. Особенно много времени и сил посвятила этому делу Женни.

С двенадцатилетнего возраста Карл вместе с братом Женни Эдгаром начал посещать гимназию в Трире; Женни было шестнадцать лет, и ее стали вывозить в так называемый свет. В то время в зажиточных семьях девушек такого возраста уже выдавали замуж; родители Женни тоже стремились так воспитать ее, чтобы она, сделав «хорошую партию», могла занять высокое положение в обществе.

С беззаботностью цветущей юности она предавалась этой новой жизни, полной беспечных удовольствий, с ее балами, маскарадами, концертами и спектаклями в «Литературном казино», вечеринками и пикниками. Сияя очарованием и прелестью молодости, всегда веселая, остроумная и полная жизни, она радовалась своей красоте и с удовольствием наряжалась, как она сама

однажды в этом призналась. Даже в более поздние годы она способна была приходить в трогательный восторг по поводу нового платья, а ведь на ее долю выпало так мало обычных женских радостей!

Родители Женни хотели, чтобы она вышла замуж за богатого человека. Будучи девушкой из зажиточной и знатной семьи, принадлежащей к тому же к прусской аристократии, она скоро оказалась окруженной многочисленными молодыми людьми. В Трире она слыла «царицей балов». Об этом известно от самого Маркса, который гордился красотой своей жены. Прожив с нею почти целую жизнь, находясь в 1863 году в Трире на похоронах своей матери, он с нежной грустью стоял перед домом Вестфаленов и отсюда, со своей родины, написал письмо жене:

«Каждый день хожу на поклонение святым местам — старому домику Вестфаленов (на Римской улице): этот домик влечет меня больше, чем все римские древности, потому что он напоминает мне счастливое время юности, он таил когда-то мое самое драгоценное сокровище. Кроме того, со всех сторон, изо дня в день меня спрашивают, куда девалась первая красавица Трира и царица балов. Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить как зачарованная принцесса»[6].

Но блестящая жизнь так называемого большого света, окружавшая Женни, не могла ее надолго увлечь.

Для девушки того времени она получила хорошее воспитание и обладала не только большими способностями и чрезвычайно критическим умом, но и прямым характером. За вылощенной вежливостью светских манер, за щебетом любезных салонных разговоров, за преклонением, окружавшим ее, она скоро увидела едва прикрытую алчность и жажду власти, лживость и тщеславие, пошлую пустоту и тупую чванливость людей своего круга.

Она втайне смеялась над напыщенностью высокопоставленных чиновников, над самомнением офицеров и богатых помещиков, ухаживавших за ней. Она искала более высоких идеалов и более содержательной жизни, чем та, которую они могли ей предложить. Поэтому друг ее юности, по-прежнему бывавший у них в доме, был ей намного ближе. Занимаясь вместе поэзией, они стали

вести между собой и серьезные беседы по важным жизненным вопросам.

Отец Карла Маркса был сторонником французских просветителей. Он преклонялся перед Монтенем, Дидро, Вольтером, Руссо, этими великими духовными предшественниками французской революции, которые подвергли уничтожающей критике все устаревшие понятия о государственном и общественном строе, о естествознании, морали и религии и провозгласили права человека, которые буржуазное общество, однако, никогда не могло осуществить.

Идеи этих великих вольнодумцев, с которыми отец Женни также был знаком, волновали Карла Маркса, когда он был еще мальчиком, и, как можно судить по дальнейшему развитию мышления Женни, они оказали и на нее глубокое влияние. Молодые люди увлеклись этими идеями, тем более что в том самом году, когда Карл Маркс поступил в гимназию, т. е. в 1830 году, в Париже вспыхнула Июльская революция.

Это первое большое восстание против усилившейся европейской реакции, в результате которого французский народ изгнал навязанную ему после освободительных войн ненавистную династию Бурбонов, оказало огромное влияние на всю Европу. Повсюду борцы за свободу начали вновь сплачивать свои ряды, везде усилилось освободительное движение. В 1831 году Польша восстала против царской России. Лучшие представители немецкого народа с воодушевлением приветствовали и поддерживали поляков. В различных частях Германии состоялись революционные манифестации, а летом 1832 года 20 тысяч патриотов из всех районов страны устремились к Гамбахскому замку в Пфальце на знаменитый слет, вошедший в историю под названием Гамбахского праздника. Это была мощная демонстрация за свободу и демократию, и рядом с черно-красно-золотыми флагами Германской республики демонстранты несли красно-белый флаг Польши.

Либералы и радикалы произносили речи о свободе и требовали единой германской республики. Массы ответили призывом: «К оружию!». Вслед за Гамбахским праздником начался ужасающий разгул реакции. Тысячи борцов за свободу были арестованы, многих заставили покинуть Германию, другие ушли в изгнание добро-

вольно. Среди приговоренных к смертной казни был поэт Фриц Рейтер. Он провел восемь страшных лет в заключении в крепости и описал эти годы в своем произведении «Ut mine Festungstid» («Мое заключение в крепости»). Несмотря на разгул террора, германская молодежь, полная ненависти к тирании, со страстным увлечением читала речи, произнесенные на Гамбахском празднике, которые тайно распространялись также и в Трирской гимназии, где учились Карл Маркс и Эдгар фон Вестфален.

Не известно, читала ли Женни эти бунтарские речи; но едва ли умная девушка могла не знать о свободолюбивых идеях своего друга юности. Да Карл и не делал из этого тайны.

Окончив гимназию три года спустя после Гамбахского праздника, он смело и недвусмысленно продемонстрировал свою политическую позицию, отказавшись нанести прощальный визит одному из учителей, присланному в гимназию прусским правительством и известному своими реакционными взглядами.

Маркс проявил смелый образ мыслей в своей работе на аттестат зрелости: «Размышления юноши при выборе профессии».

«...Мы можем выбрать ту,— пишет он о принципах, которые, по его мнению, должны быть решающими при выборе профессии,— которая придает нам наибольшее достоинство, которая основана на идеях, в истинности которых мы абсолютно убеждены, которая дает больше всего простора работать для человечества...» [7]

Карл Маркс всегда оставался верным этим принципам.

ТАЙНАЯ ПОМОЛВКА

Когда семнадцатилетний Карл поступил в Боннский университет, он уже заключил с подругой своей юности негласный дружеский союз.

Через год он приехал в Трир, чтобы провести летние каникулы в доме своих родителей. Хотя Карл, как нам известно из одного письма его отца, со свойственной ему кипучей жизнерадостностью, окунулся в Бонне в водоворот студенческой жизни, он в то же время упорно занимался и приобретал знания. Кроме того, он там ближе познакомился с прусской реакцией и с жестокими пре-

следованиями, которым она подвергала демократов. Для наблюдений в Бонне было больше возможностей, чем в Трире.

Поэтому он приехал домой еще больше преданным делу свободы, более решительным и страстным противником абсолютизма и тирании, полным решимости бороться на стороне демократии против реакции в Германии. Передовые взгляды Карла радовали Женни. Вскоре она почувствовала, что стала дорога его сердцу. Это наполняло ее счастьем.

В это время состоялась их помолвка. Очарованная его сильной, блестящей личностью, предчувствуя инстинктом любящей женщины, что его ждет большое будущее, она доверила свою жизнь и счастье бедному студенту, который был моложе ее на четыре года.

Тогда ему было восемнадцать, а ей двадцать два года, но любовь этих двух одаренных молодых людей была основана на глубокой духовной привязанности и душевной гармонии, проявлявшихся в общности их взглядов. Клятву, данную друг другу в юности, они не нарушили до самого последнего вздоха.

Их взаимоотношения, столь необычные для того времени и прежде всего для зажиточных кругов общества, вынудили их вначале скрывать свою помолвку. Только отец Карла Маркса и его сестра Софи, самая близкая подруга Женни, были посвящены в эту тайну. Влюбленные лишь короткое время наслаждались своим счастьем. Когда Карл Маркс после летних каникул отправился в Берлин для продолжения своих занятий, боль разлуки разрывала сердца обоих молодых людей.

«Когда я вас покидал,— писал Карл Маркс родным год спустя,— для меня открылся новый мир, мир любви, к тому же, в начале, страстной, безнадежной любви. Даже путешествие в Берлин, которое при других обстоятельствах привело бы меня в величайший восторг, побудило бы к созерцанию природы, разожгло бы жажду жизни, оставило меня холодным; оно меня только расстроило, ибо увиденные мною скалы были не более круты и смелы, чем мои чувства, обширные города не более оживлены, чем моя кровь, обеды в трактире не более обильны и неудобоваримы, чем уносимые мной груды фантазии, и, наконец, искусство не так красиво, как Женни»[1].

Глубоко потрясенная Женни осталась в доме своих родителей. Она знала, что ее поступок резко противоречил требованиям, предъявляемым к молодым девушкам ее круга, и что ей предстоит бороться за свою любовь. Она была полна решимости защищать счастье своей жизни и сдержать слово, данное своему любимому. Но дворянско-буржуазное общество, к которому она принадлежала, еще оказывало на нее сильное влияние, и потому борьба была для нее тяжелой. И она, возможно, не устояла бы под бременем внешних и внутренних конфликтов, которые ей приходилось преодолевать, если бы не нашла в лице старого советника юстиции Маркса преданного друга, любившего ее отеческой любовью. В его семье она нашла второй отчий дом, в котором все напоминало ей о далеком возлюбленном и где ей не надо было скрывать своего чувства. Она часто бывала в то время в доме Маркса и всегда находила там сердечный прием, прежде всего со стороны своего будущего свекра, от которого она ничего не скрывала и который вскоре «полюбил ее, как свое собственное дитя», о чем он сам писал сыну.

В первые месяцы после своей помолвки Карл Маркс и Женни не переписывались. Этого пожелала Женни,— из чувства долга по отношению к своим родителям. Карл Маркс прислал ей три тома стихов — Книгу песен, Книгу о любви, часть I и Книгу о любви, часть II, написанные им в первые месяцы его пребывания в Берлине и выражавшие его чувства к любимой. Вот одно из стихотворений:

Исполниться надежде
Настал желанный срок,
Обрел я то, что прежде
В мечтах лишь видеть мог.
Все то, чего мой разум
Не одолел трудом,
Открылось сердцу разом
Во взоре дорогом [2].

В ответ на посланные стихотворения Маркс получил от своей преданной сестры Софи письмо (это была приписка к письму его отца), которое дает нам представление о душевном состоянии Женни:

«Твое последнее письмо, дорогой Карл, вызвало у меня горькие слезы; как ты мог подумать, что я забуду

сообщить тебе новости о твоей Женни. Я мечтаю и думаю лишь о вас. Женни любит тебя; если разница лет причиняет ей горе, то это только из-за ее родителей. Она будет теперь постепенно подготавливать их, а потом напиши им сам. Они ведь очень тебя ценят. Женни часто нас навещает. Еще вчера она была у нас и, получив твои стихи, плакала слезами счастья и боли. Наши родители и сестры любят ее сверх всякой меры; раньше десяти часов ей не позволяют уходить от нас,— как тебе это нравится. До свидания, мой милый, добрый Карл, от всего сердца желаю тебе исполнения твоего самого сердечного желания...» [3]

Женни бережно хранила до конца своих дней эти стихи Маркса, свидетельство их юной любви, и, как рассказывает ее зять Поль Лафарг, никому их не показывала.

Кроме стихотворений, так глубоко радовавших и волновавших сердце Женни, сохранился еще один подарок ее друга: сборник, включавший 81 народную песню из числа самых прекрасных сокровищ народного искусства. Карл Маркс собственноручно переписал эти песни в роскошный альбом, чтобы посвятить их своей «дорогой сердцу Женнихен».

Но одни лишь эти прекрасные дары любви не могли смягчить глубоких страданий Женни. Она не могла скрыть своих переживаний от внимательных глаз свекра. Милым строчкам, написанным сестрой, предшествовало серьезное письмо от отца:

«Ты взял на себя большие обязательства... но со всеми Exagerationen и Exaltationen (преувеличениями и сумасбродствами) поэтической любви ты не сможешь создать покоя тому существу, которому ты себя посвятил; наоборот, тебе угрожает опасность нарушить этот покой. Только самым образцовым поведением, только мужественными и твердыми поступками, которыми можно завоевать благосклонное и доброжелательное отношение людей, ты сможешь добиться того, что положение станет нормальным, что она успокоится и поднимется как в своих глазах, так и в глазах общества.

Я говорил с Женни и я был бы рад, если бы наш разговор совершенно ее успокоил. Я сделал все, что мог, но увещевания не всегда помогают. Она еще не знает, как

воспримут все это ее родители. Мнение родственников и общества тоже имеет значение... Она приносит тебе неоценимую жертву — она проявляет самоотверженность, и оценить ее до конца можно лишь здравым рассудком. Горе тебе, если ты когда-либо в жизни об этом забудешь!

Но теперь ты должен действовать сам. От тебя должна исходить уверенность в том, что, несмотря на свою молодость, ты являешься человеком, заслуживающим уважение общества, и завоевываешь его быстрыми шагами; человеком, надежным в смысле своего постоянства и серьезности будущих намерений...» [4]

Немного времени спустя старик писал:

«Ты знаешь, дорогой Карл, что из любви к тебе я взялся за такое дело, которое мне не очень к лицу и которое меня порой тяготит. Но для меня не существует жертв, если их требует благополучие моих детей. Я заслужил безграничное доверие твоей Женни. Но добрая, милая девушка непрерывно мучается, боится повредить тебе, боится, что ради нее ты будешь переутомляться, и т. д., и т. д. Ее гнетет то, что ее родители ничего не знают, или, как я думаю, ничего не хотят знать... Письмо от тебя, которое ты можешь вложить, может принести утешение, но оно не должно быть продиктовано мечтательным поэтом...» [5]

В марте 1837 года Карл Маркс просил руки Женни. С ее семьей пришлось вести тяжелую борьбу, и Женни серьезно заболела. Но согласие, наконец, было дано. Это было сделано из любви к Женни, а также потому, что родители понимали, что их дочь скорее умрет, чем откажется от своего друга.

«В ней есть что-то гениальное»,— писал немного позднее старик Маркс, который обожал Женни. (В своих письмах он называл ее: «волшебница, вскружившая мою старую голову», «ангелочек, благополучие которого меня чрезвычайно беспокоит».)

«Ты можешь не сомневаться,— продолжает он,— а я уверен (и ты знаешь, что я не из числа легковерных), что никакой князь не в состоянии отнять ее у тебя. Она предана тебе душой и телом и ты никогда не должен этого забывать; в ее возрасте она приносит тебе такую жертву, на которую обычные девушки наверняка не были бы способны...» [6]

Исполненный высокого чувства долга, которое он в течение всей своей жизни проявлял по отношению к жене и семье, нетерпеливый в своем желании влюбленного возможно скорее соединиться с невестой, Карл Маркс прилагал в Берлине огромные усилия к тому, чтобы проложить себе путь к такой профессии, которая дала бы ему возможность поскорее жениться.

О различных планах и намерениях Карла Маркса в этом направлении известно из писем его отца, который обсуждал с сыном все его дела и — также и ради счастья Женни — делал все, чтобы помочь ему устроить свою судьбу.

Но Маркс уже тогда был борцом. Участвовать в великой борьбе за свободу, против реакции и занять в этой борьбе определенное место он считал более важным и неотложным, чем бороться за личное счастье. Его невеста относилась к этому так же, как и он сам. Он прочел все научные и философские труды, которые он мог достать и которые могли ему помочь найти правду; он работал упорно — днем и ночью, читал, размышлял и писал, пока не заболел.

За время болезни он определил свои взгляды — хотя лишь в предварительной форме. Как революционный демократ, он примкнул к младогегельянцам, самой прогрессивной в то время буржуазной группе, которая, правда, только в области философии, вела ожесточенную борьбу с отсталостью, царившей в Германии, и прежде всего с феодально-абсолютистским государством. Будучи одним из самых молодых и, в отличие от других ведущих представителей этой группы, еще малоизвестным в широких кругах общества деятелем, 19-летний юноша скоро стал духовным вождем группы, вокруг которого собирались ее старшие члены, почти полностью находившиеся под его влиянием. Так было на протяжении всего времени его пребывания в Берлине. О своей первой большой битве за правду, об определении своих политических взглядов он сообщил родным год спустя после начала своих занятий в Берлине в письме, явившемся своего рода исповедью.

Испуганный революционным пылом своего сына, опасаясь, что он поставит под угрозу свою карьеру и тем самым скорую женитьбу на Женни, отец ответил ему резкими упреками. Иначе поступила Женни. Возмужав-

шая в борьбе за своего возлюбленного, пренебрегая личными желаниями и надеждами, она решительно стала на его сторону, наперекор своим и его родителям. Карл был счастлив и гордился этим.

В письме к родителям он цитирует ее слова:

«...все эти соображения ничтожны, когда речь идет об исполнении обязанностей, которые являются священными, пишет моя единственная, дорогая Женни».

Четыре года спустя, в 1841 году, Карл Маркс закончил работу над своей докторской диссертацией. Он уже тогда занимался с той образцовой, глубокой тщательностью, которая не позволяла ему закончить какую-либо работу до тех пор, пока он ее всесторонне не продумает и не проверит. Этот стиль работы позднее стал образцом для научных исследований великих ученых. Маркс получил ученую степень доктора в университете в Иене, так как в Берлине это было невозможно ввиду его демократических взглядов. После этого он намеревался занять место доцента философии в Боннском университете, а затем жениться. Однако прусская реакция отказала Карлу Марксу в кафедре, а получить ее ценой унижений и лести он не захотел. Крушение его планов было для него тяжелым ударом.

Как ученого и демократа его лишили возможности открыто выступать. Как любящего человека, его лишили средств, в которых он нуждался, чтобы наконец ввести в свой дом невесту. Он оказался ни с чем перед той, которая так много перенесла ради него.

Женни тоже была поражена в самое сердце. Ей было тогда уже двадцать семь лет; в течение шести лет она была помолвлена и, с точки зрения своих близких, считалась стареющей девицей. Жениха она видела редко. Короткие недели, которые он изредка проводил в родном городе, были светлыми, радостными и полными жизни. Он приносил с собой дух борьбы и жгучее дыхание умственного и политического протеста против сил, господствовавших в Германии. Он рассказывал о бесчисленных событиях, происходивших в том относительно свободном и далеком мире, в котором жил он и его друзья и связи которого простирались далеко за пределы Германии. С каждой новой встречей она любила его все больше и он становился ей все дороже. Ее восхищение этим человеком, который в столь молодые годы так

смело подымался к вершинам знаний, все возрастало, и у нее крепло желание разделить с ним его жизнь и его борьбу.

Но когда он уезжал, ее жизнь становилась бессодержательной и тихой, хотя под влиянием Маркса она и занималась и не была лишена духовных интересов. Иначе и быть не могло в те времена, когда женщины не были заняты служебной и общественной деятельностью и только замужество и материнство заполняли их существование. Женни была одинока. Она переросла тот мелочный мир, в котором жила, он давил ее своей узостью и пустотой, и она часто с болью наблюдала его ограниченность. Глубокая пропасть давно уже отделяла ее от прежних подруг и друзей. После смерти своего старого друга, советника юстиции Маркса, Женни еще острее стала ощущать свое одиночество. Его смерть лишила ее отеческого приюта в доме возлюбленного, потому что вскоре между обеими семьями возникло отчуждение, почти закрывшее перед ней двери в этот дорогой для нее дом. Но надежда соединиться в скором времени с тем, кого она так искренне и преданно любила, как звезда озаряла ее жизнь и уменьшала страдания от той враждебности, которая со всех сторон окружала ее. И вот этой надежды не стало, и казалось, что свадьба откладывается надолго. Однако Женни не только не потеряла мужества, но и не поколебалась в своей любви и верности. В ее жизни даже произошел поворот к лучшему: Карл Маркс вернулся в Трир и долгое время там оставался. Здесь он начал свою славную деятельность политического борца и революционера.

ПОЛОЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ 1848 ГОДА

Для того чтобы понять борьбу, которую вел молодой Карл Маркс, и личные трудности, которые должны были преодолевать он и его невеста, нужно ознакомиться с условиями, существовавшими в то время в Германии.

Молодые годы Женни фон Вестфален и Карла Маркса совпали с начальным периодом развития современной крупной промышленности. Изобретение паровой машины революционизировало процесс производства. Прялка и

старинный ручной ткацкий станок стали исчезать, в других отраслях промышленности машины также вытесняли изнурительный ручной труд. Мелкое ремесленное предприятие уступило место фабрике, на которой работали сотни, а затем и тысячи рабочих — мужчин, женщин и детей.

Вместе с массовым производством промышленных товаров начался невиданный до тех пор подъем торговли и транспорта. Строились каналы и новые дороги, старая, идиллическая почтовая карета была вытеснена железной дорогой, соединяющей города и страны. Это было время быстрых перемен в жизни народов и отдельных людей, время самых стремительных и глубоких переворотов, какие только знало человечество.

Но вначале Германия почти не участвовала в этих исторических переменах. Они шли из Англии и Франции, которые уже тогда были сильными и могущественными восходящими буржуазно-капиталистическими национальными государствами.

Англия, родина промышленного производства, имела сильно развитую индустрию, и ее рабочий класс насчитывал несколько миллионов человек. Она наводнила всю Европу своими дешевыми промышленными товарами; немецкие женщины также носили платья из английских хлопчатобумажных тканей.

Выросшие в Рейнской провинции, которая была теснее связана с Францией и Англией, чем остальная часть Германии, Карл Маркс и Женни фон Вестфален с ранних лет знали о жизни в этих странах. Рейнские бюргеры имели разнообразные связи с английскими буржуа, и многие юноши с Рейна отправлялись для обучения на английские предприятия и в торговые фирмы.

Но Маркс и Женни гораздо больше занимались вопросами развития Франции.

В условиях того времени это было естественно и понятно. Французская буржуазная революция 1789 года, во время которой народ разорвал феодальные оковы, была великим историческим событием, которое определяло и направляло весь ход исторического развития XIX века. Она свергла абсолютизм, сломила господство дворянства, освободила крестьян от феодальной зависимости и тем самым создала условия для политического и экономического подъема буржуазии и развития капи-

талистического общества не только во Франции, но в конечном счете и во всей Европе. Ее передовые борцы вместе с французским народом, проливавшим свою кровь в боях за революцию, надеялись, что она будет началом нового, счастливого века, но этого она не достигла и не могла достичь.

«Мы знаем теперь,— писал позднее Фридрих Энгельс,— что это царство разума было всего лишь идеализированным царством буржуазии; что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что равенство свелось к равенству граждан перед законом; что одним из существеннейших прав человека провозглашена была... буржуазная собственность, а государство разума, общественный договор Руссо, на практике оказалось, да ничем иным и не могло оказаться, как буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, поставленные им их собственной эпохой» [1].

Одновременно с большими успехами в области цивилизации и культуры эпоха господства буржуазии принесла ужасные страдания миллионам людей и новые огромные классовые противоречия. Вместе с буржуазией развивался ее собственный могильщик, пролетариат, класс современных наемных рабов, эксплуатируя которых буржуазия извлекает прибыли. В то время как в 40-х годах прошлого столетия буржуазия отсталых стран еще боролась за власть, между нею и пролетариатом уже началась решительная борьба, завершением которой должна была явиться победа рабочего класса и освобождение человечества от всяческой эксплуатации. В настоящее время эта победа завоевана на одной трети земного шара и тем самым человечество действительно вступило на путь, ведущий к счастливому будущему.

В годы юности Женни Германия принадлежала к тем странам, где буржуазии еще предстояло одержать победу над феодализмом. Германия была чрезвычайно отсталой. Хотя имена ее великих поэтов — Гердера, Лессинга, Гёте, Шиллера и Гейне пользовались уважением и известностью во всем мире, в остальном над «немецким Михелем в ночном колпаке» изрядно смеялись и издевались.

Свободолюбиво настроенные немцы,— а таких было не мало,— испытывали глубокую горечь от немецкого убожества.

«*Война* немецким порядкам! Непременно война! Эти порядки находятся *ниже уровня истории,* они *ниже всякой критики,* но они остаются объектом критики, подобно тому как преступник, находящийся ниже уровня человечности, остается объектом палача» [2].

Это писал Маркс в 1844 году в своей работе «К критике гегелевской философии права. Введение»; а в другом месте этого же произведения он писал:

«Борьба против немецкой политической действительности есть борьба с прошлым современных народов...» [3]

Германия того времени была разделена на 34 государства, крупных и мелких, к которым нужно добавить еще четыре «вольных имперских города». Отдельными государствами управляли князья, власть которых была почти неограниченной. Во время освободительных войн они обещали своим подданным права и конституцию. Но когда Наполеон был разбит и князья решили, что они снова прочно сидят на своих тронах, они стали заботиться лишь о том, чтобы восстановить, насколько возможно, свою былую власть и выжимать из своих подданных, обнищавших во время войны и оккупации, все новые суммы денег, чтобы затем промотать их со своими придворными льстецами и любовницами.

Они разделили свою власть с помещиками, которые были почти полновластными господами в своих поместьях, занимали все чиновничьи должности, отправляли правосудие и поставляли офицеров для армии.

Подавляющая масса населения состояла из крестьян, которые жили в самых ужасных условиях. Рука благородных господ давила на них со всей своей тяжестью и выжимала из них все соки.

В противоположность крестьянам Франции и Англии, немецкие крестьяне до начала XIX столетия оставались крепостными.

После того как Пруссия под ударами армии Наполеона потерпела в 1806 году поражение, они были освобождены от крепостной зависимости, но от этого положение немецких крестьян почти не улучшилось, потому что феодальные повинности и поборы сохранились и ста-

новились все более тяжелыми. Бо́льшую часть контрибуции, возложенной на страну Наполеоном, должен был оплачивать крестьянин, он же нес основные тяготы войны; в послевоенные годы он должен был платить большие налоги, в то время как богатого помещика почти не обременяли этими платежами. Но больше всего угнетала крестьян ненасытная жадность юнкеров, алчность которых не знала границ.

Ценою тяжелых жертв вынуждены были крестьяне откупаться от этих поборов. За свое освобождение они на протяжении десятилетий выплатили дворянам более миллиарда марок и отдали им треть своей земли. Процесс освобождения тянулся до середины 60-х годов. Многие бедные и средние крестьяне в 40-х годах еще не были выкуплены, и дворянство находило все новые способы вымогать у них деньги. Арендная плата, оплата сторожевой охраны, сбор за яйца, тягловый сбор, налог на воск, налог на овес, рыночный сбор — все это составляло лишь часть платежей, которые они вынуждены были вносить помещику. Кроме того, крестьяне, их жены и дети должны были отбывать барщину, и если работали без должного усердия, то в ход пускался кнут «барина» или его надсмотрщика. Даже самые бедные дворовые, вдовы, инвалиды, батраки и ремесленники должны были содействовать обогащению господина. Они обязаны были вносить так называемые «деньги на охрану», как это имело место, например, в Силезии.

В деревне царила горькая нужда. Зачастую крестьянская хижина была хуже господского хлева, а крестьяне, добывавшие трудом рук своих хлеб, овощи и фрукты, ухаживавшие за скотом, у себя на столе видели лишь картофель да дешевую сивуху, которую помещик гнал у себя на фабрике и охотно продавал крестьянину по дешевке, чтобы еще больше его закабалить. Крестьяне были совершенно бесправны, потому что помещик был одновременно и судьей, никогда не выносившим приговоры в их пользу. В те времена десятки тысяч немецких крестьян собирали свой скарб и уезжали в Америку.

Трагично выглядели эти вереницы мужчин, женщин и детей, нищих, истощенных и жалких, гонимых с родной земли жадностью юнкеров. Они уезжали за океан на пароходах для переселенцев, словно скот, в битком набитых трюмах.

Немецкие города также представляли собой довольно неприглядную картину. В них жило меньше одной трети населения. Немецкая буржуазия была слаба в экономическом отношении. Ведущую роль все еще играли ремесленные цехи, работавшие для удовлетворения местных нужд дедовскими методами. Пережитки цеховой системы мешали созданию фабрик и тормозили развитие торговли и промышленности. Но самым большим препятствием для промышленного развития Германии была раздробленность страны. Многочисленные крупные и мелкие государства вплоть до 30-х годов были отделены друг от друга таможенными барьерами, у них были разные деньги и меры веса; таким образом, даже внутри Германии трудно было вести торговлю, но еще сложнее было установить выгодные торговые отношения с другими странами.

Все же промышленный капитализм проложил себе дорогу и в Германии. Уже в детские годы Женни в стране имелись текстильные фабрики, красильни, отбельные фабрики и железоделательные заводы и другие капиталистические предприятия. Их было немного, и число капиталистов в то время было еще невелико. Сановники и юнкеры считали, что могут относиться к ним с презрением. Однако самые предприимчивые среди немецких бюргеров начали выдвигаться на первый план — прежде всего в Рейнской провинции, где политические условия для капиталистического развития были наиболее благоприятными. В 30-х годах, несмотря на то что освободительное демократическое движение потерпело политическое поражение, немецкая буржуазия одержала решительную победу на экономическом фронте. В 1834 году был основан Таможенный союз и большинство немецких государств, и прежде всего Пруссия, вступили в него. Благодаря этому были ликвидированы бесчисленные таможенные барьеры, что сильно стимулировало развитие промышленности. В 30-х годах были построены первые железные дороги, проложены первые телеграфные линии, по рекам начали курсировать пароходы. Количество фабрик быстро росло.

В 1824 году на всей территории Таможенного союза имелись две паровые машины. В 1847 году их было уже больше тысячи. На территории Таможенного союза уже работали 300 крупных ткацких предприятий. Вместе

с ростом текстильной промышленности развивалось машиностроение.

В горном деле и в металлургии также происходил подъем. В 1837 году впервые заговорили о большом машиностроительном заводе Борзига у Ораниенбургских ворот в Берлине, на котором уже тогда было занято 1200 рабочих. Правда, мелкая промышленность, надомный труд и ремесло все еще заметно преобладали над машинным производством, и на 300 упоминавшихся выше крупных текстильных предприятиях на 34 тысячи ручных ткацких станков было всего 800 механизированных станков.

Подлинным центром развития промышленности была Рейнская провинция. Кроме довольно высоко развитой текстильной промышленности там была значительная для того времени тяжелая индустрия. В западных провинциях, представлявших собой наиболее густонаселенную и сравнительно более свободную в политическом отношении часть нашего отечества, города разрастались быстрее, чем в других районах страны. Кёльн, Вупперталь, Аахен, Крефельд, Мюнхен-Гладбах, Изерлон уже в первой половине XIX века были процветающими промышленными городами. Вуппертальские ткацкие изделия, крефельдские шелка, аахенские иголки и сукна пользовались широкой известностью.

Изменения в способе производства нашли свое глубокое отражение в жизни людей, которая все быстрее изменялась. Когда Женни была еще ребенком, появление первых газовых фонарей на не освещенных дотоле улицах вызвало сенсацию, а в 40-х годах одно нововведение обгоняло другое. Появились булавки, спички, керосиновые лампы, практичная эмалированная посуда, консервирование и стерилизация, а в 1847 году была выпущена первая швейная машина. Это были как раз такие новшества, которые имели непосредственное отношение к жизни домашней хозяйки. Быт и так уже начал сильно изменяться, потому что машины и все возрастающее развитие промышленности освобождали домашнюю хозяйку от многих исстари привычных для нее занятий: литья свеч, прядения и тканья, шитья одежды, хлебопечения. Великий прогресс в области культуры проявлялся и в других областях. Огромный толчок, который благодаря индустриализации получила наука, способ-

ствовал также развитию современной медицины. В то время медицина научилась бороться с такими страшными для человека эпидемиями, как чума, холера и оспа; в первой половине XIX века при операциях стали применять наркоз, так облегчающий страдания человека. К 40-м годам относится деятельность доктора Игнаца Филиппа Земмельвейса, открывшего успешный способ борьбы с родильной горячкой.

Немецкие князья и юнкеры, которые не могли, да и не хотели задержать рост капитализма, так как сами извлекали из него выгоду, пытались, однако, всеми средствами самого грубого физического насилия и духовного гнета сохранить свое господство и свои привилегии.

Период между освободительными войнами и революцией 1848 года был для Германии периодом самой мрачной реакции.

Выдающихся патриотов 1813 года — «отца спорта» Яна, поэта Эрнста Морица Арндта и с ними многих других после победы над Наполеоном самым подлым образом подвергли жестоким преследованиям. За каждым новым проявлением свободолюбия, таким, например, как Вартбургские торжества, организованные членами немецкой студенческой корпорации в 1817 году, и Гамбахский праздник, следовала новая волна разгула реакции. Тысячи борцов за свободу, подобно поэту Фрицу Рейтеру, годами томились в тюрьмах и казематах крепостей или, как молодой гениальный поэт Георг Бюхнер, подвергались травле и преследованиям.

Прогрессивно настроенных преподавателей не терпели ни в школах, ни в университетах. Бруно Бауэра, младогегельянца, бывшего в течение некоторого времени другом Карла Маркса, лишили кафедры в Бонне; великий философ-материалист Людвиг Фейербах вынужден был прозябать в маленькой франконской деревушке. Тысячи одаренных молодых немцев были высланы или добровольно ушли в изгнание, чтобы бороться за свободу за пределами Германии. К ним принадлежал великий немецкий поэт Генрих Гейне, стихи которого были запрещены в 1836 году,— он эмигрировал в Париж и с тех пор бывал на родине лишь изредка, во время своих путешествий.

Еще в 40-х годах в Германии нельзя было поставить ни одной пьесы, нельзя было напечатать ни одного стихо-

творения, ни одной газеты, ни одной книги, не представив их предварительно на просмотр цензору.

Однако заглушить освободительное движение надолго было невозможно.

На место каждого заключенного в тюрьму борца за свободу приходили многочисленные новые борцы; произведения, которые немецкой цензуре удавалось задушить или запретить уже после выхода в свет, печатались за границей и тайно доставлялись в Германию, где эти издания находили восторженный прием.

Начиная с 1840 года голоса немецких борцов за свободу стали звучать все громче, а германская буржуазия в это время начала, наконец, во всеуслышание заявлять о своих требованиях. Она должна была это делать, потому что сковывающие, устаревшие феодальные отношения в Германии стали преградой на пути к новой капиталистической организации экономики. Для достижения своих целей немецкие бюргеры, возглавляемые буржуазией Рейнской провинции, нуждались в гражданских свободах — в свободе слова, печати, собраний, в суде присяжных и в конституции. Прежде всего им нужна была единая Германия, в которой они бы могли беспрепятственно создавать свои фабрики и заниматься торговлей, Германия достаточно сильная, чтобы покровительствовать их торговым операциям на международном рынке.

В противоположность ремесленнику, работающему на ограниченный круг покупателей в своей деревне или в своем городе, капиталист нуждается в большом национальном рынке, более того, ему нужен весь мир, чтобы сбывать свои товары и закупать сырье. Вот почему немецкая буржуазия боролась за участие в политической власти.

Но рабочий класс также начал выходить на арену, хотя и намного позже английского и французского пролетариата, что объясняется отсталостью Германии.

В Германии было еще мало рабочих, но число их быстро возрастало. В 1800 году в рудниках, в ремесленном производстве и в промышленности было занято 85 тысяч человек, в 1832 году их было уже 250 тысяч, а в 1848 году число их достигло почти миллиона.

Рабочие жили и трудились в ужасающих условиях. Предприятия, принадлежавшие немецкой буржуазии,

были весьма примитивными, но их хозяева по жадности и жестокости не уступали своим иностранным собратьям по классу.

Одновременно с индустриализацией страны в Германии также началась классовая борьба между пролетариатом и буржуазией.

В своих новых роскошных домах богатеющая буржуазия устраивала пышные пиры. На фабриках же, которые были построены рядом с этими домами или находились совсем близко от них, т. е. непосредственно на глазах у своих хозяев, нищие, голодные и оборванные люди — мужчины, женщины и дети — изнемогали от непосильного труда. Они работали по 14—16 и больше часов в сутки во имя прибылей своих господ, а когда доходили до полного изнеможения, их безжалостно выбрасывали на улицу, обрекая на голодную смерть. Страдания нового класса пролетариев были так ужасны, унизительны и возмутительны, что вызывали негодование широкого круга людей. К числу лиц, осуждавших капиталистическую эксплуатацию, принадлежала Беттина фон Арним, с которой была знакома Женни фон Вестфален.

В своей работе «Эта книга предназначается для короля» Беттина описывает свои впечатления о берлинской колонии для бедных, находившейся у тогдашних Гамбургских ворот и прозванной Фогтландом. Она состояла из так называемых домов для семейных, выстроенных для рабочих бессовестными спекулянтами. В каждой маленькой, убогой комнатке этих домов ютилась целая семья, которая тут же ела, спала и зачастую даже работала. Среди множества людей, изнуренных нуждой и лишениями, оборванных, спящих на лохмотьях, которых видела там Беттина, было немало мужчин, которые, едва достигнув тридцати лет, выглядели уже стариками; истощенные и больные, либо искалеченные в результате несчастного случая, они были неработоспособны. Когда этим несчастным удавалось ценой самой унизительной процедуры выпросить в управлении по делам бедных талер для уплаты за жилье, тарелку жидкого супа для бедных или порцию картофеля, они считали себя на некоторое время счастливыми.

Самой отвратительной формой эксплуатации был труд маленьких детей на фабриках, который получил

распространение в первую очередь в Рейнской провинции, где в то время 10 процентов всех рабочих составляли дети. Против этой жестокости выступил молодой Энгельс. Еще юношей он страстно осуждал капиталистическую систему, представителем которой являлся также и его отец. В своих «Письмах из Вупперталя» он писал:

«...в одном Эльберфельде из 2500 детей школьного возраста 1200 лишены возможности учиться и растут на фабриках только для того, чтобы фабриканту не приходилось платить взрослому рабочему, которого они заменяют, вдвое против той заработной платы, какую он дает малолетнему. Но у богатых фабрикантов эластичная совесть, и оттого, что зачахнет одним ребенком больше или меньше, душа пиэтиста еще не попадет в ад, тем более если эта душа каждое воскресенье по два раза бывает в церкви» [4].

Энгельс рассказывает, что дети работали на фабриках с рассвета до поздней ночи, и даже свой скудный обед, состоявший преимущественно из ломтя сухого хлеба, они должны были съедать без перерыва в работе. Они спали тут же в рабочем помещении в углу на тряпках или на голом полу, а если они во время работы падали от изнеможения, то надзиратели жестоко их избивали.

Немецкие рабочие уже в то время боролись против своих эксплуататоров. Начиная с 30-х годов все чаще и чаще встречаются сообщения о забастовках и других попытках рабочих и подмастерьев защитить себя от капиталистов.

Первой большой битвой, в которой немецкий пролетариат показал свою силу, было восстание ткачей, которое вспыхнуло в 1844 году в силезских деревнях Петерсвальдау и Лангенбилау, населенных ткачами.

Силезские ткачи, проживавшие в деревнях в районе Исполинских гор, работали дома на своих ручных ткацких станках; эксплуататоры высасывали из этих тружеников всю кровь. К тому же за право заниматься ткачеством они должны были уплачивать богатым силезским помещикам так называемый «ткацкий оброк».

Все они — мужчины, женщины и дети — пытались, работая в своих убогих домишках, конкурировать с новыми машинами. Их изнурительный труд, обогащавший

господ, давал им самим лишь гроши. Нищета ткачей была такой беспросветной и ужасающей, что в некоторых районах Силезии от голода погибло больше половины населения. В сердцах ткачей пылала справедливая и жгучая ненависть к угнетателям, и в деревнях распевали песню, песню ткачей, в которой эта ненависть нашла свое выражение. Вот ее текст:

Есть суд в деревне нашей. Он
Судилищ всех ужасней,
И приговор его всегда
Страшнее смертной казни.
Он человека отдает
На медленные пытки,
И слезы льются здесь рекой,
И вздохи здесь — в избытке.
Здесь Цванцигеры * — палачи,
А челядь их — шпионы,
Об этом знаем мы давно
Вполне определенно.
Мерзавцы, слуги сатаны!
Исчадье злое ада!
За пот и слезы бедняков
Проклятье — вам награда!
От вас — все муки, беды все,
Пусть вас накажет небо!
Крадете вы у бедняков
Кусок последний хлеба.

Однажды, когда ткач, распевавший эту песню перед домом фабриканта, был арестован и избит полицией, вспыхнуло восстание.

Ткачи громили дома и конторы богачей, сжигали торговые книги, разрушили несколько фабрик и новый механический ткацкий станок. В этом восстании приняли участие несколько тысяч ткачей. Когда против них выступили войска, ткачи пустили в ход топоры и камни.

Восстание произвело глубокое впечатление в Германии. Генрих Гейне посвятил ему свое знаменитое стихотворение «Ткачи», в котором с величественной силой показаны страдания ткачей и их ненависть к господам.

Маркс, который в эту пору уже жил с Женни в Париже, с величайшим вниманием и восхищением следил за восстанием. Он писал:

«Прежде всего, вспомните *песню ткачей,* этот смелый *клич* борьбы, где нет даже упоминания об очаге, фаб-

---

* Семья силезских фабрикантов.— *Ред.*

рике, округе, но где зато пролетариат сразу же с разительной определенностью, резко, без церемоний и властно заявляет во всеуслышание, что он противостоит обществу частной собственности. Силезское восстание *начинает* как раз тем, чем французские и английские рабочие восстания *кончают,*— тем именно, что осознается сущность пролетариата. Самый ход восстания тоже носит черты этого *превосходства.* Уничтожаются не только машины, эти соперники рабочих, но и *торговые книги,* документы на право собственности. В то время как все другие движения были направлены прежде всего только против *хозяев промышленных предприятий,* против видимого врага, это движение направлено вместе с тем и против банкиров, против скрытого врага» [5].

«РЕЙНСКАЯ ГАЗЕТА»

Вернувшись из Берлина в свой родной город, Карл Маркс в возрасте 23 лет уже пользовался репутацией одного из лучших представителей формирующейся немецкой демократии. Он был связан с рядом ее ведущих деятелей и, как видно из воспоминаний современников, оказывал сильное и глубокое влияние на всех, кто с ним общался. Некоторые его друзья уже видели в нем будущего вождя немецкого освободительного движения.

Несмотря на то что Женни с грустью думала о крушении надежд на совместную жизнь в Бонне, она радовалась тому, что около нее постоянно был ее друг, который окружил ее нежной заботой и искренняя любовь которого оставалась неизменной.

Вскоре он вовлек ее в бурный поток научной и политической борьбы, и перед ней начал раскрываться мир его интересов.

В конце 1841 года, находясь в Трире, Маркс получил возможность включиться в общественную жизнь, хотя и в иной форме, чем он предполагал прежде.

Группа представителей либеральной буржуазии собиралась издавать в Кёльне газету, которая должна была защищать перед прусской монархией классовые интересы буржуазии, добиваться ряда свобод, необходимых ей для достижения политической власти: свободы печати, суда присяжных, конституции. Руководящая роль в этом на-

чинании принадлежала Кампгаузену и Ганземану, которые были лидерами рейнской буржуазии. Карл Маркс пользовался в Кёльне большим уважением. Поэтому было вполне естественно, что его привлекли к подготовительной работе, связанной с этим столь необычным для Пруссии мероприятием.

Живя в Трире, он с сентября по декабрь провел всю предварительную работу, связанную с изданием «Рейнской газеты», и Женни была счастлива, что могла лично участвовать в этой работе.

Газета вышла 1 января 1842 года в Кёльне, сперва без непосредственного участия Карла Маркса, который задержался в родном городе из-за различных невзгод, постигших его и Женни.

Маркс заболел, затем у него начались ссоры с семьей. Не одобряя его политических взглядов, мать осыпала его самыми горькими упреками и требовала, чтобы он «зарабатывал деньги». Женни она тоже устраивала сцены из-за того, что та решительно поддерживала Маркса и защищала его убеждения.

Но значительно больше, чем эти размолвки, Карла и Женни огорчало то, что старик Вестфален тяжело заболел и после трех месяцев страданий скончался. Они искренне его любили, и эта смерть была для них тяжелой утратой, их первым общим горем. В эти тяжелые месяцы болезни тестя Карл Маркс окружил невесту и тещу нежной любовью и вниманием. Лишь через несколько недель после смерти тестя он покинул Трир и отправился в Бонн, чтобы начать сотрудничать в «Рейнской газете». Но он вынужден был еще раз вернуться в родной город, так как его брат заболел и умер. На этот раз у него и у Женни нелады с матерью настолько обострились, что дело кончилось полным разрывом. Семья отказала ему в средствах, поставив его в крайне трудное положение. Женни вновь поссорилась со своими родными, и прежде всего со своим братом Фердинандом фон Вестфален.

Чем больше выдвигался ее жених как демократический деятель, тем враждебнее Фердинанд относился к сестре. У нее происходили бесчисленные резкие стычки с этим надменным юнкером, который разыгрывал из себя святошу и пытался при помощи бесконечных наставлений вразумить сестру, напомнить ей об обязанностях девушки из дворянской семьи по отношению к своему классу и к

«богом установленному» строю, и своей злобой и мелочными придирками он превращал ее жизнь в ад.

Она презирала его и его взгляды, которые при ее свободном образе мыслей представлялись ей отвратительными, смешными и глубоко безнравственными, и ни его заклинания, ни его угрозы не могли ее поколебать.

Преданная своему любимому более, чем когда-либо раньше, все меньше отделяя мир его интересов от своего, гордая тем уважением, с которым относились к нему видные люди, всецело находясь под влиянием его сильного интеллекта и любящего сердца, она оставалась непоколебимой в своей верности. Она делала все, чтобы облегчить своему другу его тяжелое положение, которое он переживал так болезненно, и безоговорочно поддержала его, когда он открыто вышел на арену политической борьбы.

Вернувшись, наконец, в июле в Бонн, Карл Маркс с головой ушел в работу. Сначала он был одним из главных сотрудников «Рейнской газеты»; вскоре он был назначен ее редактором.

С этого он начал, в возрасте 24 лет, свой славный путь политического борца и революционера. Под руководством молодого «Redácteur en Chef» (главного редактора), который мастерски владел пером, точно шпагой, и беспощадно бичевал устаревшие, отсталые прусские порядки, «Рейнская газета» с невиданной до того времени в Пруссии остротой и смелостью пошла в наступление на реакцию. Ее революционно-демократическое направление становилось все более определенным. Опубликованные в ней статьи Карла Маркса являются выдающимися произведениями боевой и научной журналистики. Яркий свет на немецкое убожество того времени бросает в первую очередь его статья о свободе печати, разоблачающая жалкое прозябание прессы в тогдашней Пруссии и лживость только что принятого так называемого свободного законодательства о печати.

Так же сильно волнуют нас и его проникновенные, потрясающие статьи о нищете мозельских крестьян, земляков Маркса и Женни, и статьи, направленные против закона о краже леса, принятого Сословным собранием Рейнской провинции. Во имя обогащения ненасытных юнкеров этот закон лишал бедных крестьян исконного права собирать в лесу валежник. Уже эти работы, в ко-

торых Маркс впервые высказывает свои взгляды на социальные вопросы, дышат искренним сочувствием, которое он питал всю свою жизнь к эксплуатируемым и угнетенным, и отражают негодование, которое до глубокой старости воодушевляло его в борьбе против эксплуатации и порабощения человека человеком.

«Рейнская газета» приобрела вскоре большое влияние, и число ее подписчиков достигло небывалой для того времени цифры. Фридрих Энгельс считает ее выход началом современной немецкой журналистики. Прусскому правительству никогда не приходилось иметь дело с подобным противником. Оно начало опасаться этой газеты, как серьезной силы. Чтобы заставить ее замолчать, правительство подвергло газету тройной цензуре. А когда и это не помогло и вдобавок в дело вмешался король, который оказал грубый нажим на правительство, оно издало закон о запрещении газеты. Газету не спас даже выход из состава редакции ее главного редактора, которого реакция яростно ненавидела. Просуществовав всего лишь год с небольшим, газета, однако, успела пробить основательную брешь в позициях реакции.

Находясь отныне в числе самых ненавистных для немецкой реакции революционеров, Карл Маркс снова был лишен возможности действовать. Он отправился в Крейцнах, куда тем временем переехали Женни с матерью, с твердой решимостью покинуть Германию, чтобы иметь возможность из-за границы еще энергичнее бороться за революцию в Германии.

«Противно быть под ярмом,—писал он своему тогдашнему другу, младогегельянцу Арнольду Руге,— даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того, чтобы драться дубинами. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспособляться, изворачиваться, считаться с каждой мелочной придиркой... В Германии я не могу больше ничего предпринять. Здесь люди сами себе портят» [1].

СВАДЬБА

Карл Маркс не хотел уезжать из Германии без Женни.

«Могу Вас уверить без тени романтики,— писал он Руге,— что я влюблен от головы до пят, притом — серьез-

нейшим образом. Я обручен уже больше семи лет, и моя невеста выдержала из-за меня самую ожесточенную, почти подточившую ее здоровье борьбу, отчасти — с ее пиэтистски-аристократическими родственниками, для которых в одинаковой степени являются предметами культа и «владыка на небе» и «владыка в Берлине», отчасти — с моей собственной семьей, где засело несколько попов и других моих врагов. Поэтому я и моя невеста выдержали в течение ряда лет больше ненужных тяжелых столкновений, чем многие лица, которые втрое старше и постоянно говорят о своем «житейском опыте»...»[1]

В течение года, проведенного ими в более тесном духовном общении, чем раньше, Карл Маркс и Женни еще больше сблизились друг с другом. Наперекор своим родным Женни стала демократкой, и поэтому была готова разделить с Марксом его жизнь революционера даже в изгнании.

19 июня состоялась свадьба. В ней не было той пышности, которой обычно сопровождались свадьбы девушек из аристократических домов, все было скромно, в соответствии со взглядами молодой четы.

Итак, два человека, так нежно любившие друг друга и так много боровшиеся за свою любовь, наконец соединились. Трудно себе даже представить, что пережили в этот день Карл и Женни. Известно лишь одно: был заключен такой супружеский союз, какой редко можно встретить: нежный и сердечный, полный преданности, самопожертвования и готовности к борьбе.

Они совершили небольшое свадебное путешествие по Рейну. Это были дни бурного веселья и упоительного, глубокого счастья, пережитого обоими жизнерадостными молодыми людьми во время поездки по самой прекрасной реке Германии. Эти первые дни их совместной жизни они запомнили навсегда. Будучи уже старым, тяжело больным человеком, Карл Маркс во время утомительной поездки из Карлсбада в Лондон заехал со своей дочерью в Бинген, «который Мавр хотел мне показать,— пишет она,— так как он был в нем во время своего свадебного путешествия с моей матерью»[2].

В то время как возможность соединиться наконец с любимой женщиной составила самое большое и самое светлое счастье, какое жизнь даровала Карлу Марксу, для Женни исполнение их обоюдного заветного желания

было по существу началом ее жизни вообще. Освободившись от опеки своей знатной родни, соединившись навсегда со своим любимым, она могла отныне целиком включиться в его жизнь и деятельность.

Фридрих Энгельс пишет, что начиная со дня свадьбы Женни «...не только разделяла участь, труды, борьбу своего мужа, но и сама принимала в них участие с величайшей вдумчивостью и с пламеннейшей страстью».

Первые месяцы после свадьбы молодая чета провела в Крейцнахе у матери Женни, которая была им очень предана.

Еще во время своей работы в «Рейнской газете» Карл Маркс решил заняться вопросами политической экономии и социализма. И вот в тиши маленького курортного городка он приступил к изучению тех основных проблем, которые привели его несколькими годами позже к созданию научного социализма.

Женни, по-видимому, тоже усердно занималась. Судя по одному из ее писем к Энгельсу, написанному в первые годы лондонского изгнания, она хорошо знала как Гегеля, так и Фейербаха. Под руководством своего гениального учителя она постигла глубокое содержание учения Гегеля, заключающееся в том, что мир не есть комплекс раз и навсегда данных вещей, а что в природе и обществе постоянно происходит процесс возникновения и исчезновения и что они находятся в состоянии непрерывного поступательного развития.

Так Женни овладевала основами науки и философии, которые несколько лет спустя помогли ей понять учение мужа. Она была одной из первых среди тех, кто признал учение Маркса во всем его огромном значении и кто был готов пожертвовать своим счастьем и жизнью для его осуществления, что является большой заслугой этой незаурядной женщины.

Вскоре после женитьбы Карла Маркса прусское правительство предприняло первую, но отнюдь не последнюю попытку обезвредить опасного противника путем привлечения его к себе на службу. Через старого друга его отца, правительственного советника Эссера, Карлу Марксу было сделано предложение, которое могло бы обеспечить ему блестящую карьеру на прусской государственной службе. Он с презрением отверг это предложение — в полном согласии со своей молодой женой.

Карл Маркс строил планы, направленные на то, чтобы найти для себя за пределами Германии такое поле деятельности, которое обеспечило бы ему и его жене скромное существование, так как ему хотелось продолжить свои занятия за границей, где в его распоряжении были бы необходимые научные источники и обширная литература.

В это время он вел переговоры с Арнольдом Руге об издании за границей журнала, который служил бы делу борьбы за свободу и в котором сотрудничали бы лучшие умы Германии. Руге посетил Карла и Женни Маркс в Крейцнахе, чтобы подробно обсудить с ними этот план. 2 сентября 1843 года он сообщил им, что в Париже есть возможность издавать журнал, который предполагалось назвать «Немецко-французские ежегодники». Руге предложил Карлу Марксу заработок в 500—600 талеров в год и заверил молодую чету в том, что на эти средства в Париже можно вести хотя и скромную, но вполне обеспеченную жизнь.

«Однако,— добавляет он в своем письме,— надеюсь, вы достаточно благоразумны, чтобы не принимать чересчур поспешно мои проекты и мои добрые намерения за реальную действительность». Это была не очень прочная база для существования семьи в чужой стране. Но Женни Маркс, полная надежд, бесстрашно последовала за своим мужем во Францию.

В ПАРИЖЕ

В октябре 1843 года Карл и Женни Маркс прибыли в Париж.

Они поселились в тесном переулке Сен-Жерменского предместья, в районе, расположенном на левом берегу Сены, населенном мелкими буржуа. Там, в скромном доме на улице Ванно, Женни устроила свой семейный очаг. Она ждала первого ребенка. Вместе с Карлом и Женни, а быть может немного позднее (мы не знаем этого точно), в Париж приехала также молодая красивая рейнская крестьянка, прямодушная, искренняя, добросовестная и работящая девушка, верный и преданный человек. Девятилетним ребенком она была взята в услужение в дом Вестфаленов, выросла вместе с Женни и Карлом и любила их всем сердцем.

Это была Ленхен, Елена Демут, которая с этого времени неотлучно следовала за семьей Маркса по ее жизненному пути, полному борьбы и лишений.

Париж 1843 года со своими блестящими витринами, экипажами, сверкающий огнями и полный роскоши, город Луи-Филиппа, «короля-буржуа», посаженного после Июльской революции на трон банкирами, владельцами шахт и металлургических заводов Франции, был настоящей светской столицей.

«Обогащайтесь!» — таков был лозунг реакционного правительства Гизо. Погоня за прибылью, взяточничество, спекуляция и откровенный карьеризм овладели жизнью высших классов и широких слоев среднего сословия. Не только из Франции, но и со всего света в Париж съезжались богачи, чтобы развлечься, авантюристы — чтобы сделать карьеру.

Но Карла и Женни Маркс привлекали не Елисейские поля и Булонский лес, где щеголяли дамы и тщеславные франты из высшего общества, выставляя напоказ свои туалеты и обшитые галунами ливреи своих слуг; их интересовали не ложи театров и салоны с их пошлыми сплетнями и интригами.

Существовал иной Париж, и этот Париж они искали и нашли.

В глазах свободолюбивых людей того времени Франция была великой родиной революции. В период после 1789 года, когда французский народ боролся против своих угнетателей, как не боролся до этого ни один другой народ, из Парижа по всему земному шару разнесся голос французской буржуазной революции, призывавший к свободе, равенству и братству.

В июле 1830 года мужественный народ Парижа снова поднялся на баррикады и сверг реакционный, продажный строй. Июльская революция в Париже снова была той искрой, которая зажгла огонь нового освободительного движения почти во всех странах Европы.

Вместе со своим мужем ходила Женни Маркс по узким, изогнутым переулочкам рабочих кварталов, где не раз вздымались баррикады, политые кровью борцов за свободу. Она с невольным уважением смотрела на старые, высокие, обветшалые дома, из окон и с крыш которых рабочие и студенты стреляли по войскам реакционного правительства; она стояла на площади Бастилии, на

том священном месте, на котором народ Парижа 14 июля 1789 года штурмовал ненавистную твердыню феодальных угнетателей.

Ее, как и ее мужа, тянуло в бедные пригороды, к рабочим и их семьям, в сердцах которых еще жил героический дух тех дней.

Парижские пролетарии жили в мрачных нищенских трущобах и голодали. После каждой революции французская буржуазия обманывала народ, который неоднократно проливал на баррикадах свою кровь во имя интересов буржуазии, и лишала его плодов, принесенных победой. Правительство Гизо, использовавшее рабочих для прихода к власти, заставило их тяжело и много работать за скудное вознаграждение, запретило им собираться, закрыло их клубы, подвергло преследованиям их вождей.

Но, несмотря на все неудачи, трудящиеся массы не сдавались и были полны боевого духа, и свободолюбивая Европа, находясь уже на заре грядущей революции, с надеждой смотрела на пролетариат, ожидая от него сигнала к новому восстанию.

Первое знакомство с рабочими и последовавшая вскоре после этого встреча с пролетарскими революционерами были для Женни волнующими и многозначительными событиями ее жизни.

Разделяя демократические идеи своего мужа, она с возмущением осуждала феодальные привилегии и предрассудки, господство юнкерства, ограниченность и отсталость Германии. Она решительно отстаивала свое мнение перед родными и друзьями и, верная своим убеждениям, последовала за мужем в добровольное изгнание. Но тогда, когда еще в Крейцнахе Маркс говорил с ней об идеях социализма, ей было вначале трудно следить за развитием его мысли, потому что она почти не знала жизни рабочих.

Теперь множество важных вопросов неожиданно встало перед ней со всей силой.

Она увидела жалких, изнуренных мужчин, изнемогающих от тяжелого труда на фабриках и в мастерских, зачастую чахоточных или искалеченных работой; их жен, рано состарившихся от горя и нужды; бледных, недоразвитых детей, растущих без света и солнца, с раздутыми от голода животами. Встречаясь с революционными ра-

бочими, она познакомилась с героической борьбой пролетариев, с их мужеством, геройским самопожертвованием; увидела, как они поддерживают друг друга, несмотря на все свои бедствия и нищету. Она столкнулась со справедливой ненавистью рабочих к имущим. Поскольку она сама одевалась так, как принято было одеваться в зажиточных кругах, то случалось нередко, что в рабочих кварталах ей вслед бросали враждебные и недоверчивые взгляды и обидные слова. Все это заставило ее оглянуться на всю свою прошлую жизнь и подвергнуть критике все свои прежние суждения.

Тысячи вопросов возникали перед ней.

Разве вся та беспечность, красота и богатство, окружавшие ее до̀ма, не создавались трудом этих бедняков, которые сами не пользовались плодами своего труда? Разве общество не совершало преступления по отношению к детям бедняков, лишая их всех радостей детства, воспитания, образования и даже отнимая у них насущный хлеб? Сумеет ли буржуазная революция, в которой демократы видели конечную цель, покончить с нуждой и несправедливостью? Не заменяет ли буржуазный строй старую форму эксплуатации и угнетения их новой формой? Не нужен ли полный социальный переворот? Женни задавала себе все эти вопросы. В то же время героизм и мощь рабочего класса служили источником ее твердости и уверенности. Молодая женщина вновь и вновь обсуждала со своим мужем все эти сложные вопросы, и он помогал ей искать и находить на них ответы.

В Париже молодая чета встретила многих немецких демократов-эмигрантов, среди которых были Георг Гервег и Генрих Гейне. Молодых супругов ждали с нетерпением, потому что Карл Маркс уже в то время считался руководящим деятелем демократического лагеря, да и романтическая история его любви к Женни была небезызвестна. Они вели тихий, скромный образ жизни, целиком посвятив себя работе. Поэтому с эмигрантами они поддерживали отношения лишь постольку, поскольку этого требовала политическая деятельность. Большинство посетителей, которые были вхожи к ним в дом, были рабочие.

Женни не скучала без общества. Она понимала, что ее мужу нужен покой для работы, и она делала все, чтобы ему не мешали. Она предпочитала жизнь, напол-

ненную серьезным трудом, шумному образу жизни эмигрантов; впрочем, оба они много и от души смеялись и охотно предавались непринужденному веселью.

Молодые супруги принимали у себя в доме не только лучших представителей эмиграции, но также и многих образованных и остроумных французов. С Георгом Гервегом Маркс встречался еще в Германии, Женни его тоже знала. Прославившись позднее как певец революции 1848 года, он опубликовал в 1841—1843 годах свои пламенные революционные песни — «Стихи живого человека». Песни были изданы в Швейцарии и оттуда нелегально доставлены в Германию, где они нашли восторженный прием.

В этот сборник вошло известное стихотворение о партии, которое и сегодня еще глубоко нас волнует. Женни тоже с большим одобрением отзывалась о нем.

О, партия моя, ты гордая основа
И мать бесчисленных сверкающих побед!
Как может не понять священнейшее слово,
Как может не постичь великое поэт.
Скажи — как мужу муж — с тобой нам по дороге,
Ты раб иль гражданин? Подумай и решись.
С Олимпа снизойдя, под Илионом боги
За партии свои, как смертные дрались[1].

Маркс и Женни считали Гервега крупным поэтом; Гервег также питал величайшее уважение к Марксу и был всем сердцем предан его жене, являясь ее пламенным рыцарем и поклонником ее красоты и ума. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях не только Элеонора Маркс, но и другие современники. Но в ходе революции 1848 года между Марксом и Гервегом возникли глубокие разногласия, когда Гервег принял участие в одной политической авантюре, которую Маркс резко осудил. В письме к Иосифу Вейдемейеру Женни тогда тоже решительно и прямо отмежевалась от Гервега.

К числу самых близких друзей молодых супругов принадлежал Генрих Гейне. Он, пожалуй, был единственным среди немецких демократов-эмигрантов, кто был по-настоящему близок с Карлом Марксом и Женни и кто искренне радовался их счастью. Его дружба с четой Марксов продолжалась долгое время и после их отъезда из Парижа.

Карл Маркс оказал сильное влияние на творчество Гейне, и, конечно, не случайно год, проведенный в личном контакте с Карлом и Женни Маркс, стал для поэта самым плодотворным и прогрессивным периодом его творчества. В это время он писал политические стихи, направленные против правительств Пруссии и Баварии, создал свое знаменитое стихотворение о ткачах и поэму «Германия. Зимняя сказка». В этой поэме имеются замечательные стихи, в которых поэт говорит о своей вере в лучшее, счастливое будущее человечества:

Мы новую песнь, мы лучшую песнь
Теперь, друзья, начинаем;
Мы в небо землю превратим,
Земля нам будет раем.

При жизни счастье нам подавай!
Довольно слез и муки!
Отныне ленивое брюхо кормить
Не будут прилежные руки.

А хлеба хватит нам для всех
Устроим пир на славу!
Есть розы и мирты, любовь, красота
И сладкий горошек в приправу[2].

Гейне питал глубокое уважение к Женни Маркс и, как многие другие, поклонялся ее красоте. Благодаря ее тонкому пониманию литературы, любви к поэзии и женственному добросердечию она была такой милой и понимающей слушательницей, о какой поэт может только мечтать. Ее основательное знакомство с литературой и понимание общественно-политических проблем давали ей возможность дружески помогать поэту своими критическими замечаниями. Бывали такие недели, когда Гейне почти ежедневно навещал молодых супругов, принимал участие в их радостях и невзгодах и провел в их семье немало увлекательных часов. Он имел обыкновение читать свои стихи Карлу и Женни, и нередко они просиживали вместе долгие часы, обсуждая и отшлифовывая строка за строкой какое-нибудь маленькое стихотворение.

Иногда Гейне приходил к ним буквально в слезах из-за того, что какой-то реакционный писака слишком резко обрушился на него. Тогда Маркс посылал его к своей жене. Со своим живым, доброжелательным юмором она всегда умела ободрить поэта.

В письме к Карлу Марксу, написанном поэтом из Гамбурга, куда он уезжал на несколько месяцев осенью 1844 года, он с большой теплотой вспоминает Женни:

«Начало книги (речь идет о поэме «Германия. Зимняя сказка». — *Примеч. автора)* я привезу Вам в Париж. Оно состоит из одних только романсов и баллад, которые Вашей жене понравятся (моя искренняя просьба — передать ей сердечный привет; я рад, что скоро вновь увижу ее...)» [3].

В течение первых месяцев своего пребывания в Париже Карл Маркс посвятил себя почти исключительно работе над «Немецко-французскими ежегодниками», издание которых он подготавливал тщательно и добросовестно. Но вышел всего один номер этого журнала, потому что распространение его в Германии натолкнулось на большие трудности, вызванные тем, что журнал приходилось провозить контрабандой и продавать нелегально. Кроме того, между Марксом и Руге возникли серьезные политические разногласия по вопросу о направлении журнала. Карл Маркс считал, что нужно обращаться к массам и к рабочему классу, но Руге, оставшийся буржуазным демократом, не пожелал идти по этому пути.

Закрытие журнала лишило семью Маркса основной материальной базы. Но выход из создавшегося положения был найден. На помощь пришли старые друзья по «Рейнской газете», которые прислали молодой чете тысячу талеров.

Освободившись таким образом от материальных забот, Маркс получил возможность заняться научной работой. Теперь, как и в течение всей своей жизни, он работал напряженно и проводил над книгами не только дни, но часто и ночи. В первую очередь он взялся за изучение трудов английских буржуазных экономистов и французских и английских социалистов-утопистов. Свою жену, внимательно следившую в Париже за его занятиями, он тоже заинтересовал изучением этой литературы. В то же время он излагал ей свои собственные, постепенно созревавшие у него критические взгляды и теоретические воззрения.

Женни, по-видимому, мало занималась английскими экономистами, зато она основательно и критически изучила труды социалистов-утопистов; с одним из них, Сен-

Симоном, ее познакомил еще ее отец. Хотя она и оценила их острую критику буржуазного общества, в целом, как можно судить по ее письму к г-же Эмме Гервег, она заняла по отношению к ним чрезвычайно критическую и даже резкую позицию, и в этом нет ничего удивительного. Ведь Женни Маркс по собственному опыту слишком хорошо знала имущие классы, и именно поэтому ей должна была казаться абсурдной мысль о том, что представители господствующего класса, руководствуясь доводами разума, могут создать более совершенный и более справедливый общественный строй.

С особым интересом молодая чета изучала произведения Этьенна Кабе и гениального немецкого подмастерья Вильгельма Вейтлинга, которые, хотя и были утопистами, все же призывали рабочий класс самостоятельно бороться за свои интересы.

О Вейтлинге Карл Маркс писал: «Где у буржуазии, вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об эмансипации буржуазии — *о политической эмансипации,* — которое было бы подобно книге Вейтлинга *«Гарантии гармонии и свободы»*? Сто́ит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим *беспримерным* и блестящим литературным дебютом немецких рабочих, сто́ит сравнить эти гигантские *детские башмаки* пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками немецкой буржуазии, чтобы предсказать *немецкой Золушке* в будущем фигуру атлета» [4].

Живой контакт с пролетариатом имел для Маркса не менее важное значение, чем научная работа. Уже вскоре после своего прибытия в Париж он стал искать знакомства с французскими революционными рабочими, с которыми подружилась также и Женни. Революционные рабочие входили в тайные общества, которых в Париже было много; они собирались в рабочих кафе и обсуждали политические вопросы. Самые передовые из многочисленных немецких ремесленников, проживавших в Париже, также принадлежали к тайным обществам. В это время чета Марксов впервые познакомилась с членами тайного Союза справедливых, из которого позднее был создан Союз коммунистов. Маркс проводил много вечеров в обществе рабочих. Их споры затягивались иногда до поздней ночи. Рабочие говорили о своем

бедственном положении, о жестокости эксплуататоров, о товарищах, которые сидели в тюрьмах, о полицейских шпионах, о минувших боях и о новой революции. Они излагали свои социалистические и коммунистические идеи, свои мечты о новом и счастливом обществе, в котором они, их жены и дети получат свою долю накопленных в мире богатств. Но их идеи и представления были сбивчивы и нереальны, это были взгляды утопического социализма и утопического коммунизма. Они считали, что социалистический строй будет создан либо по доброй воле и благодаря сознательности имущих классов, либо в результате путча, организованного несколькими отважными революционерами. Рабочие недооценивали свои собственные силы и не понимали великой исторической миссии своего класса. Однако дискуссии с революционными рабочими помогли Карлу Марксу разработать свою собственную научную теорию.

Пламенный революционер, полный глубокой любви к людям, он всегда с болью наблюдал неимоверную бедность пролетариата, и он высоко ценил стойкость и героизм рабочих.

С гениальной прозорливостью он увидел в рабочем классе ту силу, которая призвана построить социалистическое общество и тем самым открыть новую, прекрасную эпоху в жизни человечества. В процессе неутомимой научной работы он открыл законы развития человеческого общества и этим выковал оружие, необходимое рабочему классу в его великой борьбе за свое освобождение: создал марксистскую теорию.

Со всеми этими идеями, призванными изменить мир, он делился со своей женой еще в тот период, когда эти идеи находились в стадии становления. Маркс и Женни обсуждали в ту пору много животрепещущих вопросов.

Женни живо и горячо интересовалась идеями своего мужа, и до тех пор, пока он не сблизился с Энгельсом, она была человеком, который лучше всех его понимал и больше всех поддерживал.

Ее вопросы, критические замечания, горячее одобрение всех наиболее важных его выводов помогали Марксу еще лучше понять социальные проблемы. Она настаивала на том, чтобы он не прерывал своих научных исследований, и, несмотря на то что он не нуждался для этого в каких-либо внешних стимулах, все более крепнущая

вера Женни в правильность избранного им пути укрепляла его собственные убеждения и усиливала его энергию. Именно за это Карл Маркс на протяжении всей своей жизни был особенно благодарен своей жене.

Женни Маркс с самого начала встала на сторону своего мужа. Этим она показала большую смелость мысли, независимость суждений и остроту мышления. Ее позиция заслуживает особенно высокой оценки и особенно большого восхищения, если учесть, что она жила в такое время, когда женщина, особенно женщина из богатой семьи, считалась существом экономически зависимым, бесправным перед законом и умственно отсталым, и воспитывалась в соответствии с этими взглядами. Женни, которая до этих пор знала лишь убогую ограниченность немецкой провинциальной жизни, переживала в Париже вместе с мужем счастливое время, полное творческих исканий. Она полюбила Францию и французский народ, главным образом его рабочий класс, и до конца дней своих была верна этой любви. Благодаря тесному контакту с французскими рабочими, своим теоретическим занятиям и особенно беседам с мужем, которые позволили ей приобщиться к его идеям, она стала на сторону пролетариата и, как сознательный борец, убежденно пошла вместе с мужем по пути научного социализма, теперь уже окончательно избранному Марксом.

Самое прекрасное время для молодой женщины наступило тогда, когда в начале мая 1844 года у нее родился первый ребенок. Это была девочка, которую в честь матери назвали Женни. Вскоре после этого счастливая женщина поехала в Германию, чтобы показать ребенка родным, и прежде всего своей матери.

Величайшим событием парижского периода жизни семьи Маркса, а также событием исторического значения является приезд Фридриха Энгельса, положивший начало совместной творческой деятельности двух гениальных основоположников научного социализма. Приехав из Лондона в Париж, Фридрих Энгельс провел десять дней с Карлом Марксом. Эта первая близкая встреча показала, что оба они, независимо друг от друга, пришли к одинаковым убеждениям.

Отец Фридриха Энгельса был богатым фабрикантом в Вуппертале и совладельцем хлопчатобумажной фабрики в Англии. Сын изо дня в день наблюдал нужду пролета-

риев и безжалостную жажду наживы и ханжеское лицемерие буржуазии. Он вынужден был рано посвятить себя профессии коммерсанта, но это не мешало ему расширять свои научные и политические знания и понять прогрессивные идеи своего времени. Он, как и Маркс, после известной внутренней борьбы стал, и некоторое время был, младогегельянцем; как и Маркс, он очень рано начал заниматься политической публицистикой. Он сотрудничал в «Рейнской газете» и в «Немецко-французских ежегодниках».

В 1842 году, в возрасте 22 лет, он поехал в Англию в качестве служащего фирмы своего отца, чтобы работать в Манчестере, тогдашнем центре английской промышленности. Там, на родине промышленного капитализма, Фридрих Энгельс не только познакомился с пролетариатом, но и научился понимать и любить его.

Без конца бродил он по английским рабочим кварталам, которые именно в Манчестере были так велики и так ужасны. Он собственными глазами увидел нищету рабочих, безрадостную жизнь их жен и детей. Он часто сидел с ними в их каморках и вел с ними долгие беседы. Среди них он встретил и ту женщину, которая позже стала спутницей его жизни, мужественную революционерку, ирландскую работницу Мэри Бернс. Она работала на фабрике его отца, и ей он обязан глубоким знанием жизни английских рабочих.

Чтобы познакомиться с жизнью рабочих, Энгельс не полагался на одни лишь свои впечатления, а с необычайной добросовестностью изучал всю имеющуюся литературу, а также отчеты, документы и законы, относящиеся к положению рабочих. Он установил связь с деятелями английского рабочего движения и сотрудничал в различных рабочих газетах.

Для него Англия имела такое же значение, какое Франция имела для Маркса: там он нашел путь к социализму.

В то время, когда Энгельс приехал в Париж, он уже работал над своей книгой «Положение рабочего класса в Англии», представляющей собой результат его исследований.

Это была книга, открывшая новую эпоху, показавшая рабочих не только как угнетенный, но и как борющийся класс, который пойдет по пути социализма.

Как видно из писем, написанных позже Фридрихом Энгельсом Карлу Марксу из Вупперталя, первая встреча Маркса и Энгельса была событием, имевшим серьезное и важное значение для их будущего. Она умножила силы обоих и способствовала огромному подъему в их деятельности. Уже первые письма, написанные ими друг другу, говорят о глубокой, безмерной радости, которую испытывали оба. Вскоре они приступили к своему первому совместному труду, который вышел в свет под названием «Святое семейство» (подзаголовок: «Критика критической критики»).

Начиная с этих знаменательных дней два исполина человечества были неразрывно связаны друг с другом.

«С тех пор,— пишет Ленин,— как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом» [5].

В другом месте В. И. Ленин пишет:

«Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе» [6].

Когда Фридрих Энгельс первый раз был в Париже, он не смог познакомиться с Женни. Но Карл Маркс, по-видимому, много рассказывал своему другу о жене, потому что приветы, которые Энгельс передавал ей, «не будучи с нею знаком», отличались особой сердечностью.

Женни искренне обрадовалась, когда муж рассказал ей о своем новом соратнике; любящим сердцем она почувствовала, каким источником новых сил стала для него эта встреча и так быстро установившаяся глубокая дружба.

Друзья рассчитывали, что Энгельс скоро вернется в Париж и они вместе энергично возьмутся за осуществление великих задач, стоявших перед ними, а именно: разработают стройную теорию научного социализма и увлекут революционных рабочих своими идеями.

Но этот план осуществить не удалось.

Пребыванию Карла и Женни Маркс в Париже внезапно пришел конец. В феврале 1845 года Карл Маркс был выслан из Франции по требованию прусского правительства, против которого он продолжал вести борьбу, находясь в изгнании.

В БРЮССЕЛЕ

Карл и Женни решили поехать в Бельгию, но ввиду того, что Карл Маркс вынужден был покинуть Париж немедленно, он поехал сперва один. Женни должна была уладить квартирные дела и взять на себя все хлопоты и неприятности, которые были вызваны насильственным изгнанием. С маленькой дочуркой и с преданной служанкой Ленхен Демут она последовала за мужем некоторое время спустя. Молодая женщина с удивительным спокойствием приняла этот первый удар, который нанесла ей реакция.

В записной книжке Карла Маркса брюссельского периода имеются вписанные рукой Женни поручения, которые она дала ему в связи с переездом и подысканием жилья в Бельгии. Это были невзыскательные пожелания, изложенные с очаровательным юмором.

«...ее (детскую.— *Прим. автора*) и твой рабочий кабинет обставить совсем просто... Была бы одна хорошая комната.

Кухню можно не оборудовать. О кухонной посуде я сама позабочусь. Постель и белье тоже можно не включать в обстановку. Каковы вообще цены на мебель, потому что все равно мебель придется покупать, в случае если я нашу даже привезу... Остальное я предоставляю на мудрое усмотрение моих высоких покровителей; еще я прошу обратить особое внимание, чтобы были какие-нибудь стенные шкафы, они имеют большое значение для домашней хозяйки, эти вещи достойны внимания и пренебрегать ими не следует. Как бы еще разместить получше книги.

А за сим аминь!» [1]

Когда на семью Маркса обрушились тяжелые денежные затруднения, вызванные вынужденным переездом, Фридрих Энгельс впервые показал себя его верным другом и помощником. Он писал своему другу из Бармена, где задержался на некоторое время у родителей:

«Наконец, после долгой переписки с Кёльном, я получил твой адрес и сейчас же сажусь тебе писать. Как только пришло известие о твоей высылке, я счел необходимым открыть сейчас же подписку, чтобы по-коммунистически распределить между всеми нами причиненные тебе лишние расходы. Она пошла хорошо, и недели три

назад я послал 50 с лишним талеров Юнгу; я написал также дюссельдорфцам, которые собрали столько же, а в Вестфалии я поручил провести необходимую агитацию Гессу... Так как я не знаю, хватит ли этого, чтобы ты мог устроиться в Брюсселе, то, само собой разумеется, мой гонорар за первую английскую статью *, который я, надеюсь, скоро получу хотя бы частично и без которого я могу сейчас обойтись, так как мой старик даст мне взаймы, я предоставлю с величайшим удовольствием в твое распоряжение. Эти собаки не должны, по крайней мере, радоваться, что своей подлостью поставили тебя в затруднительное денежное положение. Верх мерзости, что тебя заставили еще заплатить за квартиру вперед. Боюсь, однако, что тебя не оставят в покое и в Бельгии и что тебе придется в конце концов переехать в Англию» [2].

Это последнее замечание Энгельса полностью оправдалось. В своей бешеной ненависти прусская реакция продолжала и в Бельгии преследовать Маркса и, наконец, потребовала от бельгийского правительства его выдачи. Таким образом, Марксу угрожало длительное тюремное заключение, и его жена провела несколько месяцев в страхе и беспокойстве. После длительных переговоров и разных угроз неприятности были ликвидированы, но Карл Маркс лишился своего прусского подданства. Кроме того, сразу после прибытия в Бельгию он должен был дать обязательство не писать статей для бельгийской печати по текущим политическим вопросам. Это ограничило не только политическую деятельность, но и заработок Маркса, что очень тяжело отразилось на семье. Жить в Бельгии им было нелегко. Лишь после многочисленных переездов с одного места на другое они нашли квартиру, соответствовавшую их материальным возможностям. Это было убогое жилище в рабочем предместье Брюсселя; на протяжении своего трехлетнего пребывания в бельгийской столице они не раз переезжали в другие, столь же убогие квартиры.

Их новая жизнь, довольно часто омрачавшаяся острыми денежными затруднениями, была такой же скромной, как и их жилище.

Их средства стали настолько скудными, что они решили отправить на родину преданную Ленхен, из-за того

* Имеется в виду работа «Положение рабочего класса в Англии».— *Ред.*

что не в состоянии были платить ей жалованье. Но, несмотря ни на что, Ленхен осталась и всю жизнь прожила у них, хотя и не всегда получала свое жалованье.

Эта перемена в жизни была для Женни не легкой. Ведь она, избалованная дочка богатых родителей, никогда ни в чем не нуждалась и никогда не занималась расчетами. Теперь она познала бедность и унижения, которые бедность приносит.

Но Женни всегда поступала так, как считала правильным. После того как она пошла по пути научного социализма и решила участвовать в борьбе рабочего класса, Женни была готова принять на себя все последствия, связанные с этим шагом. Этого принципа она придерживалась всю свою жизнь, и если было необходимо напряжение всех ее сил, никогда не колебалась.

Вот почему изменения в условиях ее существования не угнетали ее; наоборот, жизнь ее наполнилась новым содержанием.

Отказавшись от роскоши, она рассталась также и с ограниченностью, лживостью, жестокостью и лицемерием того класса, к которому она раньше принадлежала. Ни за какие сокровища в мире она бы не променяла жизнь с «любимым Карлом» на свое прежнее существование.

Поэтому семья Маркса, несмотря ни на что, была очень счастлива; в Брюсселе у них родилось еще двое детей — дочка Лаура и сын Эдгар. Женни полюбила жизнь среди новых друзей — революционных рабочих и коммунистически настроенной молодой интеллигенции, полных кипучей жизнерадостности, всем сердцем преданных революции, готовых в любое время пожертвовать жизнью и свободой.

В скором времени Маркс завязал в Бельгии связи с рабочими, но теперь он уже был не только искателем научных истин, но и революционным вождем, твердо и уверенно идущим к цели. Рабочие учились у него и доверяли ему. Они с глубоким уважением называли этого 27-летнего молодого человека «отец Маркс» и сердечно любили его молодую, красивую жену, которая была так проста, весела, приветлива и отзывчива, так безраздельно предана делу, за которое боролся ее муж.

В апреле 1845 года, спустя два месяца после переезда семьи Маркса в Бельгию, Энгельс тоже прибыл в Брюс-

сель. Он поселился там и почти целый год был их соседом. Сперва оба друга совершили совместное путешествие в Англию, продолжавшееся шесть недель. Эта поездка позволила Марксу впервые заняться изучением промышленного капитализма в той стране, где он зародился. Пребывание в Англии помогло обоим друзьям наладить некоторые связи с деятелями английского рабочего движения. Затем они вместе вернулись в Бельгию.

Женни получила наконец возможность лично познакомиться с другом своего мужа, о котором она от него так много слышала. Она неоднократно принимала участие в беседах друзей и была в курсе всех их планов и трудов. Как раз в это время Энгельс опубликовал свой исторический труд о жизни и борьбе английского рабочего класса. Женни, несомненно, читала это произведение с таким же интересом и волнением, с какими мы и теперь изучаем эту увлекательно написанную книгу и, конечно, часто беседовала с Энгельсом о том, что он видел и пережил, находясь среди английских рабочих.

Тогда она еще не подозревала ни того, что ей придется почти половину своей жизни провести среди этих английских рабочих, ни того, что она и ее дети испытают в Англии горькую нужду.

В последующие годы Фридрих Энгельс делил свое время между Брюсселем и Парижем, где он поддерживал связи с французскими коммунистами и демократами. Скоро он стал частым и всегда желанным гостем в доме Маркса, любимым другом Карла и Женни.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ С РАБОЧИМ КЛАССОМ

Совместная деятельность обоих друзей была направлена в первую очередь на разработку их мировоззрения и на полемику с проповедниками господствовавших в то время неверных социалистических теорий.

Они «выработали,— говорит Ленин,— резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного *пролетарского социализма* или коммунизма (марксизма)» [1].

В это время вышли в свет две новые работы: «Немецкая идеология», написанная Марксом и Энгельсом, и «Нищета философии», которую написал Карл Маркс. В этих

трудах были подвергнуты резкой критике утопические и мелкобуржуазные теории социализма, вносившие путаницу в мировоззрение революционных рабочих, и указывался путь, по которому должен был идти рабочий класс, боровшийся за свое освобождение.

Женни принадлежит кропотливый труд по переписке этих сочинений; она же носила рукописи в типографию и терпеливо читала корректуры.

Уже в брюссельский период их жизни Женни была секретарем и ближайшей помощницей своего мужа.

Она активно поддерживала борьбу, которую вели Маркс и Энгельс за создание революционной рабочей партии, основанной на теории научного социализма.

Эта борьба была жестокой и трудной, потребовавшей от Женни больших знаний, твердой уверенности в правильности учения Маркса и величайшей готовности к самопожертвованию.

В Брюсселе у Маркса и Энгельса сначала не было ни газеты, ни организации, при помощи которых они могли бы пропагандировать свои идеи. Поэтому борьба требовала от них большого, напряженного, упорного повседневного труда и больших материальных жертв. Они создали Брюссельский корреспондентский комитет для установления связи с революционными рабочими организациями и с видными социалистами и демократами различных стран, с тем чтобы привлечь их в число сторонников своего учения и создать революционную рабочую партию. При помощи циркулярных писем, отпечатанных на гектографе, они разъясняли свою точку зрения по важнейшим политическим вопросам и боролись с вредными мелкобуржуазными теориями, мешавшими рабочим испробовать свои силы в борьбе. Они сумели установить контакт со многими политическими деятелями мира.

Женни было нелегко участвовать в политической борьбе, так как в это время она родила двух детей, вторую дочку и сына, и, несмотря на энергичную помощь Ленхен Демут, домашнее хозяйство и дети причиняли ей много хлопот. Дети были, как она сама рассказывала, очень резвыми и не отходили от нее ни на шаг, а она, будучи нежной и ласковой матерью, охотно занималась с ними. Кроме того, дом их всегда был полон посетителей, приходивших к ее мужу или к ней, если он был в отъезде.

Из-за своей бедности она могла предложить гостям лишь скромное угощение, но она сама была любезной хозяйкой, приветливо принимавшей всех, и у нее в доме чувствовали себя одинаково хорошо простые рабочие и известные ученые.

И все-таки она с величайшим пылом участвовала в работе мужа. Она не только переписывала рукописи, но занималась также почтой, отправкой материалов, и уже в то время избавляла своего мужа от утомительных мелочных переговоров с владельцами типографий, в которых печатались его труды.

Но самым важным для Маркса было то, что любимая им женщина была полностью на его стороне и, подобно ему, была готова с радостью пожертвовать всем во имя борьбы, в которую он со всей страстью вступил вместе с Энгельсом. Его успехи составляли ее радость и счастье. Так же как и для Маркса, дело рабочих стало ее собственным делом, и он мог быть уверен, что в неудачах и разочарованиях, которыми неизбежно сопровождается политическая борьба, он найдет у своей спутницы жизни такое понимание и дружескую поддержку, в которых гений также иногда нуждается.

Она не жаловалась на те лишения, которые приносило ей участие в революционной борьбе; наоборот, она была готова в случае необходимости принести в жертву освободительному движению и то немногое, что она имела. С полного обоюдного согласия между ней и Карлом Марксом расходы, связанные с печатанием, размножением и отправкой различных материалов, зачастую покрывались из их собственных скудных средств, даже тогда, когда приходилось отказывать себе в самом необходимом.

В скором времени дом Маркса стал центром революционного движения.

В Брюсселе сформировался тот тесный кружок, который во время революции 1848 года сплотился вокруг Маркса и стал знаменитым благодаря «Новой Рейнской газете».

В конце 1845 года приехал Георг Веерт, которого Энгельс назвал первым поэтом пролетариата. Будучи сыном окружного церковного инспектора из Бильфельда, он, как и Энгельс, был торговым служащим в Англии и, подобно ему, познакомился с бедственным положением и

борьбой английского пролетариата. В том же 1845 году он опубликовал свои знаменитые «Ланкаширские песни» и в том числе песню, в которой поэт впервые воспевает международную солидарность рабочего класса.

Сидели они под ивой,
Сидели вокруг стола,
Сидели за кружкой пива
И пили — была не была!

Кутили они бесшабашно,
Все было им трын-трава.
Что завтра их ждет — не страшно,
Была бы цела голова!

Они собрались для пира,—
А лето кругом цветет! —
Из Йорка и Ланкашира
Веселый и буйный народ.

Смеялись и песни орали,
До света вечерних огней,
А вечером парни узнали
О битве силезских ткачей.

Когда им все стало известно,
Вскочили здоровяки,
Вскочили в ярости с места,
Огромные сжав кулаки.

И шляпами махали,
И слезы роняли из глаз.
Поля вокруг громыхали:
«Силезия, в добрый час!» [2]

В Брюсселе к Марксу и Энгельсу примкнул Вильгельм Вольф, который позднее был единственным последовательным представителем левых во Франкфуртском национальном собрании и, так же как и Веерт, являлся редактором «Новой Рейнской газеты».

Он был сыном силезского крестьянина и на себе испытал тяжелую участь угнетенных немецких крестьян.

О его приезде в Брюссель Фридрих Энгельс рассказывает:

«Было это, если я не ошибаюсь, приблизительно в конце апреля 1846 года. Маркс и я жили в то время в одном из предместий Брюсселя; мы были как раз заняты вместе одной работой, когда нам сообщили, что с нами желает говорить какой-то господин из Германии. Мы увидели человека небольшого роста, но очень крепкого

сложения; выражение лица настолько же свидетельствовало о доброжелательности, как и о спокойной решительности; фигура восточно-германского крестьянина в одежде восточно-германского захолустного бюргера. Это был Вильгельм Вольф. Преследуемый за нарушение законов о печати, он счастливо избежал прусских тюрем. При первом взгляде на него мы не подозревали, какой редкостный человек скрывается под этой неказистой внешностью. Не прошло и нескольких дней, как между нами и новым товарищем по изгнанию установились сердечные дружеские отношения, и мы могли убедиться, что имеем дело с отнюдь не заурядным человеком» [3].

Вильгельм Вольф до самой своей смерти (он умер в изгнании в Англии) оставался лучшим и самым верным соратником Маркса и Энгельса, а также преданным другом Женни и ее детей.

В брюссельском кружке временами появлялся младший брат Женни, Эдгар, школьный друг Карла Маркса. Вместе с Марксом и Энгельсом он подписал одно из циркулярных писем. Но как в политическом, так и в житейском отношении у него был слабый, нерешительный характер. В скором времени он уехал в Америку. Женни было жаль потерять последнего близкого человека, оставшегося у нее из всей семьи, не считая матери. Но она не удерживала его. Она слишком хорошо знала его слабости и надеялась, как она писала тогда его невесте, учительнице Лине Шелер, что в Америке борьба за существование закалит его характер. Хотя эта надежда и не оправдалась, Эдгар фон Вестфален навсегда сохранил сердечную привязанность к Марксу и Женни.

Кроме членов тесного брюссельского кружка к Марксу иногда приезжали знакомые революционеры и демократы, чтобы обменяться мнениями с ним и с Энгельсом, рассказать о происходящих событиях, посоветоваться и найти у них помощь.

Некоторые, как, например, Вильгельм Вейтлинг, приезжали для того, чтобы поспорить с Марксом. Женни хорошо знала как соратников, так и политических противников своего мужа и принимала активное участие в их дискуссиях.

Постоянно расширяя свои политические знания, она была достаточно хорошо подготовлена к тому, чтобы участвовать в политических дискуссиях со своими выдающи-

мися современниками. Сам Фридрих Энгельс во введении к «Манифесту Коммунистической партии» с одобрением отмечает, сколько сил потратили Карл и Женни, пытаясь склонить Вильгельма Вейтлинга на сторону научного социализма. Правда, эти усилия в данном случае были напрасны. В остальном политическая борьба Маркса и Энгельса была успешной. Яркая индивидуальность Маркса, этого прирожденного политического вождя, производила глубокое впечатление на всех, кто с ним соприкасался, а логика его теории, научно обоснованной и подлинно революционной, покоряла своей убедительностью.

Но современники, посещавшие дом Маркса, в своих воспоминаниях живо рисуют также и образ Женни Маркс, которую они характеризуют как выдающуюся женщину, подлинную революционерку, обладавшую большим умом, и многие из них считают счастьем своей жизни то, что знали ее.

Самым важным результатом совместной работы обоих друзей явилось создание первой партии рабочего класса.

Наиболее тесными и плодотворными из всех связей, установленных Марксом и Энгельсом с различными группами рабочих, были связи с Союзом справедливых. Этот союз, созданный в 1836 году в Париже, был тайной организацией рабочих, разделявшей сперва идеи утопического социализма. Позднее союз приобрел международный характер и руководство им было перенесено в Лондон. Немецкие ремесленники, возглавлявшие этот союз, установили контакт с Марксом и Энгельсом и в скором времени оба они стали принимать активное участие в деятельности союза. При их участии он был реорганизован и стал называться Союзом коммунистов. Это была первая созданная Марксом и Энгельсом коммунистическая организация, и ее представители, странствующие рабочие и подмастерья, начали накануне революции 1848 года распространять идеи Маркса и Энгельса в различных странах Европы.

Наряду с интенсивной интернациональной работой, Маркс развил также энергичную деятельность среди бельгийских и немецких рабочих, проживавших в Брюсселе. Он основал Немецкое рабочее общество и читал там свои известные лекции на тему «Наемный труд и капитал», которые посещала Женни. Он был вице-президентом

брюссельской «Демократической ассоциации» и сотрудничал в «Немецкой брюссельской газете».

Женни участвовала в работе Брюссельского немецкого рабочего общества, к деятельности которого допускались женщины. Ее усилия были направлены главным образом на повышение культурного уровня рабочих, и ее образцовая работа была отмечена в опубликованном в «Немецкой брюссельской газете» отчете о новогоднем празднике в рабочем обществе, на котором «госпожа доктор Маркс» выступала с декламацией.

«ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

В конце 1847 года в Лондоне состоялся второй конгресс Союза коммунистов. На нем Карл Маркс и Фридрих Энгельс изложили свое учение, и конгресс поручил им разработать программу союза.

Так возник документ о рождении научного социализма, книга, о которой Сталин сказал, что это «песня песней коммунизма»,— «Манифест Коммунистической партии».

Женни первая прочитала эту прекрасную книгу и одобрила ее смелый, революционный призыв к рабочим всего мира.

На одной из сохранившихся страниц рукописи Маркса первая строчка Манифеста написана рукой его жены.

«Манифест Коммунистической партии» является первым сжатым изложением учения Маркса и Энгельса. Он доказывает, что освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса и что рабочие не должны ждать благодеяний от буржуазии.

Он указывает пролетариату на его великую историческую миссию, состоящую в завоевании политической власти путем ожесточенной классовой борьбы против буржуазии, в установлении диктатуры пролетариата и в создании социалистического общества.

В Манифесте пролетариат показан как великая сила, которая одновременно со своим освобождением навсегда положит конец эксплуатации человека человеком; он обращается к рабочим всех стран с могучим призывом объединиться для великого дела своего освобождения. Манифест заканчивается гордыми словами:

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [1].

«Манифест Коммунистической партии» быстро проложил себе дорогу к рабочему классу. В 1890 году Фридрих Энгельс справедливо назвал его самым распространенным и наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой многих миллионов рабочих всех стран — от Сибири до Калифорнии. В 1895 году Ленин писал: «Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира» [2].

Сегодня учение, изложенное в Манифесте, претворено в жизнь на одной трети земного шара.

Великий социалистический Советский Союз, славная Китайская Народная Республика, процветающие европейские страны народной демократии и успехи Германской Демократической Республики доказывают, что учение Маркса всесильно, потому что оно верно.

ПАМЯТНЫЙ 1848 ГОД

Европейская революция 1848 года началась в Италии. Затем, в феврале, революция вспыхнула в Париже. Парижские рабочие построили баррикады, взяли штурмом казармы и захватили Париж в течение одной ночи. «Король-буржуа» Луи-Филипп был свергнут. Революционный подъем, словно пожар, распространился по всей Европе. В Брюсселе тоже происходили многолюдные революционные демонстрации. Карл и Женни Маркс, всегда связанные с борьбой пролетариата, всеми силами помогали бельгийским рабочим.

После неоднократных переговоров с родственниками Маркс реализовал часть имущества, причитавшуюся ему из его доли наследства. Хотя Карл и Женни нуждались

в самом необходимом, они отдали из этих денег значительную сумму в несколько тысяч талеров бельгийским рабочим, чтобы помочь им в их революционной борьбе.

Бельгийское правительство с величайшей жестокостью обрушилось не только на рабочих, но и на политических эмигрантов, живших в Бельгии, и самым подлым образом поступило с семьей Маркса. Карл Маркс, собиравшийся уже укладывать вещи, чтобы по заданию Союза коммунистов выехать в Париж, вечером накануне отъезда был арестован. Более того, Женни разлучили с детьми и тоже бросили в тюрьму.

«Немедленно после моего ареста,— писал Маркс во французскую газету «Réforme»,— жена моя отправилась к Жотрану, председателю Бельгийской демократической ассоциации, чтобы попросить его принять необходимые меры. Вернувшись домой, она застала у двери полицейского, который, обращаясь к ней с изысканной вежливостью, сказал, что если она хочет поговорить с г-ном Марксом, то может следовать за ним. Моя жена с готовностью приняла это предложение. Ее провели в полицейское управление, где комиссар прежде всего заявил ей, что г-на Маркса здесь нет, а затем стал грубо ее допрашивать, кто она такая, зачем она ходила к г-ну Жотрану и имеет ли она при себе документы. Бельгийский демократ г-н Жиго, который сопровождал мою жену в полицейское управление вместе с полицейским, выразил свое возмущение нелепыми и в то же время наглыми вопросами комиссара, но полицейские заставили его замолчать; он был схвачен ими и брошен в тюрьму. Под предлогом обвинения в бродяжничестве мою жену отвели в тюрьму городской ратуши и заперли в темном помещении вместе с проститутками. В 11 часов утра целый эскорт жандармов, сопровождавший ее среди бела дня, доставил ее в кабинет судебного следователя. Два часа ее продержали в карцере, несмотря на самые решительные протесты, поступавшие со всех сторон. Она оставалась там, перенося суровый холод и возмутительнейшее обращение жандармов.

Когда, наконец, она предстала перед следователем, последний выразил свое удивление по поводу того, что полиция в своем усердии не арестовала также и малолетних детей. Допрос мог быть только чисто формальным: вся вина моей жены состоит лишь в том,

что, принадлежа к прусской аристократии, она все же разделяет демократические убеждения своего мужа»[1].

Семья Маркса была вынуждена уехать в Париж, не имея возможности взять с собой даже самое необходимое. Арест Женни вызвал в Бельгии, а также во Франции и в Англии такую бурю возмущения, что бельгийское правительство было вынуждено отстранить от должности полицейского чиновника, ответственного за этот акт.

Союз коммунистов, все руководящие члены которого прибыли в Париж, провел важные совещания, на которых было определено отношение к немецкому вопросу. Для грядущей революции в Германии он разработал боевую программу, которая в основных чертах уже была изложена в «Манифесте Коммунистической партии».

Это было сделано не только потому, что Маркс и Энгельс были пламенными немецкими патриотами и боролись за единую, демократическую Германию, но прежде всего потому, что коммунисты возлагали большие надежды на немецкую революцию. Все члены Союза коммунистов работали день и ночь. Женни участвовала в этой работе, отдавая ей все свои силы.

В Германии тем временем разразилась буря, которая собиралась уже давно. Начиная с 1845 года обстановка все больше обострялась. Тяжелые неурожаи и экономический кризис, поразившие всю Европу, породили в стране нищету и голод. Повсюду, как в городе, так и в деревне, народ стонал; накапливались ненависть и отчаяние, неоднократно дело доходило до мятежей. 1847 год был годом так называемого берлинского картофельного бунта. Гонимые голодом и гневом, женщины Берлина начали опрокидывать на рынке картофельные лари и вызвали этим бунт, во время которого голодные рабочие начали штурмовать булочные и мясные лавки. В Кёльне, Штутгарте и в других городах тоже происходили беспорядки. Деревня также волновалась.

В начале марта в Кёльне рабочие ворвались в муниципалитет и требовали провозглашения республики. На юге Германии, в Бадене и в других государствах вспыхивали крестьянские восстания. Крестьяне поднялись также и в Силезии. Они нападали на дворянские поместья и уничтожали долговые записи. В Висбаден явились 30 тысяч крестьян, которые потребовали ликвидации фео-

дальных повинностей и добились удовлетворения своих требований.

В марте революция охватила Вену. Венские рабочие воздвигли баррикады и окружили императорский дворец. Князь Меттерних бежал, переодевшись в женское платье.

18 марта восстание вспыхнуло в Берлине. В этот день народ вышел на демонстрацию. Были стянуты войска, которые открыли стрельбу по демонстрантам. Тогда народ взялся за оружие; были построены многочисленные баррикады.

Борьба продолжалась более тринадцати часов. Народ Берлина устоял перед натиском 14 тысяч солдат. Король был вынужден отвести войска. Народ победил. Когда на следующий день мимо королевского дворца проносили павших на баррикадах, королю пришлось снять шляпу перед погибшими за революцию.

Но сразу же после этой победы народа буржуазия начала вести переговоры с королем. Она предала революцию, охваченная паническим страхом перед молодым рабочим классом, победившим на баррикадах и осознавшим свои силы. Таким образом, реакция снова начала укреплять свою власть.

СЕМЬЯ МАРКСА В КЁЛЬНЕ

В апреле 1848 года Маркс и Энгельс отправились в Майнц, а затем в Кёльн. Этот город, расположенный в Рейнском промышленном районе, был важным центром революции. Так как поездка должна была привлекать как можно меньше внимания, а обстановка была неспокойной, Женни не могла поехать вместе с ними. Взяв своих трех детей, из которых младшему было лишь несколько месяцев, она поехала к матери в Трир.

Маркс и Энгельс застали всю Германию в движении. Народ ликовал и волновался. Рабочие, крестьяне, мелкие буржуа — все были полны надежд на новые, лучшие времена. На улицах городов стояли радостно взволнованные группы людей, обсуждавших происходящие события; проводились собрания, основывались различные общества и клубы, продавались революционные газеты и книги. Люди распевали марсельезу и другие революционные песни.

Женни неохотно рассталась с мужем и с друзьями; годы, проведенные ею в Брюсселе, она была всецело поглощена мыслями о приближающейся революции. Как видно из ее письма подруге Лине Шелер, написанного в конце 1847 года, она ждала от революции больших социальных перемен и наступления новой эры. Она горячо стремилась участвовать в этих событиях и внести свою лепту в происходящую борьбу. Поэтому жизнь в Трире была для нее тягостной, несмотря на то что ее радовала встреча с матерью и возможность показать ей детей. Хотя революция и не прошла мимо Трира, город все же остался в стороне от событий, а родным и знакомым ее юношеских лет были если не враждебны, то, во всяком случае, совершенно чужды ее переживания и чаяния. Карл Маркс, лишенный прусского подданства, был вынужден просить для себя и для своей семьи разрешения на пребывание в Пруссии и заново добиваться права гражданства. Несмотря на решительные протесты Маркса, эти права были предоставлены ему не прусским правительством, а кёльнскими городскими властями. И вот Женни с детьми и с Ленхен Демут приехала наконец в Кёльн, не зная, что ее там ждет. Совершая этот шаг, она руководствовалась, по-видимому, кроме своего желания, также и желанием мужа (оно имело решающее значение), который не хотел лишаться помощи и поддержки своей жены именно в это тревожное и суровое время борьбы.

Приехав в Кёльн, она застала Маркса, Энгельса и всех других товарищей за напряженной, лихорадочной работой.

Весь немецкий рабочий класс поднялся на борьбу, но он был еще слишком слаб, раздроблен и неорганизован, чтобы взять на себя руководство революцией. Поэтому Маркс и Энгельс примкнули к демократической буржуазии. Они занимали позицию крайних левых, в резкой форме публично критиковали умеренные и половинчатые действия демократов и пытались добиться от них осуществления основных задач буржуазной революции: создания единой, неделимой Германской республики и уничтожения экономического и политического господства юнкеров.

Первой задачей, которую поставили перед собой оба друга, было создание крупной демократической газеты,

которая могла бы стать боевым руководителем и организатором революционных сил. Создать газету можно было только ценой огромного напряжения сил, ценой больших жертв. Лица, финансировавшие раньше «Рейнскую газету», отказали Марксу в какой бы то ни было помощи. Двое из них, Кампгаузен и Ганземан, поочередно занимали пост премьер-министра Пруссии. Люди, которые прежде преклонялись перед Марксом и его красивой молодой женой, видели теперь в нем своего смертельного врага. Маркс и Энгельс вынуждены были собирать деньги для газеты талер за талером, совершая утомительные поездки по стране. Но друзья добились своего, и «Новая Рейнская газета» была основана. Когда Женни с детьми приехала в Кёльн, газета уже представляла собой большую политическую силу. Какую радость и глубокое волнение испытала она, когда муж вручил ей газету и они вместе прочли его великолепные статьи; после первых волнений, связанных с приездом, она сама взялась за дело, чтобы выполнить свою долю совместной работы в этом большом мероприятии.

«Новая Рейнская газета» решительно включилась в политическую борьбу. Ее история и ее влияние на ход политических событий никогда не будут забыты. Она подняла знамя единой демократической Германской республики, ибо, создавая эту газету, Маркс и Энгельс преследовали первоочередную и наиболее важную для успешной борьбы рабочего класса цель. Немецкий пролетариат мог развернуть свои силы и организовать их для борьбы за социализм только путем устранения раздробленности государства, путем ликвидации господства князей и преодоления пережитков феодализма.

«Новая Рейнская газета» объединила вокруг себя все силы революции; она обращалась к рабочим, буржуа и крестьянам. Карл Маркс неустанно указывал всем демократам тот путь, по которому им следовало идти, чтобы окончательно победить реакцию, обеспечить и закрепить победу. Статьи, опубликованные в «Новой Рейнской газете», характеризуют Маркса как смелого и дальновидного стратега немецкого революционного движения, тем выше подымавшего знамя пролетариата, чем больше свирепствовала реакция.

«Новая Рейнская газета» настойчиво обращалась к буржуазии и к крестьянству, борьбу которого против по-

мещиков она поддерживала всеми силами. Но она была и всегда оставалась в первую очередь газетой революционного рабочего класса и не скрывала этого от немецкого народа. Она никогда не переставала указывать рабочему классу путь непримиримой классовой борьбы против буржуазии и всегда разоблачала буржуазию, предававшую интересы пролетариев и извлекавшую свои прибыли из пота и крови рабочих, их жен и детей. Три недели спустя после выхода первого номера «Новой Рейнской газеты», в июне 1848 года, буржуазия подавила, потопив в крови, Июньскую революцию парижских рабочих. «Новая Рейнская газета» была единственной немецкой газетой, ставшей на сторону французского пролетариата. Тогда последние буржуазные акционеры изъяли свои деньги, вложенные в издательство.

Но рабочие еще теснее сплотились вокруг своей газеты. Карл и Женни Маркс в финансовом отношении спасли «Новую Рейнскую газету», вложив в нее последние остатки своих скромных средств. Это была не малая жертва, потому что из-за этого шага семье снова угрожали лишения, тем более что Маркса каждый день могли арестовать или выслать за пределы страны.

Газета имела колоссальный для того времени тираж, и каждый новый номер рабочие и бюргеры буквально расхватывали у газетчиков. Женни также встречала каждый новый номер газеты с удовлетворением и радостью. Она по праву могла гордиться великими жертвами, которые она принесла этой газете.

«Ни одна из немецких газет,— писал позднее Фридрих Энгельс,— ни раньше, ни после — не обладала подобной силой и влиянием, не умела так электризовать пролетарские массы, как «Новая Рейнская газета»» [1].

В момент, когда происходили бурные революционные события, переезжать с тремя маленькими детьми, из которых старшему было четыре года, было очень сложно.

Женни разместила семью в квартире в старой части Кёльна, вблизи редакции, и сумела даже в это неспокойное время создать для своих близких домашний уют.

Она разыскала кое-кого из старых друзей. Фридрих Энгельс жил совсем близко от них. Однако, опасаясь прусской полиции, он перебрался в конце 1848 года в Швейцарию, потом поехал во Францию и возвратился лишь в начале 1849 года.

Георг Веерт тоже был в Кёльне и, наконец, туда приехали Фрейлиграт и Вильгельм Вольф, бывший до этого в Силезии. Все трое стали редакторами «Новой Рейнской газеты».

В революционный период 1848—1849 годов в Кёльне царило большое оживление. Он был центром революционного движения Рейнской провинции. Здесь не только выходила «Новая Рейнская газета», здесь находился также Окружной комитет демократических организаций Рейнской провинции, которые развили большую активность в Эльберфельде и в других районах Вупперталя, а также в Рурской области и в Зауерланде, центре металлургической промышленности. Тысячи рабочих и бюргеров из окрестностей Кёльна, где находилось управление железной дороги Кёльн — Минден с его огромными мастерскими, тоже участвовали в движении. Им руководило Демократическое общество во главе с Карлом Марксом, а также Кёльнский рабочий союз, руководство которым также было возложено на Карла Маркса вскоре после его приезда.

Политические собрания, на которых происходили страстные дискуссии, многолюдные уличные манифестации и демонстрации, острые политические разногласия и борьба мнений, чрезвычайно активная агитационная работа самых различных групп, непрерывные горячие споры на предприятиях, на улицах, в пивных, быстро распространявшиеся по городу слухи, столкновения с властями, аресты, обыски и даже баррикады — такова была обстановка, царившая в Кёльне.

Для прусского правительства революционное движение в Рейнской провинции было страшнее всех других сил немецкой революции. Оно стянуло туда треть своих войск, и в одном только Кёльне, который был прусской крепостью, находилось 8 тысяч солдат, отчего город походил на военный лагерь.

В городе все время царила напряженная атмосфера. Каждый знал, что правительство приказало доставить крупнокалиберные орудия на Дейцкие форты, находящиеся на другом берегу Рейна. Одно время ежедневно ожидали обстрела города, и матери жили в постоянном страхе за жизнь своих детей и за свой домашний очаг.

В октябре было объявлено осадное положение, но его пришлось отменить, потому что реакция чувствовала

себя еще слишком слабой, чтобы окончательно подавить революцию; «Новая Рейнская газета» снова стала выходить. Однако положение продолжало оставаться крайне напряженным. Дом Маркса был самым оживленным местом в городе, охваченном общим волнением. Здесь был политический центр революции. В доме до поздней ночи не прекращалась лихорадочная работа. Писали и переписывали статьи, составляли листовки, готовили речи. Товарищи, участвовавшие в революции, приходили и уходили. Спорили горячо и страстно и совещались ночи напролет.

Карл Маркс боролся с беспримерной энергией. Как главный редактор «Новой Рейнской газеты», он писал важнейшие статьи и нес основную ответственность за деловое руководство газетой. Он выступал на каждом собрании, на каждом заседании, разрабатывал в этих тяжелых условиях тактику демократического движения и одновременно вел постоянную яростную борьбу с путаниками, трусами и предателями, примазавшимися к революционному движению. Маркс предпринимал утомительные и опасные поездки по всей территории тогдашнего Германского Союза и активно участвовал в организации немецкой революции. Как в Гамбурге, так в Вене и Берлине он обсуждал создавшееся положение с рабочими и демократами, воодушевлял их и давал им советы тактического характера.

О деятельности Женни в период революции мы знаем не много. Тогда, как и в течение всей своей жизни, Женни Маркс скромно выполняла свою работу как помощница и смелая соратница своего мужа. Но нам известно, что в Кёльне она неутомимо работала в интересах революции и, как коммунистка и пламенная патриотка, горячо надеялась на победу и на усиление немецкого рабочего движения как следствие этой победы.

Безраздельная преданность революционному движению помогала ей выполнять напряженную и утомительную работу, которую ей поручали, и постоянно заботиться о любимом муже. Маркс был тем немецким революционером, которого реакция ненавидела особенно яростно. Предпринимались попытки любым способом разделаться с ним.

Вызовы в полицию и в суд сыпались на него градом.

В связи с деятельностью газеты Маркса несколько раз вызывали в суд присяжных, но врагам не удалось добиться его заключения в тюрьму. Он так блестяще выступал по своим делам, что процессы, которые велись против него, превращались в триумф революционных идей и присяжные были вынуждены выносить ему оправдательный приговор. Женни, которая, по-видимому, присутствовала на этих процессах, слава о которых еще не забыта, гордилась великолепными речами своего мужа, произнесенными перед судом. Но Маркса преследовали не только в Кёльне. Каждая его поездка по Германии была связана с опасностью для жизни, и, прощаясь с ним, Женни никогда не знала, увидит ли она снова своего Карла живым. Но она его не удерживала. Она мужественно вела себя в часы опасности, хотя, по ее собственному признанию, после того как опасность миновала, считала себя счастливой, что ее муж и отец ее детей не был, подобно многим революционерам, убит или брошен в тюрьму.

В огне революции Женни стала целеустремленным и стойким борцом. Такой была она и в последующие годы в лондонском изгнании.

Прусское правительство осмелилось выступить против Маркса, Энгельса и «Новой Рейнской газеты» лишь тогда, когда революция почти во всех остальных областях Германии была разгромлена. 18 мая 1849 года «Новая Рейнская газета» была запрещена.

Маркс был выслан из Кёльна, Энгельс предан суду. Оба отправились в баденско-пфальцский район восстания, где еще продолжались бои. Оттуда Карл Маркс выехал в Париж. Фридрих Энгельс в качестве адъютанта командира добровольческого отряда Виллиха принял участие в последних славных боях революционных частей в Бадене. Женни осталась в Кёльне одна. Ей было поручено с помощью друзей ликвидировать дела «Новой Рейнской газеты». Это было тяжелым и неприятным делом. Чтобы не оставлять никаких долгов и рассчитаться со служащими, наборщиками и печатниками, а также оплатить помещение, Карл и Женни пожертвовали своими последними деньгами. Женни вынуждена была продать даже свою мебель.

Они оставили себе лишь богатую библиотеку Карла Маркса и серебряную посуду, полученную Женни в на-

следство от бабушки. После того как Женни передала библиотеку на хранение своим верным друзьям, она поехала во Франкфурт, где ее приняла семья Вейдемейеров. Здесь она заложила остатки своего имущества, серебряные вещи, чтобы получить средства на пропитание семьи. Последние дни жизни на родине она провела в Трире. Это были трудные, мучительные дни. Женни тяжело переживала поражение революции, которое на некоторое время делало призрачными ее самые светлые надежды и лучшие мечты, осуществление которых казалось ей совсем близким. Она с горечью думала о том, что много лучших сынов Германии во время разгрома революции пожертвовали своей жизнью или были арестованы и ждали тяжелого и пагубного для здоровья тюремного наказания. Она боялась за жизнь своего мужа, отца ее троих маленьких детей, о котором она не имела никаких известий.

«Мне здесь живется нелегко,— писала она Лине Шелер из Трира 29 июня 1849 года...— и все-таки меня часто одолевали еще более тяжелые заботы. Тоска и страх за моего любимого мужа... И ко всему этому еще общие тяжелые страдания и поражение, которое испытывает наша партия, трудное положение, в какое попали теперь почти все, кто борется за принципы устройства нового мира...»

Женни в это время ждала четвертого ребенка. Наконец она получила из Парижа известие от мужа. Несколько недель спустя она поехала к нему с детьми, не зная, что ее ждет, но, несмотря на все заботы и горести, она была рада по крайней мере увидеть его. В Париже они получили долгожданные известия от Энгельса. После поражения революционной армии он перешел вместе с добровольческим отрядом Виллиха швейцарскую границу. Когда Женни Маркс приехала во Францию, там снова царила самая мрачная реакция. Французское правительство выслало Карла Маркса и его семью из Парижа и предписало ему поселиться в департаменте Морбиан. Это был предательский приказ, «подлейшая из подлостей», как писал поэт Фердинанд Фрейлиграт, которому Маркс об этом сообщил. Департамент Морбиан был болотистой, сырой местностью, в которой гнездилась лихорадка, и высылка туда Карла и Женни Маркс справедливо рассматривалась как замаскированный смертный приговор. Несмотря на то что их материальное по-

ложение было настолько тяжелым, что они вынуждены были обратиться за деньгами к своим немецким друзьям, они решили уехать в Англию. Оставляя Женни с детьми не только беззащитной во враждебном ей городе, но и в самой горькой нужде, Маркс, очень озабоченный, в конце августа сел на корабль. Тотчас же после его отъезда к его жене явилась полиция. Несмотря на ее беременность и предстоящие вскоре роды, ей предложили покинуть страну в кратчайший срок.

Это был тяжелый удар, так как Маркс был совсем без средств. Он писал Фрейлиграту о том, что его жена должна 15 сентября последовать за ним, но что он не знает, где ему достать денег для ее устройства в Лондоне. Наконец, ему все же удалось организовать переезд семьи.

Итак, осенним днем 1849 года Женни оказалась на борту корабля, который должен был доставить ее к новому месту изгнания.

Это было печальное путешествие, и на сердце у нее было тяжело, потому что на континенте, берега которого медленно скрывались в волнах, оставалась ее любимая родина. С глубокой скорбью думала она об истекающей кровью многострадальной стране, куда она приехала в марте 1848 года полная самых радужных надежд.

И все-таки, несмотря ни на что, вера в будущее не покидала ее. Она знала, что на том берегу находится тот, кого она больше всего любила и кто ждал ее и ее детей, полный любви и готовности к новой борьбе. Революция — в это Женни верила так же твердо, как и ее муж — не была разгромлена окончательно.

НАПЕРЕКОР ВСЕМУ

Семья Маркса обосновалась в Лондоне, в этом гигантском городе на Темзе, который с его $3^1/_2$ миллионами жителей был в то время самым большим городом в мире.

Англия, если не считать ее промышленных районов, мрачных от копоти и грязи, обезображенных уродливыми зданиями фабрик и беспорядочно построенными городами, убогими из-за безмерной нужды живущего в них рабочего люда, отличается суровой, сдержанной красотой, присущей северным странам.

Ее украшают дикие высокие горы Шотландии и Уэльса, склоны которых отливают желтым и красным цветом вересковых зарослей и чертополоха и омываются темными, молчаливыми горными озерами.

На юге страны раскинулись мягкие зеленые цепи холмов, пашни, плодовые сады, и со всех сторон — близкое море с его бесконечной далью, которое так любят обитатели острова.

Сам Лондон, бывший некогда торговым партнером Ганзы, ставший затем метрополией могущественной империи, отличается, как писал однажды Энгельс, каким-то особым величием. Вместе с тем он не лишен романтики и таинственного очарования.

Но чужестранец лишь постепенно познает прелесть страны и ее столицы, особенно если он приезжает как изгнанник, утративший свою собственную родину.

Медленно привыкала семья Маркса к новой обстановке. Как и большинству эмигрантов, Лондон казался им сплошным морем серых домов с бесконечно сменяющими друг друга улицами и площадями, площадями и улицами, над которыми висело однообразное свинцовое небо и воздух был тяжелым от сырости и тумана.

Люди, с которыми они с самого начала столкнулись непосредственно,— квартирная хозяйка, мясник, булочник, молочный торговец — были ограниченными английскими обывателями. К эмигрантам они относились с недоверием и недоброжелательным любопытством, а спустя некоторое время многие из них обнаружили свою алчность и подлость. Все это угнетало Карла и Женни, приехавших из солнечной Рейнской провинции, любивших веселье и песни, обладавших приветливым и открытым характером. Женни страдала от этого нового окружения еще больше, чем ее муж.

В скором времени они нашли маленькую квартирку в районе Челси, вблизи Вестминстера, в нескольких шагах от Темзы, протекающей посередине города. Наверное, в эти первые недели Женни, подобно многим изгнанникам, часто стояла у ее берегов, печально глядя вслед волнам, катившимся в море, и думала о своей далекой родине. Ведь она все-таки надеялась, что еще будет жить в свободной, единой, демократической Германии.

Четыре недели спустя эта женщина, изнуренная заботами и волнениями, произвела на свет свое четвертое

дитя, сына Гвидо, болезненного ребенка, причинявшего ей много забот, когда она сама была так больна и слаба. Она часто называла его своей «юдолью страданий».

Тотчас же по приезде в Лондон снова началась политическая работа, и, несмотря на плохое состояние здоровья, Женни также принимала в ней участие. Маркс и приехавший в Лондон Энгельс держались в стороне от массы эмигрантов-демократов, которые носились с нелепыми фантазиями и бунтарскими планами. Марксу и Энгельсу было ясно, что революция потерпела временное поражение и что необходимо начать все сначала на новой основе.

Поэтому они реорганизовали Союз коммунистов и создали Эмигрантский комитет, с тем чтобы оказывать помощь приезжающим в Лондон революционным эмигрантам, которых прибывало множество, и все они очень нуждались. Некоторые из них оставались в Англии. Их нужно было поддержать, пока они не найдут работу. Многие уезжали из Лондона дальше, в Америку. Им нужны были деньги на дорогу.

Карл и Женни Маркс занимались не только организацией помощи, но и сами оказывали помощь, если только в их распоряжении была хотя бы небольшая сумма денег. Они не считались с тем, что сами часто испытывали жестокую нужду. Эмигранты встречали у них теплое участие, получали совет и помощь в устройстве новой жизни и многие до конца своих дней были благодарны Женни и Карлу Марксу за эту самоотверженную поддержку в тяжелую минуту.

Маркса и Энгельса, как и Женни, беспокоила мысль о друзьях, оставшихся в Германии, а также вопрос о возможности возобновления там революционной работы. Один из членов Союза коммунистов был направлен в Германию, чтобы вновь объединить там оставшихся на свободе членов союза. Так удалось возобновить в Германии деятельность Союза коммунистов как тайной организации.

При помощи небольшой суммы денег, которую Марксу с трудом удалось получить для семьи из своего наследства, он основал журнал, выходивший в Гамбурге. Журнал печатался и выходил в свет, но из-за преследований реакции распространять его было почти невозможно.

После выхода шести номеров журнал потерпел финансовый крах, и семья Маркса снова лишилась последних средств к существованию.

Тяжелые дни, которые переживала тогда семья, описаны Женни в письме к Вейдемейерам, ее друзьям во Франкфурте.

«20 мая 1850 года.

Дорогой господин Вейдемейер!

Почти год прошел с тех пор, как я встретила у Вас и Вашей милой жены такой дружеский, радушный прием, с тех пор, как я так хорошо, как дома, чувствовала себя, живя у Вас. И все это время я не подавала никаких признаков жизни. Я не ответила, когда Ваша жена написала мне такое приветливое письмо. Я промолчала даже тогда, когда мы получили известие о рождении Вашего ребенка. Это молчание часто очень удручало меня, но в большинстве случаев я не в состоянии была писать; да и сегодня это дается мне с большим трудом.

Однако обстоятельства заставляют меня взяться за перо — прошу Вас, пришлите нам как можно скорее деньги, которые поступили или поступят за «Revue». Мы в них очень, очень нуждаемся. Никто, конечно, не может нас упрекнуть в том, что мы когда-либо подчеркивали, сколько жертв нам пришлось принести и что̀ мы пережили за эти годы. Публика мало знает или, вернее, почти совсем не осведомлена о наших личных делах. Мой муж очень щепетилен в этом отношении и скорее пожертвует последним, чем согласится на демократическое попрошайничество, которым занимаются официально признанные «великие мужи». Но чего он мог бы, казалось, ожидать от своих друзей, в особенности кёльнских, так это деятельной, энергичной поддержки его «Revue». На эту поддержку он прежде всего мог рассчитывать там, где было известно, какие жертвы он принес для «Neue Rheinische Zeitung» *. Вместо этого дело было совершенно загублено из-за небрежного и беспорядочного его ведения; трудно сказать, что причинило больше вреда — то ли затяжка по вине книготорговца или по вине стоящих во главе дела и знакомых в Кёльне, то ли вообще все поведение демократов.

* Подразумевается основанный Карлом Марксом журнал «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение».— *Ред.*

Моего мужа здесь совсем замучили самые мелочные житейские заботы. И все это принимало такую возмутительную форму, что потребовалась вся его энергия, все его спокойное, ясное, молчаливое сознание собственного достоинства, чтобы выстоять в этой каждодневной, ежечасной борьбе. Вы знаете, дорогой Вейдемейер, какие жертвы принес мой муж ради газеты. Он вложил в нее тысячи наличными, он стал единственным собственником газеты — его толкнули на это добродетельные демократы, которым иначе пришлось бы самим отвечать за долги — и это в такое время, когда уже почти не оставалось надежды на успех. Чтобы спасти политическую честь газеты, чтобы спасти гражданскую честь кёльнских знакомых, он взял на себя все тяготы, продал свою скоропечатную машину, отдал все поступившие деньги, а перед уходом взял взаймы триста талеров, чтобы заплатить за наем нового помещения, выплатить гонорары редакторам и т. д.,— а ведь он подлежал насильственной высылке. Вы знаете, что себе мы ничего не оставили. Я поехала во Франкфурт, чтобы заложить свои серебряные вещи, последнее, что у нас было. В Кёльне я поручила продать мою мебель, так как существовала опасность, что все будет описано за долги. Когда наступил злосчастный период контрреволюции, мой муж отправился в Париж. Я последовала за ним с моими тремя детьми. Не успел он обосноваться в Париже, как его опять выслали, даже мне самой и моим детям было воспрещено дальнейшее пребывание там. Я снова последовала за ним, в Англию. Через месяц родился наш четвертый ребенок. Надо знать Лондон и здешние условия жизни, чтобы понять, что значит трое детей и рождение четвертого. За одну только квартиру мы должны были платить 42 талера в месяц. Все это мы могли оплачивать из денег, которые мы достали, но наши небольшие средства иссякли с выходом «Revue». Несмотря на соглашение, деньги не поступали, а если и поступали, то лишь отдельными мелкими суммами, поэтому мы очутились здесь в самом ужасном положении.

Я опишу Вам без прикрас только один день нашей жизни, и Вы увидите, что, пожалуй, немногие эмигранты испытали нечто подобное. Так как кормилицы здесь недоступны, я решила сама кормить своего ребенка, несмотря на постоянные ужасные боли в груди и спине.

Но мой бедный малютка высасывал у меня с молоком столько забот и скрытого горя, что сам постоянно хворал, днем и ночью страдал от острых болей. С тех пор как он родился, он еще ни одну ночь не спал больше двух-трех часов. В последнее время к этому прибавились еще сильные судороги, и ребенок все время был между жизнью и смертью. Из-за этих мучений он так сильно сосал, что у меня заболела грудь, появились трещины на груди; часто кровь текла в его открытый, дрожащий ротик. Так сидела я с ним однажды, как вдруг появилась хозяйка нашего дома. Мы заплатили ей в течение зимы свыше 250 талеров, а остальные деньги, по контракту, должны были уплатить не ей, а ее ленд-лорду, который еще раньше описал ее имущество. Она отказывается от контракта и требует 5 фунтов стерлингов, которые мы ей еще были должны. Так как денег у нас не оказывается (письмо Наута пришло слишком поздно), являются два судебных пристава и описывают все мое небольшое имущество — кровати, белье, платье,— все, даже колыбель моего бедного ребенка и лучшие игрушки девочек, которые стояли тут же, обливаясь слезами. Они угрожали через два часа забрать все имущество. Я, с моей больной грудью, осталась бы тогда на голом полу с моими дрожащими от холода детьми. Наш друг Шрамм спешит в город за помощью. Но едва он сел в кабриолет, как лошади понесли, он на ходу выскакивает из экипажа и его, окровавленного, приносят к нам в дом, где я сидела в слезах с моими бедными дрожащими детьми.

На следующий день мы должны были оставить квартиру. Было холодно, пасмурно и дождливо. Мой муж ищет для нас помещение, но с четырьмя детьми никто не хочет нас пускать. Наконец нам оказывает помощь один друг, мы уплачиваем за квартиру, и я быстро продаю все свои кровати, чтобы заплатить аптекарю, булочнику, мяснику и молочнику, напуганным скандалом с описью имущества и внезапно набросившимся на меня со своими счетами. Проданные кровати выносят из дому, погружают на тележку. И что же происходит? Было уже поздно, после захода солнца; вывозить вещи в такое время запрещается английским законом; и вот появляется хозяин в сопровождении полицейских и заявляет, что среди моих могут быть и его вещи, и что мы хотим сбежать за границу. Не прошло и пяти минут, как перед нашей квар-

тирой собралось не менее двухсот-трехсот зевак, весь сброд из Челси. Кровати вносят обратно; отдать их покупателю можно было лишь на следующее утро, после восхода солнца. Когда, наконец продав все наши пожитки, мы оказались в состоянии уплатить все до копейки, я переехала с моими милыми малышами в наши теперешние две комнатки в немецкой гостинице на Лейстер-стрит 1, Лейстер-сквер, где мы более или менее сносно устроились за $5^1/_2$ фунтов стерлингов в неделю.

Простите, дорогой друг, что я так подробно и обстоятельно описала один лишь день нашей здешней жизни. Я знаю, это нескромно, но сегодня вечером сердце мое переполнено, руки мои дрожат и мне хочется хоть раз излить душу одному из наших старейших, лучших и вернейших друзей. Не думайте, что эти страдания из-за мелочей меня сломили. Я слишком хорошо знаю, что мы далеко не одиноки в нашей борьбе и что ко мне судьба еще милостива, я принадлежу к немногим счастливцам, потому что рядом со мной мой дорогой муж, опора моей жизни. Что меня действительно мучает до глубины души, из-за чего мое сердце обливается кровью, так это то, что мой муж должен претерпевать столько мелких невзгод, в то время как ему можно было бы помочь столь малым, и что он, с такой охотой и радостью помогавший многим людям, оказался здесь без всякой помощи. Но не подумайте, дорогой Вейдемейер, что мы к кому-нибудь предъявляем претензии. Единственное, чего мой муж вполне мог требовать от тех, с кем он делился своими мыслями, кому он оказывал поддержку, служил опорой, так это проявления большей деловой энергии, большего участия к его журналу. Я могу с гордостью и смелостью это утверждать. Это немногое они должны были сделать для него, от этого никто бы не пострадал. Вот это-то и огорчает меня. Но мой муж думает иначе. Никогда, даже в самые ужасные минуты, он не терял веры в будущее, всегда сохранял самый живой юмор и был вполне доволен, когда видел веселой меня и наших милых детей, с нежностью ласкающихся к своей мамочке. Он не знает, что я так обстоятельно написала Вам о нашем положении, поэтому, дорогой Вейдемейер, не ссылайтесь на эти строки. Он знает только, что я Вас просила от его имени по возможности ускорить получение и пересылку денег.

До свиданья, дорогой друг! Передайте самый сердечный привет Вашей милой жене и поцелуйте Вашего крошку от имени матери, уронившей не одну слезу за своего младенца. Наши трое старших детей прекрасно себя чувствуют, вопреки всему. Девочки красивые, цветущие, веселые, приветливые, а наш толстый мальчуган полон юмора и самых забавных затей. Бесенок по целым дням поет с необычайным пафосом и весьма громким голосом. Весь дом дрожит, когда он во весь голос распевает слова из фрейлигратовской марсельезы:

Приди ж, июнь, пора свершений!
Мы жаждем подвигов и дел.

Быть может, всемирно-историческое призвание этого месяца, как и его двух несчастливых предшественников *, состоит в том, чтобы начать гигантскую борьбу, в которой мы все снова будем сражаться рука об руку.

Будьте здоровы!» [1]

Семья Маркса нашла новую квартиру. Это были две маленькие комнатушки на тесной, старой Дин-стрит, в районе Сохо, расположенном в самой гуще городской сутолоки, населенном рабочими и иммигрантами. В этих двух комнатушках семья, состоявшая из Карла и Женни, четырех маленьких детей и Ленхен Демут, прожила шесть лет.

Маленькая бедная квартирка видела много горя и слез, но также и много проявлений большой любви и преданности, крепкой и верной дружбы с партийными товарищами. Много веселых часов провели здесь Карл и Женни с детьми и друзьями.

Несмотря на трудности и лишения, Карл и Женни Маркс не переставали быть мужественными и жизнерадостными людьми — наперекор всему!

АНГЛИЯ 1849 ГОДА

Несмотря на то что у Женни было много всяческих забот и она отдавала немало сил работе для своей родины, социальные отношения в стране, ставшей ее новым местом изгнания, заинтересовали ее. Маркс и Женни попали в мир, совершенно отличный от европейского кон-

* Имеется в виду июнь 1848 года — поражение парижского пролетариата и июнь 1849 года — неудачный исход кампании за имперскую конституцию в Юго-Западной Германии. — *Ред.*

тинента. Англия была в то время самой большой и самой могущественной индустриальной страной на всем земном шаре. В первой половине XIX века там, словно из-под земли, вырастали огромные промышленные районы. В хлопчатобумажной и шерстяной промышленности, на шелкоткацких и полотняных фабриках, в чулочно-трикотажном производстве, на машиностроительных заводах и в бурно развивающейся горной промышленности работали сотни тысяч людей. Возникли крупные индустриальные города, среди которых самыми большими были города-близнецы Манчестер и Ливерпуль, расположенные в районе наиболее развитой текстильной промышленности, с населением в 700 тысяч человек. Энгельс жил в Манчестере в течение многих лет, и Маркс с Женни часто и охотно навещали его.

Густая сеть железнодорожных путей, вновь прорытые каналы и прекрасные современные шоссейные магистрали, совсем непохожие на ухабистые дороги на континенте, пересекали страну. В портах теснились большие океанские парусные суда; некоторые наряду с парусами имели уже паровые котлы. Они доставляли дешевые английские промышленные товары во все уголки земного шара и привозили со всего света хлопок и другое сырье. Некоторые из них перевозили также «живой товар». Богатые английские купцы торговали в то время не только хлопком, скобяными изделиями и текстилем, но и рабами — неграми. Разбойничьим способом они увозили их из Африки, переправляли, как скот, на своих кораблях через океан и продавали владельцам крупных хлопковых плантаций в южных штатах Америки.

В то время, когда буржуазия отсталой Германии еще боролась за ликвидацию таможенных границ между отдельными немецкими государствами, крупными и мелкими, английская буржуазия давно уже проникла в Китай, Америку, Индию, Южную Африку и грабила эти страны и народы.

Англия была полна лихорадочной суеты и несмолкаемого грохота новой капиталистической промышленности.

В центре Лондона Женни видела большие дома заокеанских торговых компаний и склады товаров, огромные здания редакций газет, Дворец юстиции, в котором осуществлялось классовое правосудие, всегда оправдывавшее богатых и осуждавшее бедных. Недалеко от со-

бора св. Павла она увидела Английский банк и возле него биржу, эти два столь могущественных учреждения капиталистического общества.

Она проходила мимо великолепных дворцов и домов аристократов и богатой буржуазии в районе Гайд-парка и Кенсингтона, ей случалось останавливаться перед прекрасными загородными виллами в чудесных окрестностях Лондона, где богачи, окруженные толпой слуг, вели жизнь, полную утонченной роскоши. В Англии еще больше, чем в Париже, она ощущала глубокую пропасть, созданную эпохой капитализма между богатыми и бедными, когда ничтожное меньшинство сосредоточивает в своих руках сказочные богатства, в то время как подавляющее большинство живет в тяжелой нужде. Сама она жила в той части Лондона, которую населяли рабочие. Это был бедный, но далеко не самый плохой квартал. Во время своих долгих путешествий по городу, которые она из-за недостатка денег большею частью совершала пешком, она видела и другие, еще худшие места, например Сент-Панкрас, расположенный по дороге от Сохо к Хэмпстеду, где царила ужасающая нищета. Там жили — и теперь живут — наиболее мужественные и боевые представители рабочего класса. Она познакомилась с рабочими кварталами Манчестера и Ливерпуля, которые Энгельс показал ей и Марксу. При ее доброте и мягкости все то, что она видела в этих местах, порой вызывало у нее возгласы возмущения, резкие слова и горькие слезы. Но эти впечатления придавали ей, как настоящему борцу, новые силы каждый раз, когда борьба становилась слишком тяжелой, а страдания и заботы угрожали сломить ее.

Английские рабочие кварталы, как правило, состоят из маленьких, почерневших от копоти одноэтажных кирпичных домиков, стоящих тесными рядами. В них часто не было ни водопровода, ни уборных, ни подсобных помещений. Здесь жили рабочие, создававшие богатства столь могущественной в то время страны, зачастую по шесть-семь человек в одной комнатушке,— старики и дети, больные и здоровые. Женни ходила по узким грязным улицам, полным отбросов и зловонных луж; в сухую погоду там натягивали веревки, на которых жильцы развешивали для просушки свое белье. У сточных канав играли жалкие, грязные и оборванные дети, довольно часто встречались пьяные, в том числе и женщины, по-

тому что для многих из этих несчастных сивуха была единственным средством, помогавшим забыть о своем горе.

Женни Маркс видела, что рабочие голодали. Лишь изредка они могли купить такие лакомства, как мясо, сало или сыр, и то лишь низкого качества, так как покупались эти продукты у уличных торговцев. Обычно единственной пищей рабочих были хлеб и картофель, но в периоды безработицы или во время болезни рабочие семьи не имели и этого. Так было по всей Англии. Деятели рабочего движения, с которыми Женни была знакома, рабочие и их жены, с которыми она встречалась на собраниях, рассказывали ей о том, чего она не видела сама.

Английские капиталисты на своих фабриках жестоко эксплуатировали миллионы англичан и ирландцев. Мужчины, женщины и дети работали на фабриках и в шахтах по десять, двенадцать и даже четырнадцать часов, получая за это плату, которая обрекала их на медленную голодную смерть. Их не считали за людей. Они были всего лишь «руками», их и поныне в Англии называют «hands». Если «руки» больше не были нужны, т. е. если рабочие или работницы заболевали, становились неработоспособными или ненужными по другим причинам, их безжалостно выбрасывали на улицу, и ни государство, ни кто-либо другой не заботился о них. Не существовало страхования ни по болезни, ни по безработице, ни по старости, и, если приходила нужда, у рабочих не было иной помощи, кроме той, которую они сами оказывали друг другу из солидарности. Не было также никакой охраны труда работающих женщин, беременных и матерей, хотя женщин на фабриках работало много и их предпочитали мужчинам, так как они представляли собой значительно более дешевую рабочую силу. Женщины работали в ужасающих условиях до самых родов и рожали детей у своих машин, как это делают до сих пор женщины колониальных и полуколониальных стран.

Десятки тысяч детей также трудились на фабриках. С четырех, шести или восьми лет они вынуждены были работать в гончарных мастерских и на текстильных фабриках, где грубые надсмотрщики издевались над ними и избивали их, когда они засыпали от изнеможения.

Апологеты капиталистического строя пытались позднее изобразить эти ужасающие условия труда, увекове-

ченные для потомства Фридрихом Энгельсом в его работе «Положение рабочего класса в Англии», как «уродливые явления раннего промышленного капитализма». Это ложь. То, что меньшинство наживает огромные богатства за счет страшной бедности большинства, является сущностью капиталистического строя, основанного на прибыли. А разве нищета и ужасы, которые несет человечеству современный монополистический капитализм, не стали в тысячу раз больше? Массовая безработица и империалистические мировые войны, угроза фашизма, опасность уничтожения атомной бомбой целых народов! Если человечество хочет существовать, капитализм должен быть уничтожен!

Когда Карл и Женни Маркс приехали в Лондон, английские рабочие уже прошли полувековой путь тяжелой борьбы против своих эксплуататоров. Сначала они в отчаянии разрушали машины, но затем, борясь за лучшие условия существования, стали объединяться в профсоюзы и другие рабочие организации, верность которым они стойко хранили, несмотря на все запреты со стороны буржуазии и правительств.

Фридрих Энгельс справедливо отмечает героические забастовки, которые рабочие продолжали месяцами, добиваясь своих скромных требований, страдая вместе со своими семьями от самого страшного голода. Они стойко держались во время ожесточенных столкновений с полицией и войсками. Многие из них были убиты, ранены, арестованы или высланы.

Женни Маркс принимала активное участие в английском рабочем движении. Через своего мужа она знала многих его руководителей, а также простых английских рабочих, которых она довольно часто принимала у себя дома и беседовала с ними. Она участвовала во встречах с рабочими, бывала на лекциях, собраниях, празднествах, где она со свойственной ей живостью прислушивалась к происходившим обсуждениям.

Первыми деятелями рабочего движения, посетившими ее дом, были левые лидеры английского чартистского движения.

Это большое движение возникло в Англии в период революционного подъема накануне 1848 года. Свое наименование оно получило от так называемой хартии, в которой были сформулированы требования рабочих,

в том числе требование о всеобщем избирательном праве. Для этой хартии английские рабочие при помощи специальной петиции собрали больше двух миллионов подписей и организовали мощные демонстрации. Ленин характеризовал чартистское движение как «первое широкое, действительно массовое, политически оформленное пролетарски-революционное движение» [1].

Когда чета Марксов прибыла в Лондон, чартистское движение уже шло на убыль.

Маркс и Энгельс пытались помочь руководителям чартистского движения, и Женни тоже часто принимала участие в беседах с ними. Несмотря на поражение, революционное движение английских рабочих было еще сильно.

Маркс, Энгельс и Женни очень ценили в английских рабочих, наряду с их боевым духом, большое самоотверженное стремление овладеть в интересах освобождения своего класса знаниями и получить образование, которых буржуазия их умышленно лишала. В своей книге о положении рабочего класса в Англии Энгельс рассказывает о многочисленных рабочих просветительных организациях, в которых велась пропаганда пролетарской литературы и дети получали пролетарское интернационалистское воспитание. Наряду с политическими вопросами в этих организациях изучали также естествознание, географию и иностранные языки. Это было большим достижением, если принять во внимание продолжительность рабочего дня и бедность трудящихся.

Известные ученые содействовали рабочим в их стремлении к образованию, и Женни Маркс со своими дочерьми позднее сама посещала лекции, которые читал рабочим естествоиспытатель Томас Генри Гексли.

В наше время может возникнуть вопрос, почему столь героически боровшиеся английские рабочие не одержали в то время победы. Это произошло потому, что среди руководителей чартистского движения не было единства; они мирились с проявлениями оппортунистических и мелкобуржуазных влияний и не разделяли идеи научного социализма. Кроме того, английская буржуазия уже в 50-х годах использовала свои огромные сверхприбыли, получаемые ею благодаря господствующему положению Англии на мировом рынке, для того чтобы подкупить часть рабочих, так называемую «рабочую аристократию»,

более высокой заработной платой, а руководителей рабочего движения — предоставлением им других материальных благ. Так в английском рабочем движении начал распространяться оппортунизм. Не только Маркс и Энгельс, но и Женни с большой горечью говорили об этом процессе. Вожди международного пролетариата неоднократно пытались помочь английским рабочим, а Женни, всегда принимавшая участие в революционном движении, использовала любой повод, чтобы обсудить эти вопросы с рабочими и с деятелями рабочего движения.

Позднее ее дочери Элеоноре удалось путем объединения в рамках английских профессиональных союзов неквалифицированных рабочих и женщин — что является ее бесспорной заслугой — влить в английское рабочее движение новые революционные силы.

Борьба, которую вели английские рабочие до самого недавнего прошлого, служит залогом того, что под руководством Коммунистической партии Великобритании они окончательно преодолеют реформизм, до сих пор занимающий прочные позиции, и одержат победу над английской буржуазией.

ГЕРОИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

Переезжая в Англию, Карл и Женни Маркс руководствовались не только тем, что эта страна предоставляет политическим беженцам приют, хотя и встречает их неприветливо, но также и тем, что в этой стране развитого капитализма Карл Маркс, как они полагали, сумеет закончить свой большой теоретический труд «Капитал».

Здесь он мог изучить во всех подробностях капиталистическое общество и два его основных класса; в Лондоне, в Британском музее, находилась самая большая в мире библиотека того времени.

С полного и безоговорочного согласия своей жены в Англии Маркс не избрал для себя никакой буржуазной профессии, а посвятил себя после 1850 года, насколько позволяла ему политическая борьба, почти исключительно своему теоретическому труду. Это было героическое решение, стоившее семье многих жертв. Но оба они, Карл и Женни, полные большой и глубокой любви к

страдающему человечеству и сознания высокого долга по отношению к революционному движению, без колебаний приняли такое решение. Их друг Фридрих Энгельс согласился с ними.

Чтобы иметь возможность материально поддержать Карла Маркса в то время, когда он работал над своим научным трудом, Энгельс вернулся к «проклятой коммерции» и поступил конторским служащим в фирму своего отца в Манчестере, отказавшись на несколько лет от своей собственной научной работы.

Карл Маркс проделал огромную подготовительную работу для своего основного научного труда, в котором он до мельчайших подробностей исследовал капиталистическое общество, законы его развития и его противоречия, и доказал неизбежность его гибели.

Как известно со слов его друзей и учеников, он изучил и самым тщательным образом проработал более 1500 книг и сделал к ним критические замечания. Карл Маркс без устали изучал каждую новую работу, имевшую отношение к любому из многочисленных вопросов, рассматриваемых в «Капитале», и часто отказывался от своих ранее сделанных выводов, если это было необходимо в связи с каким-нибудь новым открытием.

Чтобы не стать жертвой ошибок переводчиков, он изучал все произведения по возможности на языке оригинала.

Карл Маркс бегло говорил по-французски и по-английски и понимал все европейские языки. В пятидесятилетнем возрасте он начал изучать также русский язык, чтобы читать в оригинале произведения русской революционной литературы. О его методах работы рассказывает его зять Поль Лафарг:

«Маркс работал всегда с величайшей добросовестностью; любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые выдающиеся авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до первоисточника, какие бы трудности это ни представляло; даже ради второстепенного факта он спешил в Британский музей, чтобы в библиотеке музея проверить этот факт. Оппоненты никогда не были в состоянии изобличить Маркса в опрометчивости, указать, что его доказательства построены на фактах, не выдерживающих строгой критики...

Литературная совесть Маркса была столь же строга, как и его научная совесть. Он не только никогда не ссылался на факт, в котором не был вполне уверен, но даже не позволял себе говорить о предмете, которого он предварительно не изучил основательно...

Так, чтобы написать в «Капитале» около двадцати страниц об английском рабочем законодательстве, он должен был проштудировать целую библиотеку Синих книг, содержащих доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии» [1].

Так много лет подряд работал Карл Маркс над своим главным произведением, и, если деловые заседания не отвлекали его, жена изо дня в день по утрам провожала его в Британский музей, где он проводил ежедневно много часов.

Только самое глубокое понимание важности этого труда и величайшее благоговение перед великими научными заслугами мужа поддерживали Женни в течение этих долгих лет и не позволили ей утратить веру в его научную деятельность.

И если она иногда в шутку и писала Энгельсу: «Мой муж в Британском музее и убивает там время», или, подобно Энгельсу, нередко торопила мужа с окончанием его труда, потому что он на протяжении ряда лет никак не мог его завершить, она и в этой работе поддерживала мужа всей силой своей глубокой любви и верой своего большого сердца. Известно, что именно Женни всегда настаивала, чтобы Карл Маркс занимался своим научным трудом.

Занятия Маркса не кончались даже и тогда, когда он, усталый и измученный, возвращался из музея домой. После довольно скудного обеда в кругу семьи, небольшого отдыха за веселой игрой с малышами и задушевной беседы с Женни он продолжал работать. В большинстве случаев он занимался до глубокой ночи.

«Он работал необычайно много,— пишет Вильгельм Либкнехт,— и так как днем, в особенности в первое время его эмигрантской жизни, ему часто мешали, то он стал работать по ночам. Когда мы поздно вечером возвращались с какого-нибудь заседания или собрания, он обыкновенно садился еще за работу на несколько часов. Эти несколько часов растягивались все больше, пока, наконец, он не стал работать почти всю ночь напролет, ло-

жась спать только утром. Его жена не раз серьезно упрекала его за это, но он, смеясь, отвечал, что это вполне соответствует его натуре...

Несмотря на свой чрезвычайно сильный организм, Маркс уже в конце 50-х годов начал жаловаться на всякого рода физические недомогания. Пришлось обратиться к врачу. В результате последовало категорическое запрещение работать по ночам.

Но едва он почувствовал себя выздоровевшим, как постепенно снова втянулся в привычку работать по ночам, пока опять не наступил кризис, принудивший его к разумному образу жизни...» [2]

Когда много лет спустя был издан наконец первый том «Капитала», это не только доставило бесконечную радость и глубочайшее удовлетворение Карлу и Женни Маркс и Фридриху Энгельсу, но явилось также торжеством великого дела коммунизма и крупной победой рабочего класса. С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, писал Фридрих Энгельс, не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое важное значение для рабочих.

Создав «Капитал», Карл Маркс вооружил рабочий класс самым острым и самым важным оружием для его освобождения.

ГОРЬКАЯ НУЖДА

Карл и Женни полагали, что Маркс сможет своей публицистической деятельностью обеспечить семье прожиточный минимум, хотя бы самый скромный. Но их надежды не оправдались. Не только весь реакционный мир, но даже так называемые демократы и либералы после революции 1848 года были настроены против основателя научного социализма.

Все они не простили ему его смелых и откровенных выступлений в годы революции. Ни одна европейская газета не соглашалась печатать его статьи, ни одно издательство не желало опубликовать его блестящий исторический труд «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», написанный после подавления революции. Карлу Марксу, а с ним и спутнице его жизни суждено было пройти через все тяготы, на которые обрекает великих революционных преобразователей общество, основанное на

эксплуатации. Они страдали от острой нужды, их не признавали, над ними издевались и преследовали их клеветой.

Лишь одна-единственная газета предоставила Марксу свои страницы: это была «New York Tribune», издатель которой, Дана, познакомился с Карлом Марксом еще в Кёльне, во время революции. И хотя эта газета с ее 200 тысячами подписчиков была тогда самой крупной и наиболее влиятельной газетой Соединенных Штатов, сотрудничество в ней приносило Марксу лишь небольшой заработок. Это объясняется тем, что Дана был бездушным американским дельцом, эксплуататором, который благодаря блестящим статьям Маркса с большой выгодой распространял свою газету, но не стеснялся при этом выплачивать автору самый скудный гонорар и довольно часто даже обманывал его в расчетах, несмотря на все усилия Женни, которая вела с Дана все переговоры. На протяжении многих лет нужда в доме Маркса была такой гнетущей, а страдания и горе обрушивались на Карла и Женни Маркс так часто, что только необычайная стойкость этих двух сильных людей была в состоянии все это перебороть.

Ленин писал:

«Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты» [1].

Удручающее впечатление производит то, что в переписке двух гениальных немецких мыслителей постоянно говорится о ничтожных суммах, которые были необходимы для того, чтобы спасти Карла Маркса и его семью от самой страшной нужды и удовлетворить наиболее настойчивых кредиторов. Кто же эти кредиторы? Это булочник, зеленщик, домовладелец, мясник, т. е. те, от кого зависело обеспечение семьи предметами самой первой необходимости. Не трагично ли, что Марксу постоянно приходилось прерывать свою работу и самым унизительным образом хлопотать о том, чтобы достать несколько фунтов стерлингов или оплатить давно просроченный вексель. Нередко бывали такие дни, когда он

не мог ходить в Британский музей из-за того, что его пиджак и пальто находились в ломбарде. Семья часто неделями питалась одним картофелем, в зимние холода сидела без угля, неделями в доме не было ни гроша, а если кто-нибудь заболевал, то нечем было заплатить врачу и за лекарства.

«Жена моя больна, Женничка больна, у Ленхен нечто вроде нервной горячки. Врача я не могу и не мог позвать, не имея денег на лекарства. В течение 8—10 дней моя семья кормилась хлебом и картофелем, и сегодня еще сомнительно, смогу ли я достать и это...

Статью для Дана я не написал, так как не имел ни одного пенни на чтение газет...

Самое лучшее и желательное, что могло бы случиться, это если бы домовладелица вышвырнула меня из квартиры. Тогда я расквитался бы, по крайней мере, на сумму в 22 фунта ст. Но такого большого одолжения от нее вряд ли можно ожидать. К тому же еще булочник, молочник, чаеторговец, greengrocer *, старый долг мяснику. Как я могу разделаться со всей этой дрянью? Наконец, в последние восемь-десять дней я занял несколько шиллингов и пенсов... это мне неприятнее всего, но это было необходимо для того, чтобы не околеть» [2].

Так писал Карл Маркс своему другу Фридриху Энгельсу в сентябре 1852 года.

В другой раз, в апреле 1853 года, испытывая острую нужду, Женни обратилась к другу, не раз уже помогавшему им:

«Дорогой г. Энгельс!

Мне страшно неприятно обращаться к Вам по денежным делам. Вы нам, право, уже слишком часто помогали. Но на этот раз я не знаю никакого иного спасения, никакого выхода. Я писала Гагену в Бонн, Георгу Юнгу, Клусу, моей свекрови, моей сестре в Берлин. Ужасные письма! И ни от кого, ни от кого до сих пор нет ответа. Значит, больше нет никаких средств. Изобразить Вам, что у нас делается, я не в состоянии. Мой муж ушел в Сити к Герстенбергу **. Вы можете себе представить, что значит для него такой визит. Пользуясь этим временем, я пишу Вам эти строки. Можете Вы нам что-нибудь

* Зеленщик.

** Лондонский банкир.

прислать? Булочник заявил, что с пятницы перестает отпускать хлеб. Вчера его атаку отбил Муш *. Когда булочник его спросил: «Is mister Marx at home? **, он ответил: «No, he a'nt upstairs ***, и, схватив под мышку наши три хлеба, стрелой умчался наверх и там рассказал все это своему Мавру» [3].

Это всего лишь два из многих потрясающих писем, которыми обменивались друзья. Как видно из приведенного письма, Женни в эти годы,— да это, в сущности, никогда и не прекращалось,— вела постоянную унизительную войну с кредиторами. Вновь и вновь она должна была просить булочника, мясника и бакалейщика отпускать ей в кредит, постоянно упрашивать их об его продлении и непрерывно изворачиваться. Дело доходило до неприятных объяснений и оскорбительных сцен. Лавочники приходили требовать свои деньги и угрожали судом. С домовладельцем тоже часто приходилось объясняться, и над семьей как дамоклов меч постоянно висела опасность остаться без крова.

Последним убежищем всегда был ломбард, куда перекочевывали не только вещи, без которых можно было обойтись, но даже белье и нередко последняя «свободная» юбка Женни. Не один раз это делалось для того, чтобы помочь товарищу по революционной борьбе.

Желая дать своему мужу возможность заниматься научной работой, Женни Маркс по мере сил брала на себя заботы, связанные с непрерывной, изматывающей нуждой. Она даже избегала говорить с мужем о повседневных заботах. В единственном известном нам письме Маркса к Женни он писал ей из Манчестера:

«Родная моя!

Твое письмо меня очень обрадовало. Ты, впрочем, вовсе не должна стесняться сообщать мне обо всем. Если тебе, бедняжке, все это пришлось испытать в действительности, то справедливость требует, чтобы я, по крайней мере в мыслях, пережил все муки с тобой. Я, впрочем, знаю твою бесконечную гибкость и знаю, как тебя вновь оживляют малейшие надежды на лучшее. Надеюсь, что ты еще на этой неделе или не позже понедельника получишь еще 5 ф. ст.» [4].

---

* Так домашние называли старшего сына К. Маркса.— *Ред.*

** Дома ли Маркс?

*** Нет, его нет наверху.

Письмо заканчивается замечаниями, связанными с работой, и различными поручениями политического характера, с которыми Маркс обращался к своей мужественной жене, которая даже в самые тяжелые дни ставила политическую борьбу выше личных забот.

Гибкость, о которой Маркс пишет в этом письме, действительно была одним из самых дорогих и прекрасных качеств Женни. И хотя горькая нужда порой и заставляла ее плакать (а какая женщина и мать не проливала бы слез в таком отчаянном положении), едва лишь самое страшное было позади, она тотчас же опять активно включалась в борьбу, готовая на новые жертвы. Она, как и ее муж, была жизнерадостным человеком; она была полна бодрого, боевого оптимизма тех людей, которые не щадят собственной жизни в борьбе за счастье человечества.

«МОЯ СКОРБЬ БЫЛА ТАК ВЕЛИКА»

Как раз в эти годы на Женни посыпались такие удары судьбы, которые по своей жестокости казались невыносимыми даже этой стойкой и мужественной женщине. Лишения, связанные с изгнанием, унесли из маленькой квартиры в Сохо одного за другим трех ее детей.

Сперва умер маленький Гвидо, которого Женни родила и вскормила с такими муками. Ему исполнился всего один год. Женни глубоко страдала, когда он умер. Сообщая эту печальную весть Энгельсу, Карл Маркс писал в своем письме:

«Если у тебя будет настроение, напиши несколько строк моей жене. Она совершенно вне себя» [1].

На письмо Энгельса, незадолго до этого покинувшего Лондон, чтобы начать работать в Манчестере, Женни ответила сердечным и мужественным письмом.

Маленькая Франциска, родившаяся в 1851 году, умерла после Гвидо в возрасте немногим больше одного года.

Сохранилась страница из дневника Женни, относящаяся к тем дням, когда умерла маленькая Франциска. Несчастная мать оплакивает смерть своего ребенка душераздирающими словами.

«На пасху... наша бедная маленькая Франциска заболела бронхитом в тяжелой форме. Три дня боролось бедное дитя со смертью, она так сильно страдала. Крохотное бездыханное тельце умершей покоилось в маленькой задней комнате. Мы все перешли в переднюю комнату и, когда наступила ночь, легли на полу,— трое живых детей лежали вместе с нами. Мы все плакали о маленьком ангеле, который, холодный и побледневший, покоился возле нас. Смерть дорогой девочки совпала с периодом самой горькой нужды в нашей жизни. Наши немецкие друзья именно в этот момент не были в состоянии нам помочь. Эрнест Джонс, который тогда часто и подолгу бывал у нас, обещал нам помочь. Но и он не смог этого сделать. Тогда я в смятении побежала к одному французскому эмигранту, который жил неподалеку и незадолго до этого посетил нас. Я просила его помочь нам в ужасной беде. Он тотчас же дал мне с самым дружеским участием два фунта стерлингов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором, наконец, теперь покоилось с миром бедное дитя. Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели, и ей было долго отказано в последней маленькой обители. Каково же было нам, когда мы провожали нашу девочку в последний путь!» [2]

Самым тяжелым ударом, постигшим Карла и Женни Маркс, была смерть их сына Эдгара, которого дома называли «Муш». Он скончался девяти лет, через три года после смерти маленькой Франциски. Муш продолжительное время болел, и родители невыразимо страдали. В последние дни болезни ребенка Маркс писал Фридриху Энгельсу:

«Моя жена вот уже с неделю так больна от душевного потрясения, как никогда раньше. У меня самого сердце обливается кровью и голова горит, хотя, конечно, я должен крепиться. Ребенка, за все время болезни, ни на минуту не покидает его оригинальный, приветливый и в то же время самостоятельный характер.

Не знаю, как благодарить тебя за дружбу, за то, что ты работаешь вместо меня *, и за участие, оказываемое мальчику» [3].

---

* В это время, как зачастую и в другие времена, когда Маркс бывал болен, Энгельс писал статьи для «Tribune», чтобы семья Маркса не потеряла этот источник дохода.

Затем, через семь дней, он писал:

«Бедного Муша нет больше на свете. Он заснул (в буквальном смысле слова) у меня на руках сегодня между 5 и 6 часами. Я никогда не забуду, как твоя дружба облегчила нам это ужасное время. Как велика моя скорбь о ребенке, ты понимаешь...» [4]

И потом, 12 апреля 1855 года:

«Дом, разумеется, совершенно опустел и осиротел со смертью дорогого мальчика, который оживлял его, был его душою. Нельзя выразить, как не хватает нам этого ребенка на каждом шагу. Я перенес уже много несчастий, но только теперь я знаю, что такое настоящее несчастье...

При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что мы вдвоем сможем сделать еще на свете что-либо разумное» [5].

В это время Вильгельм Либкнехт часто бывал в доме Маркса. Позднее он писал, что хотя Муш никогда не был очень здоровым, спокойный и настойчивый уход и пребывание на воздухе спасли бы его. Но для этого не было денег. «Скитальческая жизнь, вечные переезды с места на место, нищенское существование в Лондоне не могли помочь нежному растеньицу в его борьбе за жизнь, не помогли и нежная родительская любовь и материнские заботы. Муш умер...

Никогда я не забуду этой сцены: мать, с немым рыданием склонившаяся над мертвым ребенком; стоящая тут же и всхлипывающая Ленхен, страшно возбужденный Маркс, резко отказывающийся от всякого утешения; обе девочки, тихо плачущие и прижимающиеся к матери... Мать, погруженная в скорбь, так судорожно обхватила своих девочек, как будто хотела слить их с собой, защитить их от смерти, отнявшей у нее сыновей» [6].

Когда умер маленький Гвидо, Женни написала на страничке своего дневника: «Моя скорбь была так велика! Это был первый ребенок, которого я потеряла». На той же страничке она написала после смерти Эдгара: «...Увы, я тогда не подозревала, что мне предстоят еще такие страдания, перед которыми все остальное покажется ничтожным!».

Со смертью этого ребенка родители так и не могли примириться никогда.

Но тяжелая борьба и удары судьбы, постигшие Женни Маркс в лондонском изгнании, не помешали ей по-прежнему участвовать в политической жизни. Удивительная стойкость этой женщины проявилась в полной мере в первые годы изгнания, когда прусское правительство начало кёльнский процесс коммунистов, направленный против «партии Маркса».

Этот процесс, представляющий собой во многих отношениях прообраз всех позднейших процессов против коммунистов, был инсценирован по личному приказу короля Пруссии и должен был не только обезвредить коммунистов, но и положить начало террористической кампании против всех свободолюбивых сил.

Прусской полиции удалось арестовать нескольких коммунистов, еще остававшихся в Германии. Но ей не удалось собрать против арестованных такой материал, который помог бы ей представить коммунистов как группу преступников и заговорщиков, хотя она и трудилась над этим полтора года. Поэтому, руководствуясь прямым приказом короля, полиция занялась самой гнусной фальсификацией. Была поставлена на ноги целая армия полицейских шпионов и инсценирована кража со взломом. В Лондоне с помощью прусского посольства был сфабрикован протокол о переговорах, якобы состоявшихся в лондонском Союзе коммунистов.

Наконец 4 октября 1852 года начался процесс. Он происходил в то время, когда в доме Маркса царила самая горькая нужда и Женни была больна. Тем не менее Карл Маркс при ее поддержке тотчас же начал контрнаступление. Он провел его настолько блестяще и нанес реакции такой решительный удар, который можно сравнить лишь с ударом, нанесенным Георгием Димитровым нацистскому главарю Герингу на процессе о поджоге рейхстага. Он парировал один удар за другим, вскрывал фальсификации, беспощадно разоблачал шпионов и провокаторов и показал всему миру преступные махинации прусского правительства. Женни, еще больная, принимала участие в этой работе. Подобно своему мужу и другим партийным товарищам, она день и ночь была на ногах и без устали работала. В письме к одному американ-

скому другу она скромно рассказывает о волнующих днях, когда происходила эта борьба:

«Лондон, 28 октября 1852 года.

Дорогой г-н Клусс!

Вы, наверное, следите за громким процессом коммунистов по «Kölnische Zeitung» *. Заседание 23 октября придало всему делу такой великолепный, интересный и выгодный для обвиняемых оборот, что все мы снова как-то ожили. Вы, конечно, понимаете, что «партия Маркса» работает день и ночь, работает головой, руками и ногами. Крайняя занятость мужа — вот причина, почему я сегодня вновь выступаю перед Вами в качестве замещающего его корреспондента.

Близкий друг г-на Виллиха, г-н Дитц, находящийся сейчас тоже в Америке, дал украсть все бумаги виллиховской клики — письма, протоколы и т. п. Эти документы были предъявлены обвинением как доказательство опасной деятельности партии. Чтобы доказать причастность обвиняемых к этому делу, была выдумана версия о связи моего мужа с известным шпионом Шервалем. Таким путем моего мужа лживо изобразили связующим звеном, перекидывающим мост между кёльнскими теоретиками и людьми действия, поджигателями и грабителями в Лондоне. Штибер и прокуратура ожидали, что это произведет колоссальный эффект, но вся их версия рассеялась как дым. Тогда потребовались новые сенсации, отсюда паутина лжи, сплетенная ими на заседании 23 октября.

Все утверждения полиции — чистейшая ложь. Она крадет, подделывает, взламывает письменные столы, дает ложные присяги, лжесвидетельствует и, вдобавок ко всему, считает, что ей все дозволено по отношению к коммунистам, поскольку они поставлены вне общества. Буквально волосы дыбом становятся от всего этого и от той манеры, с какой полиция, в лице самой гнусной своей фигуры, присваивает себе все функции прокуратуры, отодвигает Зедта на задний план, выдает незасвидетельствованные записки, простые слухи, донесения, сплетни за действительно установленные судебным путем факты и доказательства. Свидетельства того, что все это фальси-

* «Кёльнской газете».

фицировано, надо было доставлять отсюда. Моему мужу приходилось, таким образом, работать днем и ночью. Чтобы разоблачить полицейские махинации, надо было представить официально заверенные свидетельские показания хозяев, а также официально удостоверенные почерки мнимых составителей протоколов — Либкнехта и Рингса. А затем всѐ документы, переписанные в шести и даже восьми копиях, надо было отправлять в Кёльн самыми различными путями: через Франкфурт, Париж и т. д., так как все письма на имя моего мужа, так же как и письма отсюда в Кёльн, вскрываются и похищаются. Все это, вместе взятое, составляет ту борьбу, которая ведется сейчас между полицией, с одной стороны, и моим мужем, с другой; ему приписывают решительно все, всю революцию и даже руководство процессом. Борьба с этой официальной властью, вооруженной золотом и всевозможными боевыми средствами, безусловно, представляет большой интерес; если она закончится нашей победой, то это будет тем более почетно, что на их стороне деньги, власть и прочие преимущества, тогда как мы частенько не знаем, как раздобыть бумагу, чтобы написать письма, и т. д. и т. п.

Прилагаю заявление, посланное сегодня в газеты за подписью Фрейлиграта, Маркса, Энгельса и Вольфа. Мы посылаем его сегодня в «Tribune». Вы также можете его опубликовать.

Простите меня за это бестолковое письмо, но я тоже принимаю участие во всей этой истории и мне приходится столько переписывать, что пальцы немеют. Отсюда сумбурное письмо.

Только что прибыли от Веерта и Энгельса целые кипы купеческих адресов и мнимокоммерческих писем, чтобы без риска пересылать документы, письма и пр. Получили сейчас «Kölnische», полную новых невероятно скандальных историй. И снова две депеши немедленно отправляются по купеческим адресам. У нас теперь тут целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы писцы могли существовать и бросать в лицо старому официальному миру доказательства неслыханнейшего скандала. А вдобавок ко всему раздается пение и свист трех моих неугомонных ребят, которые то и дело получают нагоняй от своего папаши. Вот суматоха-то!

Прощайте, дорогой г-н Клусс, и напишите поскорее Вашим друзьям. С высочайшего соизволения.

Женни Маркс»[1].

После окончания процесса Карл Маркс взялся за идейный разгром системы, которая была способна разыграть эту позорную инсценировку. Он опубликовал свою работу «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», книгу, которая сегодня не менее актуальна, чем тогда. Она была напечатана в Швейцарии и стоила снова больших материальных жертв семье Маркса. Но когда ее нелегально переправляли через немецкую границу, все экземпляры были конфискованы. Это было страшным ударом и новой денежной катастрофой для семьи Маркса, у которой в связи с печатанием книги появилось много долгов. Весть об этой неудаче, глубоко поразившую Маркса, он сообщил Энгельсу в следующих горьких словах:

«При таких обстоятельствах пропадает всякая охота писать. Тоже, подумаешь, удовольствие работать все время «pour le roi de Prusse» *»[2].

Поскольку эта книга выходила одновременно в Америке, Энгельс заказал дополнительно еще 400 экземпляров для отправки в Германию, а Женни Маркс мужественно взялась за организацию их распространения у себя на родине.

Несмотря на все хлопоты и трудности, которые доставляли ей повседневная жизнь и заботы о большой семье, Женни Маркс и в Лондоне постоянно выполняла секретарские обязанности у своего мужа.

Как и в прежние времена, она переписывала все его рукописи — книги и статьи, либо писала их под диктовку. Это была не легкая работа, так как почерк Карла Маркса был неразборчив, а когда он диктовал, то трудно было успевать его записывать. Ответственная работа по переписке таких важных рукописей требовала основательных политических знаний и особенной добросовестности. Кроме того, работа в большинстве случаев была срочной, и когда муж заканчивал рукопись, Женни проявляла величайшее самопожертвование, переписывая ее днем и ночью, чтобы в установленный срок сдать в типографию. Она часто вела также от имени своего мужа сложные и

* Для прусского короля.

неприятные деловые переговоры с типографами и издателями и выполняла различные его поручения.

Деловые переговоры она, по-видимому, вела более умело, проявляя больше энергии и практичности, чем Маркс, по крайней мере такой вывод можно сделать из его писем к Фридриху Энгельсу и из отдельных высказываний Женни в беседах с их другом.

Маркс неоднократно говорил об ее большом политическом такте и деловитости, необычайной энергии и расторопности. В его словах звучит скрытое восхищение деятельностью своей жены, и оба друга в своей переписке неоднократно с большой признательностью упоминают о ней. Маркс не мог обойтись без ее помощи, и если она заболевала, уезжала или по какой-либо другой причине не могла ему помогать, он себя чувствовал просто несчастным.

Сама она говорила о своей работе лишь при случае, с очаровательным юмором и скромностью; так, она подписывала письма Маркса к Энгельсу:

«Вам кланяется секретарь, супруга Маркса».

Она выполняла любые задания, которые ей давались в процессе революционной борьбы, даже очень сложные, и проявляла при этом большое личное мужество. Например, в 1862 году, в зимнюю стужу, ее направили в Париж — во Францию, в ту самую страну, откуда ее когда-то выслали. Она должна была подготовить выход труда Карла Маркса «К критике политической экономии» на французском языке и добиться его издания во Франции. Об этой поездке, продолжавшейся несколько дней, Карл Маркс писал Фридриху Энгельсу:

«В среду моя жена уехала в Париж, вчера она вернулась обратно. Все было бы all right *, если бы Абарбанеля ** как раз перед ее приездом не хватил удар и он не лежал бы беспомощно в кровати, хотя и с ясной головой. Вообще же ей пришлось перенести целый ряд трагикомических злоключений. Сперва — сильная буря на море; ее корабль отделался благополучно, другой, по соседству (она ехала через Булонь), пошел ко дну. Абарбанель живет в окрестностях Парижа. Жена поехала к нему по железной дороге. Испортился локомотив, и ей

---

* Хорошо.

** Друг, который должен был оказать помощь жене Маркса.

пришлось два часа проторчать в пути. Затем свалился омнибус, в котором она ехала»[3].

Несмотря на эти происшествия, Женни встретилась в Париже с рядом партийных товарищей, завязала новые связи и успешно провела все необходимые переговоры.

Женни Маркс была убежденным марксистом и политическим борцом, обладающим чрезвычайно острым и ясным умом. У нее были всегда продуманные, четкие взгляды, не терпевшие никаких компромиссов.

Она ненавидела и презирала реакцию, в какой бы форме и в какой бы стране она ни проявлялась: будь то английская буржуазия, Франция Наполеона III или царское самодержавие. Но, оставаясь до конца своих дней верной дочерью немецкого народа, она больше всего ненавидела германское юнкерство и жестоко высмеивала убожество и затхлую атмосферу в стране, порожденные отсталостью Германии. В своей ненависти к реакции она не делала исключений и для членов собственной семьи.

Своего старшего брата, к которому она питала непримиримую вражду, Женни в своих письмах иронически называла «господин министр» или «министр внутренних дел». Она никогда не называла его братом. Никогда, даже в периоды самой жестокой нужды и преследований, она не использовала своего дворянского имени, чтобы добиться для себя каких-нибудь личных выгод.

Таким же прямолинейным, каким было ее отношение к реакции, было и ее отношение к половинчатым революционерам и к так называемым «демократам» из разных стран, которые занимались в лондонских салонах бесплодными разговорами о государственных переворотах, важничали друг перед другом и, действуя от имени демократии, в своих корыстных целях устраивали сборы денег на революцию. Резко и сурово осуждала она тех, кто отказывался от борьбы за свободу, если эта борьба требовала от них жертв.

Женни Маркс никогда не теряла веры в немецкий народ, который она глубоко и искренне любила, никогда не теряла надежды вернуться на родину, чтобы там продолжать свою деятельность. Несмотря на то что она жила в Англии десятки лет, она до конца своих дней разговаривала по-немецки и развивала у своих детей любовь к немецкому языку и к немецкой культуре.

Всю свою жизнь она мечтала о единой, демократической Германии и никогда не щадила своих сил для осуществления этой своей самой заветной мечты. Вместе со своим мужем она твердо отстаивала идею международной солидарности и боевого единства всех трудящихся и была тесно связана с немецким рабочим движением; она всегда считала себя его участницей и до конца своих дней поддерживала контакт с его деятелями.

Она работала там, где это было необходимо и где она была нужна партии, она защищала угнетенных ирландцев, помогала борцам Коммуны и английским рабочим.

Но особенно яростно она боролась там, где речь шла о судьбе Германии, с особенной готовностью она приносила жертвы, когда нужно было поддержать немецкое революционное движение и помочь немецким товарищам по борьбе.

Как друзья, так и враги высоко ценили глубокие политические знания Женни и четкость ее политических взглядов. Она вела деловую переписку Маркса, а также значительную часть его политической корреспонденции, которая зачастую требовала от нее дипломатического такта и знания сложной политической обстановки.

Она была посвящена во все дела своего мужа, и в отсутствие последнего его политические соратники, а иногда и посторонние лица вели все переговоры с Женни.

Она составляла для Маркса тщательно отредактированные отчеты об этих беседах, а он пересылал их Энгельсу. Оба друга высоко ценили ее мнение по политическим вопросам и часто советовались с ней. Маркс очень дорожил ее критическими замечаниями и суждениями. Как рассказывает Поль Лафарг, Маркс не опубликовал ни одной рукописи, которую предварительно не прочитала Женни.

Казалось бы, что эта нескончаемая самоотверженная работа во имя революции наряду с заботами о семье, должна была заполнить до конца жизнь даже столь деятельного человека, каким была Женни Маркс. Но эта полная сил, энергичная женщина, обладавшая обширными знаниями, даже в лондонских условиях находила время для серьезного изучения философских и искусствоведческих проблем.

Еще в 50-х годах она продолжала заниматься греческой материалистической философией. Как видно из ее

письма к Лассалю, написанного в 1858 году, она в то время изучала Гераклита. Одновременно она следила также и за современным развитием естествознания. Нет никаких прямых указаний на то, что Женни знала Дарвина, знаменитый труд которого «Происхождение видов путем естественного отбора» вышел в 1859 году. Но мы можем это предполагать, поскольку она, как мы упоминали, посещала лекции его друга Томаса Генри Гексли и слушала их с величайшим интересом.

Но, как и прежде, она больше всего любила искусство. Энгельс доставил ей огромную радость, когда пригласил ее в 1857 году в Манчестер на знаменитую выставку картин, где можно было увидеть замечательные и малодоступные для обозрения произведения Рембрандта, Рубенса, Ван-Дейка, Мурильо, Рейнольдса и Дюрера.

Но особенно глубокими и обширными знаниями она обладала в области художественной литературы, главным образом французской и английской. С французской литературой, и в первую очередь с Бальзаком, она познакомилась еще в бытность во Франции. А теперь в доме Маркса читали также великих английских реалистов, таких, как Филдинг и Смоллет, и прежде всего современников — Теккерея, Диккенса и сестер Бронте, остро критиковавших английское буржуазное общество. Женни внимательно следила также и за развитием немецкой литературы, хотя в лондонский период ее жизни на ее родине было создано мало выдающихся произведений. В последующие годы Женни посвятила себя также тщательному изучению новой прогрессивной русской литературы, к которой она относилась с величайшим вниманием и уважением.

Как известно со слов самого Маркса, она опубликовала в конце 70-х годов во «Франкфуртской газете» большую статью о русской литературе, в которой вступила в страстную и острую полемику с одним русским критиком, резко нападавшим на творчество некоторых крупных русских писателей, и охарактеризовала этого реакционера, как шарлатана и труса. Эта статья, опубликованная под псевдонимом, была, как рассказывает Маркс, принята этим русским критиком за статью русского литературоведа. В эти годы Женни писала для «Франкфуртской газеты» рецензии на лондонские спектакли,

а также другие статьи. Ее деятельность в области культуры, несомненно, заслуживает более глубокого исследования, чем это сделано до сих пор.

НОВЫЕ СХВАТКИ

В 1856 году в условиях жизни семьи Маркса наступило временное улучшение. В эти месяцы Женни писала своей подруге Луизе Вейдемейер, переехавшей с мужем и детьми в Америку:

«В первые годы нашего пребывания здесь нам пришлось очень тяжко, но я не хочу сегодня останавливаться мыслью на всех этих грустных воспоминаниях, на всех потерях, которые мы понесли, не хочу вспоминать о милых ушедших от нас детях, образы которых мы с глубокой грустью всегда храним в сердце.

Позвольте мне сегодня рассказать Вам о новом периоде нашей жизни, в котором наряду со многими мрачными сторонами имеются все же и некоторые радостные, солнечные моменты.

В 1856 году я поехала с моими тремя оставшимися в живых девочками в Трир. Моя мать несказанно обрадовалась, когда увидела меня и внучек, но радость эта, к сожалению, была непродолжительной. Самая преданная, лучшая из матерей заболела и после одиннадцатидневных страданий закрыла милые, усталые глаза, которые в последнюю минуту, благословляя, смотрели на меня и детей. Ваш муж, знавший мою ласковую мать, лучше всех поймет мою боль. Мы похоронили горячо любимую маму, и я снова уехала из Трира, после того как привела в порядок небольшое наследство матери и разделила его с моим братом Эдгаром.

В Лондоне мы до этого жили в двух жалких меблированных комнатах. С несколькими сотнями талеров, которые мамочка, принесшая нам столько жертв, оставила в наследство, мы сняли маленький домик неподалеку от великолепного Хэмпстед-Хис (Вы, как переводчица «Женщины в белом» *, наверное, помните это название), где и живем по сей день... Это поистине княжеская квартира по сравнению с прежними дырами,

* Роман английского писателя Уильяма Коллинза.— *Ред.*

в которых нам приходилось жить, и, хотя все ее устройство обошлось немногим более 40 фунтов стерлингов (немалую роль сыграли при этом купленные из вторых рук старые вещи), вначале я казалась себе прямо-таки величественной в нашей уютной гостиной. Все белье и другие остатки прежнего величия были выкуплены нами из ломбарда, и я с удовольствием вновь пересчитала камчатные салфетки еще старинного шотландского происхождения. Впрочем, великолепие длилось недолго: вскоре пришлось снова нести одну вещь за другой в «поп-хаус» (так дети называют таинственный дом с тремя шарами *); все же мы успели порадоваться окружавшему нас житейскому уюту. Но тут наступил первый американский кризис и уменьшил наполовину наши доходы **. Опять началась скудная жизнь и долги»[1].

Как видно из письма, это счастливое время продолжалось недолго. Более удобная квартира потребовала значительно больших расходов, и нужда скоро снова пришла в дом. Все началось сначала: голод, холод, пререкания с лавочниками и домовладельцем, опись имущества, оскорбления, гнетущие заботы о завтрашнем дне.

В эти годы болезни и физические недомогания, уже унесшие троих детей, все чаще поражали семью. Карл и Женни сами тоже заболели. Из-за волнений, переутомления и забот Карл Маркс нажил себе тяжелую болезнь печени, которая его в то время неоднократно приковывала к постели и затем не оставляла всю жизнь. Позднее к этому прибавились еще карбункулы, которые появлялись вновь и вновь на протяжении многих лет, вынуждая Маркса месяцами лежать в постели, терпеть ужасные боли и неоднократно подвергаться операциям.

Эти мучения также были результатом голода и нужды. Карл Маркс однажды назвал это заболевание болезнью пролетариев.

Болезни мужа причиняли Женни Маркс много волнений и горя, тем более что ей постоянно приходилось вести с ним тяжелую борьбу, чтобы заставить его соблюдать такой образ жизни, который не был бы столь гибельным для его здоровья.

---

* Ломбард (у входа в английский ломбард висят три позолоченных шара).— *Ред.*

** Гонорары, получаемые за статьи для «Tribune».

У нее самой в эти годы неоднократно бывали периоды упадка сил; она часто лежала, затем собиралась с силами, снова работала и хлопотала, потом опять падала от усталости. В письмах Маркса к Энгельсу все чаще появляются жалобы на тяжелое состояние Женни.

В 1858 году ее состояние ухудшилось так сильно, что Маркс вынужден был обратиться за помощью к Энгельсу. Он послал ему перечень своих расходов по дому и список долгов с просьбой оказать ему содействие в упорядочении его домашних дел, а также помочь отправить Женни на отдых, если это возможно.

Это был поистине потрясающий перечень; в нем содержатся только самые необходимые расходы: налоги, долги булочнику, мяснику, бакалейщику и плата за обучение. До чего же эти суммы ничтожны! Ни одного пфеннига не предназначалось на удовлетворение самых обычных житейских удобств.

«...Ты увидишь в то же время,— писал Маркс,— что, например, жена моя не тратит ни farthing* на самое себя, на платья и т. д., а летняя одежда детей — ниже пролетарского уровня» [2].

Верный друг помог и на этот раз; он даже помог отправить Женни на взморье. Она поправилась, но, когда она возвратилась домой, все началось сначала. Незадолго до рождества Карл Маркс писал Энгельсу:

«Дома у меня more dreary and desolate out than ever**. Устроить детям рождественский праздник жена моя не может; вместо этого со всех сторон тормошат ее напоминаниями о долгах, при этом она вынуждена переписывать рукопись, а в промежутках бегать в город по ломбардам; естественно, что настроение ее очень подавленное» [3].

В 1860 году, в период самой тяжелой нужды, Женни Маркс с мужем были вынуждены вновь выступить против клеветнической кампании, которую вел в международной печати один агент Наполеона III против основоположников научного социализма. Клеветнические статьи были опубликованы также и в Германии, и даже посланы Марксу домой. Возмущенная этим до глубины души, Женни была страшно взволнована и не одну ночь

---

* Монета стоимостью в одну четвертую часть пенса.

** Мрачнее и безотраднее, чем когда-либо.

провела в слезах. Маркс тщетно требовал установления истины через немецкие судебные инстанции. Его жалобы были отклонены. Газеты также отказались печатать его статьи. Поэтому, чтобы выступить публично, ему пришлось написать книгу. Он написал «Господин Фогт» — выдающееся произведение, в котором разоблачил грабительскую военную политику Наполеона. Дни и ночи, в отчаянной спешке, переписывала Женни Маркс рукопись. Но ее ослабевший организм, перенесший так много невзгод и лишений, неприятностей и волнений, на этот раз не выдержал. Она чувствовала себя плохо уже тогда, когда переписывала рукопись, а когда была написана последняя страница, пришлось вызвать врача. Он установил, что Женни заболела оспой. Хотя ей дважды делали прививку, ее истощенный организм не мог сопротивляться инфекции. Для семьи Маркса наступило страшное время. Женни была при смерти. Лишь самоотверженный уход мужа спас ей жизнь. Пренебрегая опасностью заражения, он не отходил от нее ни на шаг. Эти печальные дни описаны ею в упомянутом выше письме к Луизе Вейдемейер:

«Либкнехты бесстрашно предложили детям приют, и уже среди дня девочки, нагруженные своими маленькими пожитками, отправились в изгнание.

Мне с каждым часом становилось хуже, появились ужасные признаки оспы. Я очень, очень много выстрадала. Сильные жгучие боли лица, абсолютная бессонница, смертельный страх за Карла, который с величайшей нежностью ухаживал за мной, наконец, потеря всех внешних чувств, тогда как внутреннее чувство, сознание, оставалось все время ясным. Я лежала у открытого окна, чтобы меня все время обвевал холодный ноябрьский ветер. При этом жарко натопленная печь, лед на пылающих губах и от времени до времени несколько капель вина. Я уже едва могла глотать, слух все слабел, наконец, закрылись глаза — и я не знала, не настала ли для меня вечная ночь!

Однако мой организм победил, нежнейший и преданнейший уход сделал свое дело, и вот я теперь снова сижу совершенно здоровая, но с обезображенным лицом... Только в сочельник бедные дети смогли вернуться в родительский дом, по которому они страшно тосковали. Первое свидание было неописуемо трогательно. Девочки

были глубоко потрясены и с трудом сдерживали слезы, увидев меня. Я сама себе казалась диковинным зверем. Однако не пугайтесь: теперь вид мой не столь ужасен и шрамы начинают заживать.

Не успела я подняться с постели, как заболел мой милый, дорогой Карл. Чрезмерный страх, всякого рода заботы и муки свалили его с ног. Впервые его хроническая болезнь печени приняла острый характер. Но после четырех недель страданий он, слава богу, поправился. Тем временем «Tribune» опять перевела нас на половинную оплату. Вместо того, чтобы получить что-нибудь за книгу, пришлось платить по векселю. К тому же огромные расходы при этой ужаснейшей из всех болезней. Словом, Вы можете себе представить, какова была для нас эта зима»[4].

Но едва миновала печальная пора болезней, как эти два мужественных человека вновь с прежним энтузиазмом включились в революционную борьбу. Несмотря на материальные затруднения и новые долги, связанные с болезнью, они попытались основать в Германии журнал. Об этом плане Женни рассказывает в упомянутом уже письме. Она пишет, что Маркс, поехавший в Голландию с целью достать у своих родственников немного денег, намерен сделать «маленькую тайную вылазку в Берлин, чтобы прощупать почву и по возможности организовать ежемесячник или еженедельник. Опыт последнего времени достаточно убедил нас в том,— продолжает она,— что без своего органа обойтись невозможно. Если Карлу удастся создать новый партийный орган, он напишет, конечно, Вашему мужу и попросит его присылать корреспонденции из Америки...

Вам, мой дорогой друг,— заканчивает она свое письмо,—я шлю сердечнейший привет. Будьте мужественны и стойки в тяжелые дни. Мужественным принадлежит мир. Оставайтесь твердой, верной опорой Вашего мужа, будьте крепкой духом и телом, будьте верным, не требующим чрезмерного почтения товарищем Ваших милых детей и при случае снова дайте знать о себе.

Ваш искренний друг

Женни Маркс»[5].

Создать газету в Германии не удалось, но зато в течение целого года велась интенсивная работа над «Капиталом», который Карл Маркс надеялся скоро закончить.

Но финансовое положение семьи сделалось снова таким безнадежным и нужда стала так велика, что, несмотря на самоотверженную помощь их друга Фридриха Энгельса, казалось, что катастрофу невозможно предотвратить.

Карл Маркс предпринял отчаянный шаг. Он стал добиваться места в конторе одной железной дороги, но так как у него был плохой почерк, его не приняли. Это было очень печально для семьи. Но Марксу не понадобилось бросать работу над своим великим трудом, потому что Энгельсу удалось еще раз помочь своему другу. Вопрос о поступлении Маркса на работу больше не поднимался, но семья Маркса решилась на отчаянный шаг другого рода.

24 января 1863 года Маркс написал Энгельсу следующее потрясающее письмо:

«Три недели, прожитые нами... заставили, наконец, мою жену согласиться на то предложение, которое я ей давно уже сделал и которое, несмотря на все свои неприятные стороны, не только является единственным исходом, но и гораздо лучше той жизни, которую мы вели за последние три года, в особенности самый последний, и способно к тому же вновь восстановить наше self-esteem (чувство самоуважения).

Я напишу всем кредиторам (за исключением домохозяина), что если они меня не оставят в покое, то я failing of a bill in the court of bankruptcy, добьюсь признания себя банкротом... Две старшие девочки получат через семью Кэннингэм места в качестве governesses *, Ленхен поступит на место в другой дом, а мы с женой и Туссенькой переедем в один из тех City Model Lodging House **, в которых жил в свое время «Красный Вольф» со своей семьей...

В школу я на новую четверть детей послать не мог, так как я не уплатил еще по старому счету, да и, кроме того, они в недостаточно презентабельном виде» [6].

Это означало бы конец огромной научной работы Маркса. Энгельс спас его, как он выразился, «с помощью отчаянного хода», взяв в долг большую сумму денег.

---

* Гувернанток.

** «Образцовые» меблированные дома в старой части Лондона, построенные для рабочих, наподобие казарм, с отдельными комнатами и общими кухнями.

В течение последующих лет семья Маркса получила два небольших наследства, которые дали ей возможность жить хотя и бедно, но вполне терпимо. Одно наследство досталось им от их преданного друга Вильгельма Вольфа, который работал учителем в Манчестере и после своей смерти оставил семье Маркса свои сбережения. Несколько лет спустя Энгельс, ставший после смерти своего отца компаньоном фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере, получил возможность обеспечить семью Маркса самым необходимым. Для Маркса и Женни жизнь и в дальнейшем достаточно часто была полна забот, но призрак нищеты никогда больше не подступал к ним так близко, как в течение этих тринадцати лет, когда Маркс проделал основную работу над «Капиталом».

ДОМ МАРКСА

Нелегко было создать счастливую семейную жизнь в двух маленьких бедных комнатках в районе Сохо, в условиях, когда семье постоянно угрожали голод, лишения и заботы.

Семья Маркса в самые тяжелые времена острой нужды и болезней была счастлива — как в своем убогом жилище, так и в новой квартире на Графтентеррес, в которой лишения и заботы тоже были едва ли не постоянными жильцами.

Несмотря на все невзгоды жизни, Карл и Женни Маркс всегда были для своих детей образцовыми родителями. Они были людьми, умевшими глубоко и искренне любить. Их собственные взаимоотношения, основанные на нежной любви, неизменной верности, уважении друг к другу и нерушимом единении в борьбе за лучшие идеалы человечества, воспитывали детей в духе взаимного доверия, уверенности в своих силах и веры в будущее, благодаря чему они выросли мужественными, передовыми и счастливыми людьми.

Родители отличались веселым нравом, и если нужда и заботы не очень угнетали их, то в доме Маркса любили попеть, поиграть и потанцевать. Друзья и партийные товарищи всегда встречали у них радушный прием. Они охотно принимали участие в народных празднествах. Как рассказывает Вильгельм Либкнехт, он впервые по-

знакомился с семьей Маркса на празднике Общества немецких рабочих в Лондоне, где Карл Маркс и члены его семьи были самыми веселыми гостями.

Жизнерадостность и беспечное веселье четы Марксов живо запечатлелись в памяти их детей и современников.

«Я думаю,— писала Элеонора Маркс-Эвелинг,— что почти так же крепко, как преданность делу рабочих, их связывала и безмерная жизнерадостность. Никому шутка и острота не доставляли такого удовольствия, как им.

Очень часто, особенно когда обстоятельства требовали соблюдения приличий и сдержанности, я видела, как они смеялись до того, что слезы текли по их щекам, и тем, которые пытались было морщить нос по поводу такого легкомыслия, оставалось лишь смеяться вместе с ними. И как часто я видела, что они боялись смотреть друг другу в лицо, так как знали, что один-единственный взгляд вызовет неудержимый взрыв хохота. Видеть этих двух людей, когда они, словно школьники, устремляют свои взоры на что угодно, только не друг на друга, задыхаясь от подавляемого смеха, который в конце концов все же, несмотря на все усилия, прорывался с неудержимой силой,— это такое воспоминание, какого я не променяла бы ни на что...» [1]

Из шести детей, которых на радость родителям родила Женни, выросли лишь трое: старшая дочь Женни, вторая дочь Лаура и самая младшая, родившаяся последней, Элеонора, которую в семье называли «Тусси».

Карл Маркс был выдающимся воспитателем. Он вникал в интересы детей, был их другом, советчиком, поверенным и пользовался у них большим авторитетом.

Между родителями и детьми существовали отношения веселого товарищества. Карл Маркс чрезвычайно любил детей и был великолепным участником игр. «Мое самое раннее воспоминание о нем относится к тому времени, когда мне было около трех лет,— рассказывает его дочь Элеонора,— и Мавр (старое семейное прозвище его так и срывается у меня с языка) носил меня на плечах по нашему садику на Графтентеррес и вплетал в мои темные локоны цветущий вьюнок.

Мавр, по общему признанию, был великолепной лошадью. В давние времена,— я этого не помню, но мне об этом рассказывали,— мои сестры и мой маленький брат

«запрягали» Мавра в стулья, сами садились на них и заставляли его возить их.

Я же лично, может быть, потому, что у меня не было сестер моего возраста, предпочитала Мавра в качестве верховой лошади. Сидя на его плечах, запустив руки в его густую гриву, тогда еще черную, лишь с редкой проседью, я с восторгом мчалась галопом по нашему маленькому садику и по незастроенным тогда еще лугам, которые окружали наш дом на Графтентеррес...

Но хотя Мавр и был отличной лошадью, он все же обладал и еще более высокой квалификацией. Он был единственным в своем роде и непревзойденным рассказчиком сказок...

Много-много лет спустя Маркс рассказывал сказки своим детям. Моим сестрам (я тогда была еще очень мала) он рассказывал сказки во время прогулок, и эти сказки делились не на главы, а на мили. «Расскажи нам еще одну милю», требовали обе девочки.

Что касается меня, то из всех бесчисленных чудесных историй, которые рассказывал мне Мавр, самой чудесной, самой восхитительной была сказка «Ганс Рёкле». Она длилась месяц за месяцем; это была целая серия сказок. Жаль, что некому было записать эти сказки, столь насыщенные поэзией, остроумием, юмором!

Ганс Рёкле — волшебник типа героев Гофмана. У него была игрушечная лавка и денежные дела его всегда были запутаны. Его лавка была полна чудесных вещей: деревянные куклы, великаны и карлики, короли и королевы, рабочие и хозяева, четвероногие животные и птицы — в таком же большом количестве, как и в Ноевом ковчеге, столы и стулья, экипажи и ящики всех видов и размеров. Но, несмотря на то что он был волшебником, он все же никогда не был в состоянии уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику, и потому был вынужден, совершенно против своего желания, постоянно продавать свои игрушки дьяволу. Однако после многих удивительных приключений все эти вещи потом всегда возвращались в лавку Ганса Рёкле.

Мавр,— рассказывает Элеонора дальше,— имел также обыкновение читать своим детям вслух. Как и моим сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гудрун», «Дон Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Что касается произведений Шекспира, то

они были настольной книгой в нашем доме, всегда у нас в руках или на устах; шести лет я уже знала наизусть целые сцены из Шекспира.

Когда мне исполнилось шесть лет, Мавр впервые подарил мне ко дню моего рождения роман — бессмертного «Петра Простака» *. Мой отец читал со мной все эти повести и совершенно серьезно обсуждал их содержание со своей дочуркой. И когда маленькая девочка, воодушевленная морскими рассказами Марриэта, объявила, что она тоже хочет сделаться «капитаном корабля» (не вполне понимая, что это значит), и спросила отца, нельзя ли ей «одеться мальчиком» и «сбежать, чтобы наняться на военное судно», тот уверял ее, что это, конечно, вполне возможно, не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне.

Однако, прежде чем созрели эти планы, пришло увлечение Вальтером Скоттом.

Беседуя со своей дочуркой об этих и многих других книгах, он указывал ей, но так, чтобы она этого не замечала, как находить самое красивое и лучшее в этих произведениях, и, хотя она и не сознавала, что ее учат,— а то бы она стала противиться этому,— он учил ее думать и понимать» [2].

Женни была нежной матерью, и дочери всем сердцем любили и глубоко уважали ее. Она гордилась своими девочками и, когда бы ни писала в письмах о своих детях, всегда была преисполнена материнским счастьем.

«...А теперь перехожу к самому прекрасному в нашем существовании,— пишет она в упомянутом письме к Луизе Вейдемейер,— к светлой стороне нашей жизни,— к нашим милым детям. Я уверена, что Ваш муж, любивший наших девочек, когда они были еще детьми, еще больше радовался бы теперь, видя их высокими, цветущими молодыми девушками. Рискуя прослыть в Ваших глазах самодовольной, слабой матерью, я должна все же похвастать достоинствами милых девочек. У них обеих чрезвычайно доброе сердце, хорошие наклонности, поистине очаровательная скромность и девическая застенчивость. Женни 1 мая исполнится семнадцать лет. Она чрезвычайно миловидная девушка...

---

* Роман английского писателя Ф. Марриэта.— *Ред.*

Лауре в сентябре прошлого года исполнилось пятнадцать лет. Она, пожалуй, более красивая и у нее более правильные черты лица, чем у ее старшей сестры... Обе сестры отличаются поистине цветущим видом и обе так мало кокетливы, что я часто про себя дивлюсь этому, тем более что не могу сказать того же об их матери во времена ее молодости, когда она еще носила легкие, воздушные платья.

В школе они получали всегда первые награды. Они свободно владеют английским языком и довольно хорошо знают французский. По-итальянски понимают Данте, немного читают также по-испански. Только с немецким дело никак не идет на лад; хотя я стараюсь всеми силами время от времени разговаривать с ними по-немецки, они всегда неохотно идут на это, и здесь не помогает даже мой авторитет и их уважение ко мне...

Девочки доставляют нам много радости своим милым, скромным характером, а их младшая сестренка — кумир и баловень всего дома.

Ребенок родился как раз тогда, когда умер наш бедный, милый Эдгар. Вся любовь к брату, вся нежность к нему была теперь перенесена на маленькую сестренку, которую старшие девочки нянчили с почти материнской заботливостью. Да и трудно себе представить более очаровательного, красивого, как картинка, наивного, забавного ребенка. Девочка особенно отличается своей удивительно милой болтовней и своими рассказами. Этому она научилась у братьев Гримм, ставших ее неизменными спутниками. Мы все до одурения читаем сказки и горе нам, если мы пропускаем хоть один слог в «Белоснежке», у «Румпельштильцхена» или у «Короля-Дроздовика». Благодаря этим сказкам девочка наряду с английским, который она все время слышит, научилась немецкому и говорит по-немецки необычайно правильно и точно. Девочка — поистине любимица Карла и своим смехом и щебетанием отвлекает его от множества забот» [3].

Обнаруженное недавно небольшое письмо Женни к мужу также свидетельствует о ее глубокой и нежной привязанности к семье, о теплых материнских чувствах, какими она окружала мужа и детей. Она писала его, очевидно, в конце 1863 года или в начале 1864 года, когда ее муж во время поездки на континент, страдая карбункулами, лежал больной у своих родственников в Голландии.

«Мой родной Карл!

Я боюсь, что ты замерз и тебя занесло снегом в стране праздности (выражение Фрейлиграта); здесь по крайней мере собачий холод и нужны целые горы угля, чтобы добиться приятного тепла даже в наших малюсеньких комнатах. Если бы я не знала, что ты в хороших условиях, то я бы чувствовала себя совсем, совсем покинутой, именно в эти рождественские дни, когда «home and family» * являются девизом дня. Так, для меня утешением является по крайней мере то, что за тобой, учитывая твои страдания, бережно ухаживают, и это мне очень помогло многое пережить. Несколько дней тому назад я выполнила свой долг и передала доктору Аллену твои и наши compliments of the season ** и нашла его, как всегда, приветливым и любезным. Он был очень удивлен, услышав, что на месте старого карбункула появился новый, и думает, что он ни в коем случае не может быть серьезным при том уходе и питании, которые у тебя были, и прежде всего при том количестве... iron ***, которое ты проглотил. Я все еще надеялась получить от тебя новые известия, но так как я, как мне кажется, опять осталась ни с чем, то я беру на себя эту инициативу couleur de rose ****, чтобы положить конец почти восьмидневному перерыву в нашей переписке. Если бы я только знала, что ты совсем поправился!.. У нас снова были Лорми и устроили пирушку с танцами и пением, длившуюся до двух часов ночи. Для меня это «Toujours perdrix» *****, немного ennuyant ******, но дети благодаря их обществу faute de mieux ******* немного повеселились на праздниках; при этом у них была практика по французскому языку и они не проводили вечера в одиночестве...

Малышка едва может дождаться твоего возвращения и каждый день твердит, что сегодня приедет мой dada. Она thoroughly ******** наслаждается своими holy days *********, а так как у нее нет елки, то сестрички

---

* Дом и семья.

** Рождественские и новогодние поздравления.

*** Железо.

**** Приятную, буквально: розового цвета.

***** Буквально: каждый день куропатка.

****** Тягостно.

******* За неимением лучшего.

******** Вовсю.

********* Праздниками.

сделали ей больше двадцати кукол во всевозможных костюмах. Среди этих причудливых фигур имеется воин, наподобие Рюи Блаза... Из 70 фунтов я сразу же вернула им 3 фунта стерлингов, полученные от славного Лупуса * и, таким образом, они доставили себе некоторые маленькие fun ** и всегда имели немного money at hand ***. Один раз они свели всех нас в театр, чтобы посмотреть известную американскую артистку, мисс Бетман, в роли Джуди Леа. Видеть эту трагедию в таком исполнении было величайшим наслаждением. Мы все, очень довольные, сели в cab **** и поехали домой... Дети все еще не отдохнули от вчерашнего вечера и поэтому сегодня писать не будут. Они посылают тебе и твоим близким самый сердечный привет, к которому я присоединяю также и свои. Now good bye old boy. Дай поскорее знать о себе.

Твоя Женни».

Женни вместе со своим мужем руководила идейным воспитанием детей. Она не только обучала их немецкому языку, но и старалась, чтобы они сохранили память о своей немецкой родине, с которой даже старшие девочки были едва знакомы.

В то время обучение девочек в школе было в общем еще очень примитивным и поверхностным, и оно стоило дорого. Это была пора, когда женщины еще боролись за допуск в университет и к интеллигентным профессиям. И все-таки, хотя девочки имели в лице своих родителей самых лучших учителей, каких только можно было найти, Маркс и Женни старались обеспечить своим детям также и хорошее школьное образование. Ради этого они шли на большие материальные жертвы. Однако занятия в школе часто приходилось прерывать, потому что не хватало денег для уплаты за обучение или даже не было обуви и одежды, необходимых для посещения школы.

Дети, которым приходилось слышать так много разговоров и споров о политике, росли развитыми и смыш-

---

* Очевидно, имеется в виду подарок Вильгельма Вольфа детям, который сперва пришлось взять для домашних расходов, но который Женни потом вернула детям, после того как семья получила небольшое наследство.

** Развлечения.

*** Собственно: money at hand — деньги в кармане.

**** Карету.

леными. Родители рано познакомили их с жизнью и борьбой рабочих. Уже с ранних лет они научились понимать, что невзгоды их собственной жизни связаны с этой борьбой, и они гордились тем, что мужественно переносят все лишения.

В период с 1861 по 1865 год гражданская война Северной Америки против рабовладельцев южных штатов постоянно была предметом обсуждения в доме Маркса. Дочери Маркса восхищались Авраамом Линкольном, президентом северных штатов. Этот энтузиазм захватил даже маленькую Элеонору, которой в начале войны было шесть лет.

«Я помню также,— рассказывает она,— с каким бесконечным терпением и кротостью Мавр отвечал на все мои вопросы, когда рассказы об американской войне * и Синие книги вытеснили на некоторое время Марриэта и Вальтера Скотта. Никогда Мавр не жаловался на то, что я его отвлекаю от работы, хотя ему, должно быть, очень мешало присутствие вечно болтающей малютки, когда он работал над своим великим произведением. Но он никогда не допускал, чтобы у ребенка зародилась мысль, будто он является помехой отцу. В то время — я это хорошо помню — у меня было непоколебимое убеждение, что президент Соединенных Штатов Америки Авраам Линкольн никак не сможет обойтись без моих советов в военных делах, и поэтому я писала ему длинные письма, которые Мавр должен был, конечно, читать и «относить на почту». Много-много лет спустя он показывал мне эти детские письма, которые он сохранил, ибо уж очень они были забавны» [4].

Несколько позднее, в конце 60-х годов, семья Маркса приняла горячее участие в освободительном движении ирландского народа против английских угнетателей. В то время тысячи ирландских патриотов томились в тюрьмах, и английское правительство обращалось с ними самым жестоким образом. Карл Маркс и Фридрих Энгельс (Карл Маркс был тогда руководителем Международного товарищества рабочих) организовали международное движение солидарности, в котором приняли участие Женни и обе ее старшие дочери. Девушки демонстративно одевались во все зеленое, национальный цвет

* О гражданской войне в США между северными и южными штатами в 60-х годах XIX века.— *Ред.*

Ирландии, а старшая, Женни, которая была уже молодым отважным борцом за революцию, писала статьи об ирландском освободительном движении для парижской рабочей газеты «Марсельеза».

Элеонора, которая была еще ребенком, тоже горячо интересовалась ирландским вопросом.

Как раз в этот период времени она провела несколько месяцев в доме Фридриха Энгельса и его второй жены Лиззи Бернс, которая была ирландской патриоткой и участницей нелегального движения фениев. Преданность девочки делу освобождения Ирландии и ее восторг, достигший апогея, когда ей позволили поехать в Ирландию вместе с Энгельсом и его женой, часто забавляли обоих друзей.

Женни с большой радостью наблюдала, как все три ее дочери становятся стойкими и активными пролетарскими борцами. Две из них еще при жизни родителей вышли замуж за передовых французских социалистов: Лаура — за врача Поля Лафарга, старшая, Женни,— за Шарля Лонге. Оба зятя, ученики Карла Маркса, были представителями Франции в Генеральном Совете I Интернационала и борцами Коммуны. Поль Лафарг стал одним из основателей французской рабочей партии и видным руководителем французского рабочего движения перед первой мировой войной.

Элеонора, младшая из трех дочерей, принимавшая наиболее активное участие в политической жизни, вышла замуж за английского врача доктора Эдуарда Эвелинга. Она была высокоодаренным человеком. Элеонора помогала Фридриху Энгельсу в работе по изданию рукописей из наследия ее отца и сыграла выдающуюся роль в английском рабочем движении. Ее большая заслуга состояла прежде всего в объединении неквалифицированных рабочих и женщин в английские профессиональные союзы.

Рассказывая о жизни семьи Маркса в Лондоне, нельзя не упомянуть о Елене Демут, верной помощнице и друге, которую любила вся семья и все друзья, бывавшие в доме.

Страдая вместе с семьей Маркса от нужды и гонений, она последовала за ними в Лондон и осталась там их первой помощницей в доме, хотя ей нередко приходилось голодать вместе со всеми и оставаться без жалованья.

Не раз жертвовала она своими скудными сбережениями, чтобы купить хлеб и картофель.

Ленхен Демут была самой надежной и верной подругой Женни.

Без ее помощи и практичности Женни никогда бы не удалось справиться с тяжелой нуждой и заботами, которые так и сыпались на эту семью.

«Это был поистине добрый гений дома,— писал Поль Лафарг,— она умела найтись в самую трудную минуту. Благодаря ее распорядительности, бережливости и ловкости семья никогда не испытывала острой нужды, по крайней мере, в самом необходимом, Ленхен все умела делать: стряпала, смотрела за хозяйством, одевала детей, кроила платья и шила их вместе с женой Маркса. В доме, находившемся на ее попечении, она была одновременно и хозяйкой и мажордомом.

Дети любили ее, как мать, и в их глазах она пользовалась родительским авторитетом, потому, конечно, что относилась к ним с чисто материнской привязанностью. Женни Маркс видела в ней свою близкую подругу, и сам Карл Маркс был к ней расположен очень дружески; он любил играть с ней в шахматы, причем она нередко его обыгрывала.

Привязанность Ленхен к семье Маркса была слепая: что бы кто из них ни сделал, все в ее глазах было прекрасно и не могло быть иным. Всякий, высказывающий осуждение Марксу, казалось, осуждал ее самое. Ко всем, кто пользовался сердечным расположением семьи, она относилась по-материнcки, с чувством покровительственной нежности. Она как бы усыновила всех их, всю семью» [5].

Вильгельм Либкнехт, познакомившийся с Ленхен Демут в Лондоне, когда ей было 27 лет, рассказывает, что она была миловидной и привлекательной девушкой, которая не имела недостатка в поклонниках и не раз имела возможность, как он писал, сделать хорошую партию. И хотя она не связала себя никаким обетом, эта преданная душа считала само собой разумеющимся, что она должна оставаться с семьей «Мавра». Вильгельм Либкнехт тоже относился к числу тех, на кого распространялись заботы Ленхен.

«Как часто,— рассказывает он,— она ссужала меня несколькими пенни, когда у меня в карманах свистел

ветер, а в доме Маркса было не слишком уж пусто,— потому что, когда там наступал пост, тогда у Ленхен ничем нельзя было поживиться. И как часто, когда моих портновских способностей уже не хватало, она искусно реставрировала на несколько недель какую-нибудь необходимую часть туалета, заменить которую мне было нечем по финансовым причинам» [6].

Ленхен Демут пережила Женни и Карла Маркса. Последние годы своей жизни она провела в доме Фридриха Энгельса, который тоже был связан с ней узами сердечной дружбы. Он овдовел в 1878 году, и Ленхен заботилась о нем до самой своей смерти. Она погребена в той же могиле, где похоронены Карл и Женни Маркс и их маленький внук Гарри Лонге. Этого хотела Женни.

ЦЕНТР РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Как в Брюсселе, так и в Лондоне дом Маркса был центром революционного движения, и двери его были открыты для всех друзей и товарищей по революционной борьбе.

Для всех них Женни была матерью, другом, а если нужно было — и требовательным учителем. Она смеялась вместе с ними, помогала им советом в их разнообразных нуждах и заботах, поправляла их, когда они поступали неразумно, и утешала, когда они приходили в отчаяние. Но она терпеть не могла заносчивости, лени, тщеславия и моральной нечистоплотности, и тех, кто отличался этими качествами, она не долго терпела у себя в доме.

В тяжелые годы после разгрома революции 1848 года дом Маркса служил убежищем и был родным кровом для членов Союза коммунистов, бежавших в Лондон. Среди тех, кто пользовался дружеским расположением семьи, был будущий вождь немецких рабочих Вильгельм Либкнехт, отец Карла Либкнехта. Он принадлежал к числу учеников Карла Маркса и до своей женитьбы почти ежедневно бывал у него дома. Ему мы обязаны ценными сведениями о личной жизни его великого учителя и членов его семьи.

«Маркс был строгим учителем,— рассказывал он,— он не только заставлял учиться, но и проверял, действительно ли мы учились...

Маркс как учитель обладал редким качеством: он умел быть строгим, не обескураживая.

И еще одно замечательное качество было у Маркса как учителя: он принуждал нас к самокритике, не допускал, чтобы мы удовлетворялись уже достигнутым. Идиллическую созерцательность он жестоко хлестал бичом своей насмешки»[1].

«Он ненавидел популярность, и погоня за популярностью повергала его прямо в ярость. К краснобаям он испытывал омерзение — и горе тому, кто в его присутствии отделывался фразами. «Фразер» было в его устах самым бранным словом, и кого он раз назвал фразером, с тем он порывал навсегда. Надо мыслить логически и ясно выражать свою мысль, внушал он нам, «молодым», при каждом удобном случае, и заставлял нас учиться.

К тому времени была построена великолепная читальня Британского музея с ее неисчерпаемыми книжными сокровищами, и туда-то, где сам он проводил целые дни, Маркс гнал и нас.

Учиться! Учиться! Таков был категорический наказ, который он часто внушал нам, но который заключался уже в его личном примере и даже в одном лишь зрелище этой постоянной, могучей работы великого ума»[2].

Вильгельм Либкнехт также глубоко уважал Женни и навсегда сохранил к ней чувство благодарности и дружбы.

«Госпожа Маркс,— писал он в своих воспоминаниях,— была первой женщиной, благодаря которой я научился понимать воспитательную силу и власть женщины. Моя мать так рано умерла, что у меня сохранились о ней лишь призрачные, расплывчатые воспоминания... Она (госпожа Маркс) была для меня... матерью, другом, доверенным лицом, советчицей. Она была и осталась для меня идеалом женщины. И, повторяю, если я не погиб в Лондоне, морально и физически, то главным образом благодаря ей. Когда я уже думал, что иду ко дну в бушующем океане бедствий скитальческой жизни, она появлялась передо мной, как Левкотея перед Одиссеем, потерпевшим кораблекрушение, и давала мне силы для того, чтобы плыть дальше»[3].

Как и все близкие друзья четы Марксов, Либкнехт принимал непосредственное участие в жизни семьи. Ему принадлежит прекрасное описание известных воскресных

прогулок семьи Маркса в Хэмпстед-Хис. Эти поездки, предпринимавшиеся в те счастливые дни, когда в доме было немного денег, а булочник и мясник не отказывали в кредите, составляли самое большое удовольствие в жизни семьи в те тяжелые годы.

Эти прогулки, благодаря которым все выбирались из духоты и сутолоки города в красивую холмистую местность в северо-западной части Лондона, покрытую лугами, рощами и садами, служили отдыхом для взрослых и давали детям возможность поиграть на воздухе.

«Наши прогулки в Хэмпстед-Хис! Проживи я еще тысячу лет,— я их не забуду.

Провести воскресенье в Хэмпстед-Хис было для нас самым большим удовольствием. Всю неделю дети только об этом и говорили, да и мы, взрослые, старики и молодежь, радовались этой прогулке. Уже само путешествие туда было праздником. Девочки были хорошие ходоки, проворные и неутомимые, как котята... обычно мы уже около одиннадцати часов утра пускались в путь. Иной раз, правда, мы выходили позже: в Лондоне не любят рано вставать, а привести все в порядок, собрать детей и уложить корзину — на это всегда уходило некоторое время.

Ах, эта корзина! Она стоит или, вернее, висит перед моим «духовным взором» настолько живо, она представляется мне такой заманчивой и аппетитной, будто я лишь вчера в последний раз видел ее у Ленхен на руке.

Дело в том, что эта корзина была нашим складом провизии, а когда у человека здоровый желудок и при этом очень часто в кармане нет нужной мелочи (о крупных деньгах в то время вообще речи не было), тогда вопросы питания играют весьма значительную роль... Главным блюдом в воскресенье в Хэмпстед-Хис был освященный традицией огромный кусок жареной телятины... Там же лежали чай и сахар, а иногда и фрукты...

Самый поход совершался по большей части в следующем порядке. В авангарде шел я с двумя девочками, то рассказывая им всякие истории, то занимаясь гимнастикой на ходу, то собирая полевые цветы, которые в те времена были там еще не так редки, как теперь. За нами шел кое-кто из друзей. Затем следовали главные силы: Маркс с женой и каким-нибудь воскресным гостем, требовавшим известного внимания. Шествие замыкала Лен-

хен с самым голодным из гостей, который помогал ей нести корзину...

Придя в Хэмпстед-Хис, мы прежде всего выбирали себе место стоянки, причем по возможности учитывались условия чайного и пивного снабжения.

Но, подкрепившись питьем и едой, все участники прогулки выбирали себе местечко поудобнее, чтобы полежать или посидеть, и, если не предпочитали соснуть, вынимали из карманов купленные по дороге воскресные газеты; тут начиналось чтение и обсуждение политических вопросов, между тем как дети, быстро находившие себе товарищей, играли в прятки в кустах.

Но в эту идиллию необходимо было внести и некоторое разнообразие: и вот устраивались бег вперегонки, борьба, метание камней и всякие другие виды спорта. В одно из воскресений мы открыли поблизости каштановое дерево со спелыми каштанами. «Посмотрим, кто больше всех собьет»,— крикнул кто-то. С криками «ура» все принялись за работу. Мавр пришел в настоящую ярость, но, к сожалению, он не был специалистом по сбиванию каштанов. Однако он был неутомим, как и мы все. И только тогда, когда под исступленные крики триумфа был сбит последний каштан, бомбардировка прекратилась. Маркс больше недели не мог двинуть правой рукой. Со мной дело обстояло не лучше.

Но самым большим «treat» * было общее катание на осликах. Сколько тут было смеха и ликования! Какие забавные сценки! Как веселился Маркс...

По дороге домой из Хэмпстед-Хис бывало всегда очень весело... Против меланхолии, для которой, впрочем, у нас по большей части бывало достаточно оснований, мы были застрахованы нашим неисчерпаемым юмором. Для нас не существовало нудных эмигрантских забот — тому, кто принимался жаловаться, тотчас же настойчиво напоминали об общественных обязанностях... Обыкновенно мы затягивали какую-нибудь песню. Политические песни пели редко, а чаще всего пели народные, преимущественно чувствительные песни,— и это — сущая правда — «патриотические» песни об «отечестве», как например: «О Страсбург, Страсбург, дивный город!»,— эту песню особенно любили. Или же дети пели нам негри-

* Удовольствием.

тянские песни и плясали при этом, если только их ноги успевали к тому времени немножко отдохнуть. О политике в походе запрещалось говорить, так же как и об эмигрантской нужде. Зато много беседовали о литературе и искусстве, и тут Марксу представлялся случай проявить свою исключительную память. Он декламировал длинные отрывки из «Божественной комедии», которую знал наизусть почти целиком. Читал он также сцены из Шекспира, причем его жена, превосходный знаток Шекспира, часто сменяла его...» [4]

Среди тех, кто постоянно бывал в доме Маркса, было много рабочих.

«Маркс всегда придавал огромное значение встречам и беседам с рабочими,— писал рабочий Фридрих Лесснер, осужденный на кёльнском процессе коммунистов, ставший потом членом Генерального Совета I Интернационала,— при этом он искал общества тех, кто был с ним искренен и не обременял его лестью. Он считал очень важным для себя слышать мнение рабочих о движении. Он в любое время готов был обсуждать с ними важнейшие политические и экономические вопросы, причем он быстро определял, в достаточной ли степени они понимают эти вопросы, и чем лучше они их понимали, тем больше он этому радовался...

Дом Маркса был открыт для каждого заслуживающего доверия товарища. Приятные часы, которые я, как и многие другие, провел в кругу его семьи, для меня незабываемы. Тут прежде всего блистала прелестная жена Маркса — высокая, очень красивая женщина, благородной внешности и при этом такая задушевная, милая, остроумная, настолько свободная от всякого чванства и чопорности, что в ее обществе казалось, будто находишься у собственной матери или сестры...

Весь ее облик напоминает слова шотландского народного поэта Роберта Бернса: «Woman, lovely woman, heaven destined you to temper man» *.

Она всей душой сочувствовала делу рабочего движения и каждый, даже самый незначительный успех в борьбе с буржуазией приносил ей величайшую радость и удовлетворение».

---

* Женщина, прекрасная женщина, небо предназначило тебя облагораживать мужчину.

ЛУЧШИЙ ДРУГ СЕМЬИ — ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Лучшим другом Марксов был Фридрих Энгельс; все любили его как члена семьи. Поль Лафарг пишет:

«Когда Энгельс объявлял о своем приезде — это было торжеством в семье Маркса. В ожидании его шли нескончаемые разговоры о нем, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. Подкрепляя свои силы табаком, друзья просиживали вместе всю ночь, чтобы досыта наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания» [1].

Дочери Маркса называли Энгельса своим вторым отцом. Он веселился и играл с ними, когда они были детьми, а потом остался поверенным их радостей и горестей. Письма и записки, которые он им иногда писал, и сегодня еще полны очарования. Тусси, младшая дочь, особенно страстно была привязана к Энгельсу и к его жене Лиззи. Когда девочки стали взрослыми, он продолжал оставаться их другом. Особенно дружен он был с Элеонорой, которая после смерти родителей неоднократно выступала вместе с Энгельсом на больших рабочих собраниях и демонстрациях и имела в его лице незаменимого и неоценимого помощника в своей политической деятельности.

Между Женни Маркс и Фридрихом Энгельсом существовали сердечная дружба и близкие товарищеские отношения. Она питала к нему полное доверие и обращалась по всем личным и политическим вопросам. Он отвечал ей как доброму, верному и глубоко уважаемому товарищу и зачастую они вместе улаживали политические и другие дела Маркса, главным образом дела, связанные с печатанием и распространением его трудов. Когда Маркса не было, они вместе решали неотложные политические вопросы.

Фридрих Энгельс поддерживал Женни, когда Маркс болел. Он всегда разделял ее горе, помогал словом и делом и, если было нужно, заботился о том, чтобы достать необходимые средства для лечения друга.

Женни не раз изливала Энгельсу свою душу, когда ей никак не удавалось оградить Маркса от вредного для его здоровья переутомления, потому что она знала, что встретит у друга понимание и помощь.

«Дорогой господин Энгельс! — ...Теперь, однако, я должна выступить с целым рядом форменных жалоб на него. Со времени его возвращения из Германии и особенно после ганноверской кампании он был нездоров, беспрерывно кашлял и, вместо того чтобы принять меры к поправлению здоровья, стал с пылом и жаром изучать русский язык, стал мало выходить, нерегулярно питаться и показал карбункул под мышкой лишь после того, как он уже созрел и отвердел. Как часто в течение последних лет мечтала я, дорогой господин Энгельс, о вашем переселении сюда!! Многое сложилось бы иначе... Прошу вас, дорогой господин Энгельс, не делайте ему в ваших письмах *никаких замечаний* на этот счет. Он в настоящий момент легко приходит в раздражение и будет очень сердиться на меня.

Но для меня было таким облегчением высказать вам то, что у меня наболело, ибо я совершенно бессильна изменить что-либо в его образе жизни. Может быть, можно попросить Гумперта поговорить с ним раз серьезно, когда он снова будет в Манчестере.

Гумперт — единственный врач, к которому он питает доверие. В нашей семье господствует теперь всеобщее презрение ко всякой медицине и ко всяким врачам, и все же они еще являются необходимым злом, без которого нельзя обойтись» [2].

Энгельс, который вместе с Женни беспокоился о здоровье ее мужа, точно так же разделял заботы Маркса, когда заболевала его жена. Он самым трогательным образом посылал тогда Женни лекарства и не раз оказывал помощь, чтобы она могла поехать для отдыха на взморье. Он всегда старался облегчить жизнь ей и ее близким и доставить им радость: то предоставлял ей и детям возможность совершить для разнообразия маленькое путешествие, то приглашал ее и Маркса в Манчестер. Почти к каждому празднику в доме Маркса Энгельс присылал на имя хозяйки дома большой ящик с дорогими винами, что позволяло Женни устроить торжество для своей семьи.

Карл и Женни Маркс, со своей стороны, всегда бывали очень озабочены, если что-нибудь случалось с их другом. Однажды, когда Энгельс заболел, Женни по поручению своего мужа посоветовала ему принимать железо и писала, что Маркс, желая быть ему полезным,

занялся в Британском музее подробным изучением медицинских трудов.

Если у Женни не сложилось близких отношений с первой спутницей жизни Фридриха Энгельса, Мери Бернс, потому что обе женщины слишком отличались друг от друга, чтобы быстро подружиться, то ее отношения с сестрой Мери, Лиззи Бернс, второй женой Энгельса, были очень сердечными *. Лиззи Бернс, как и ее сестра, была ирландской работницей; после ее смерти Энгельс писал одному своему другу, что она была настоящей ирландкой пролетарского происхождения и что ее страстное инстинктивное классовое сознание ему было дороже ученой изысканности благовоспитанных и чувствительных буржуазных дам.

Лиззи Бернс была приветлива, остроумна и темпераментна — подлинная ирландка и стойкая патриотка. Она была активной участницей организации фениев, конспиративного национального движения своего народа, предоставляла некоторым ирландским патриотам тайное убежище в своем доме и не раз помогала бежать ирландцам, которых правительство преследовало за политическую деятельность.

Оба, Карл и Женни Маркс, были привязаны к ней всем сердцем и всегда с особой теплотой упоминали о ней в своих письмах к Энгельсу. Маркс так высоко ее ценил, что предложил ей вступить в I Интернационал.

Когда Фридрих Энгельс, воспользовавшись благоприятными условиями, сумел наконец в 1869 году уйти из фирмы «Эрмен и Энгельс» и переехать в Лондон, то этим самым осуществилась давнишняя мечта не только Маркса и Энгельса, но и обоих семейств.

Женни неделями ходила в то время по Лондону, чтобы подыскать дом для семьи Энгельса. Когда она после долгих утомительных поисков нашла наконец дом, который показался ей подходящим и к тому же был расположен вблизи от их квартиры, она немедленно написала подробное письмо Энгельсу и его жене.

«Только что вернулась домой после поисков квартиры и спешу доложить вам о результатах. Я нашла сейчас дом, который вызывает наше всеобщее восхищение своим изумительно красивым и удобным расположением.

---

* Мери Бернс умерла 6 января 1863 года.

Женни и Тусси были со мной и обе находят его особенно красивым... Очень важно, конечно, чтобы вы и ваша супруга сами посмотрели дом и притом возможно скорее, так как на такой хорошо расположенный дом, наверное, скоро найдутся охотники... Вы знаете, что мы все душевно рады видеть ее у нас... Мне очень хочется еще сегодня вечером отнести письмо на почту, чтобы вы в течение завтрашнего дня могли обдумать это дело.

Поэтому наскоро шлю вам привет.

Ваша Женни Маркс»[3].

Когда дом для семьи Энгельса был снят, Женни сама следила за ремонтом, без конца хлопотала, сама выбирала обои и с трогательной заботой старалась обставить квартиру для друзей как можно более уютно и красиво.

Все они были рады и счастливы, что наконец осуществится столь долгожданная мечта о соединении двух семейств. Это состоялось летом 1870 года.

Но в это время в жизни Женни произошли решающие, серьезные события, о которых мы сейчас расскажем.

УЧЕНИЕ МАРКСА ЗАВОЕВЫВАЕТ МИР

Летом 1862 года в Лондоне состоялась всемирная выставка. Она привлекла к себе огромное внимание не только представителей имущих классов, но и рабочих. Таким образом, столица Англии увидела тысячи посетителей из различных слоев общества и со всех концов света, приехавших посмотреть эту грандиозную промышленную выставку.

Для семьи Маркса 1862 год, как и предыдущие, был полон нужды и забот; их бедность была так ужасна, что великий ученый и его жена с мучительным страхом думали о дополнительных расходах, неизбежных в связи с международными политическими мероприятиями, связанными с выставкой.

Но именно события 1862 года внесли большие изменения в жизнь семьи Маркса и решительно способствовали тому, что перед Карлом Марксом снова открылась широкая дорога для политической деятельности большого масштаба.

Маркс давно уже хотел создать международную организацию рабочих и часто обсуждал с Женни этот план. Теперь осуществление этого замысла казалось совсем близким.

Несмотря на все действия реакции, направленные на подавление революционного движения, рабочие Европы вновь начали собирать силы для борьбы. Теперь они были сильнее, чем в 40-х годах, потому что капитализм продолжал развиваться, число рабочих увеличивалось и их политический кругозор расширялся, а классовое сознание стало более отчетливым; они многому научились на опыте революционной борьбы 1848 года.

Англия все еще была первой индустриальной державой, но во Франции, в Германии и в Соединенных Штатах Америки тоже развивалось капиталистическое производство. У рабочих вновь и с новой силой проснулось стремление к международному объединению. Посещение Лондонской всемирной выставки рабочими делегациями различных стран способствовало упрочению их связей. Возродилась международная солидарность рабочего класса. Особенно ярко это проявилось в следующем году, когда в связи с польским восстанием 1863 года английские и французские рабочие организовали совместную кампанию солидарности.

Карл Маркс всячески содействовал развитию рабочего движения и терпеливо и настойчиво двигал его вперед.

В результате двухлетней напряженной деятельности великого вождя международного рабочего движения в сентябре 1864 года на интернациональном митинге Международного товарищества рабочих в Сент-Мартинс-холле в Лондоне произошло великое историческое событие — был основан I Интернационал. Карл Маркс был в президиуме этого собрания.

Этот день вознаградил его жену за многие страдания, которые ей пришлось пережить в предыдущие годы. Но этот день возложил не только на ее мужа, но и на нее новые великие задачи. Союз коммунистов был организацией, состоявшей из нескольких сот руководящих революционных деятелей. Международное товарищество рабочих было первой организацией, в которой объединились рабочие общества различных стран.

Это было огромным достижением в развитии международного рабочего движения.

Душой новой организации, как говорил Ленин, был Карл Маркс.

«Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма... борясь с теориями всех этих сект и школок,— писал Ленин,— Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах» [1].

Борьба была нелегкой, потому что в I Интернационал, наряду со сторонниками Маркса, входили также группы, представлявшие различные политические взгляды: буржуазные демократы, анархисты, социалисты-утописты и английские профессиональные союзы, не признававшие политической борьбы и боровшиеся только за повышение заработной платы.

Для великого ученого вновь наступило время разносторонней политической деятельности. Он написал знаменитый Учредительный Манифест, ставший программой Интернационала, создал его устав и на протяжении всех лет существования Интернационала составлял все обращения этой организации к рабочим. Помимо этого он вел большую непосредственную работу по идеологическому воспитанию рабочих.

К прежним посетителям дома Маркса теперь прибавились новые. Это были представители революционных организаций, примкнувших к Интернационалу, которые приезжали в Лондон для переговоров с Марксом, желая получить у него совет и помощь. Таким образом, дом Маркса все больше и больше становился центром международного рабочего движения и оставался им до конца.

Маркс придавал особое значение привлечению в свой дом молодых революционеров. Он учил и воспитывал их для того, чтобы подготовить кадры, способные создавать национальные рабочие организации и руководить ими на основе революционной марксистской теории. Среди тех, кто имел счастье быть в числе его учеников, был молодой французский представитель в Генеральном совете врач Поль Лафарг, будущий зять Женни и один из лучших руководителей французских социалистов накануне первой мировой войны.

Уже в первые годы своего существования I Интернационал пользовался огромным влиянием и приобрел международное значение. Карл Маркс поддерживал рабочих разных стран в их борьбе и помогал им укреплять свои национальные организации.

Решающим и важнейшим достижением I Интернационала было то, что под его руководством и по его инициативе в промышленных странах Европы была заложена основа для организации будущих партий рабочего класса, борющихся под знаменем марксизма и было окончательно подорвано влияние разрозненных домарксистских группировок.

Другой заслугой Интернационала была организация международной солидарности, благодаря которой рабочие сумели добиться победы во время крупных забастовок в Бельгии, Англии и в других странах.

Таким образом, рабочие научились понимать, что они станут могучей силой, если, минуя государственные границы, по-братски протянут друг другу руки и будут действовать сообща.

Первый конгресс Международного товарищества рабочих был триумфом учения Маркса. Его решения еще и сегодня имеют величайшее значение для международного рабочего движения. В частности, он выдвинул требование о восьмичасовом рабочем дне и провозгласил право женщины на труд и социальное обеспечение. Приняв это решение, Интернационал становился во главе борьбы за раскрепощение женщин.

Женни, которая с величайшим вниманием следила за работой конгресса, как и за всеми событиями международного рабочего движения, была удовлетворена его результатами и особенно решениями, связанными с положением женщин.

Женни Маркс не была «феминисткой». Она не могла ею быть, потому что была марксисткой и знала, что женщина может быть раскрепощена только в социалистическом обществе. Однако требование о равноправии женщин, выдвинутое еще Союзом коммунистов, она считала само собой разумеющимся. Сама она всегда участвовала в революционном движении как равноправный борец, и ее всегда уважали, как равную.

Подъем рабочего движения, как и перемены в жизни ее мужа, доставляли Женни Маркс большое удовлетво-

рение. Как любящая жена она радовалась тому, что ее муж, которого так долго преследовали клеветой и пытались игнорировать, наконец снова получил возможность широко заниматься политической деятельностью и все больше становился признанным вождем международного пролетарского движения, о котором рабочие всех стран говорили с гордостью и любовью. Как коммунистку и соратницу своего мужа ее глубоко радовало, что рабочий класс начал вести свою борьбу на основе марксистской теории и благодаря этому становился международной силой.

Но и эти годы были полны трудностей. Напряженная политическая деятельность, которую Маркс должен был вести наряду с работой над своим большим научным трудом, не позволяла ему заняться какой бы то ни было работой ради денег. В результате новые материальные затруднения обрушились на семью. Это было особенно мучительно, потому что обширная общественная деятельность была связана с увеличением расходов. Но это была не единственная и не самая большая забота, тяготившая Женни. Значительно сильнее, чем финансовые затруднения, ее мучил постоянный страх за здоровье мужа.

Физическое состояние Маркса заметно ухудшилось. Даже такой здоровый организм, какой был у него, не мог долго нести нагрузку, которую он взял на себя. Он не раз был опасно болен, и его жена проводила дни и ночи у его постели, терзаемая страхом и беспокойством.

Женни сама была тяжело больна. Ее здоровье было ослаблено переживаниями и лишениями минувших лет, но больше всего силы этого крепкого и стойкого борца были подорваны тяжелой борьбой против гнусной клеветы, которую выливала на ее мужа свора международных реакционеров. И если Женни опасалась за здоровье своего мужа, то Карла Маркса, который был нежным и верным супругом, в течение этих лет также часто одолевали тревоги и тайные опасения за свою спутницу жизни. Он прекрасно знал и неоднократно говорил своему другу Энгельсу, что Женни, которая сидела дома и была вынуждена бороться с мелкими житейскими невзгодами, тяжелее, чем он, страдала от различных тягот в суровые годы их жизни. Он понимал, что она принесла

большие жертвы не только делу рабочего класса, но и лично ему. В тяжелые годы ее болезни он отплатил ей за это самой нежной любовью, вниманием и заботой.

Вряд ли кто-нибудь из числа революционных соратников и друзей, бывавших в доме Маркса, замечал, как сильно страдала Женни именно в то время. Она, как всегда, была на своем посту и справлялась с теми большими задачами, которые возлагались на нее в связи с международной революционной деятельностью ее супруга. Хотя старшие дочери уже усердно помогали отцу в его работе, Женни, более тридцати лет боровшаяся бок о бок со своим мужем, продолжала оставаться его лучшим товарищем и самой надежной опорой.

Она не только выполняла задания своего мужа, но и сама была опытным, умным, испытанным в боях политическим деятелем; каждому было интересно побеседовать с ней, потому что она принимала самое деятельное участие в работе различных организаций всего мира, примкнувших к Интернационалу. Однако не только это, но и сердечность, с какой она защищала дело угнетенных и боролась за социалистическое будущее, способствовали тому, что она приобрела много друзей среди участников Интернационала.

Эта внушающая к себе уважение, по-матерински ласковая женщина, с лицом, отмеченным печатью страданий, но все еще прекрасным, занимала среди руководящих работников Интернационала такое же почетное место, какое некогда принадлежало в Союзе коммунистов молодой, цветущей Женни. Вынужденные вести зачастую весьма сложные переговоры, Маркс и Энгельс не могли желать себе в этих случаях лучшего помощника, чем она.

Женни непосредственно участвовала в различных мероприятиях Интернационала. С особенной теплотой она поддерживала ирландских борцов за свободу. Вместе с дочерьми она помогала Интернационалу организовать движение солидарности с ирландским народом, который грабили и терзали английские капиталисты. Она сама перевела на французский язык часть стихотворений томившегося в тюрьме ирландского поэта О'Донован-Росса.

Полная новых надежд, она еще больше, чем в прежние годы, мыслями уносилась на родину. В 50-х годах

Германия пошла по пути усиленного развития капитализма и превратилась из аграрной страны в страну промышленную. После революции 1848 года немецкий рабочий класс заметно окреп, однако рабочие, которые в большинстве своем еще работали в кустарной промышленности или батрачили в деревнях, шли за либеральной буржуазией. Буржуазия повсюду создавала рабочие объединения и просветительные организации промышленных рабочих, стоявшие в стороне от политики, и таким образом сумела помешать рабочим создать свои собственные организации. В одном из таких объединений в Лейпциге с 1860 года работал молодой шорник Август Бебель. Однако под влиянием общественного развития в целом вопросы политики все больше и больше проникали в эти рабочие организации, и классовое самосознание рабочих созревало очень быстро. Уже в начале 60-х годов Маркс и Энгельс настаивали, чтобы в Германии была создана своя собственная революционная рабочая партия. Женни разделяла это мнение двух друзей.

Было крайне необходимо, чтобы немецкий рабочий класс взял в собственные руки защиту своих интересов, потому что развитие капитализма достигло в Германии такого уровня, когда создание немецкого национального государства стало жизненной необходимостью.

С еще большей силой, чем в 1848—1849 годах, возобновилась борьба за единство Германии, без которого и буржуазия не могла больше существовать. Но предстояло решить вопрос: будет ли это единство достигнуто революционным путем и на демократической основе или же в результате династических войн будет создана милитаристская Германия под главенством Пруссии?

Немецкая буржуазия еще в 1848 году доказала, что, страшась пролетариата, она не хочет революции. Поэтому народная революция была возможна только под руководством немецкого рабочего класса, но для того чтобы бороться, он должен был иметь собственную революционную партию. На немецкий рабочий класс легла большая ответственность. Женни, точно так же как Маркс и Энгельс, с особым вниманием следила в эти годы за развитием немецкого рабочего движения и горячо желала, чтобы в Германии была создана революционная марксистская партия.

Но первая марксистская революционная партия была основана лишь в конце 60-х годов, когда усилиями Бебеля под его руководством и руководством его друга и соратника Либкнехта была создана Социал-демократическая рабочая партия Германии.

До этого по настоянию передовых рабочих под председательством Фердинанда Лассаля уже была создана организация рабочих, освободившаяся от влияния либеральной буржуазии. Но Маркс и Энгельс считали существование этой организации бедствием для немецкого рабочего класса, потому что Лассаль был реформистом и к тому же сектантом с чрезвычайно путаными политическими взглядами. Он выступал за создание единого государства под главенством Пруссии и не постеснялся вступить в переговоры с Бисмарком.

Действительно, основанная им организация разожгла в рядах немецкого рабочего класса многолетние братоубийственные распри.

Женни тоже не радовало создание «Всеобщего германского рабочего союза». Она знала Лассаля так же хорошо, как и Маркс, будучи много лет с ним знакома, и, несмотря на то, что Лассаль восхищался ею как женщиной, она в нем никогда не ошибалась. Еще летом 1862 года он продолжительное время находился в Лондоне, где не только Маркс, но и Женни почти каждый день вели с ним горячие споры. Поэтому она знала как его теоретическое верхоглядство и сумасбродные фантазии в области политики, так и его эгоистическое честолюбие, бесцеремонность и заносчивость. Она решительно осуждала его переговоры с Бисмарком. Свое глубокое возмущение его предательским поведением она выразила в одном из писем к Энгельсу:

«Самое смешное и раздражающее во всей этой истории — выслушивать от таких людей, как Рейше, что «Лассаль тоже с уважением отзывался о Марксе». Лассаль, который списывал у моего мужа все, даже его mistakes (ошибки), который в течение 15 лет был его другом и учеником,— он, видите ли, тоже с уважением отзывался о нем. И свидетельство о благосклонном отношении дают люди, которые лишь за последние два года подружились с Л[ассалем], в период, когда он уже стал на скверный путь, приведший его в лагерь Бисмарка...» [2]

Еще более презрительно она отзывалась о последователях Лассаля в руководстве «Всеобщего германского рабочего союза», которые были не только подкуплены Бисмарком, но и сотрудничали с полицией. Женни охарактеризовала их Энгельсу коротко и метко как «подонки общества».

Когда дело касалось единства и революционной чистоты немецкого рабочего движения, Женни всегда твердо стояла на стороне своего мужа и их общего друга.

Бебель не вступил в союз, организованный Лассалем. Он выступал за объединение Германии на демократической основе и самым решительным образом осуждал политику Лассаля.

Так в немецком рабочем движении возникло два направления: с одной стороны — лассальянцы, с другой — союзы, руководимые Бебелем и Либкнехтом, из которых возникла марксистская немецкая рабочая партия.

В середине 60-х годов, после окончания войны с Данией в 1864 году и войны между Пруссией и Австрией в 1866 году, обстановка в Германии стала все больше обостряться, и хотя рабочие еще не имели руководящей марксистской партии, они явно все больше проникались революционным духом. Рабочие Саксонии, следовавшие за Бебелем и Либкнехтом, первыми выдвинули требование о единой германской республике, и чем решительнее были речи ораторов на многолюдных рабочих собраниях, тем оглушительнее были овации, которыми их встречали. «Все стремились к перемене,— пишет Август Бебель в своих мемуарах.— Но отсутствие руководящего центра, который пользовался бы доверием, и сильной организации, которая сплотила бы все силы, мешали отлиться этому настроению в определенные формы. Здоровое по существу движение это не привело ни к каким реальным результатам» [3].

Однако Маркс и Энгельс терпеливо помогали немецким рабочим. Август Бебель, ставший марксистом, в 1866 году вступил в Интернационал. В 1867 году он был избран председателем Объединения немецких рабочих союзов, а в 1868 году под его влиянием на Нюрнбергском съезде этого объединения организация отмежевалась от либералов и приняла решение о присоединении к I Интернационалу.

Таким образом, в 1869 году в Эйзенахе наконец была основана Социал-демократическая рабочая партия Германии, которая присоединилась к I Интернационалу.

Создание революционной немецкой рабочей партии было большим успехом немецкого и международного рабочего класса. До нас не дошли письменные высказывания Женни по поводу этого события, но есть основания полагать, что она с величайшим интересом следила за подготовкой к съезду партии в Эйзенахе и горячо приветствовала его решения.

За два года до этого она испытала другую, еще более глубокую радость.

Между январем 1866 года и февралем 1867 года Маркс закончил работу над I томом «Капитала» в его классической редакции. Эта работа потребовала от него нового огромного напряжения сил, потому что эти месяцы были омрачены продолжительной болезнью, едва не стоившей ему жизни, а также новыми денежными затруднениями и массой новых долгов, которые, как он писал Энгельсу, «почти раздавили ему мозг». Но когда работа была закончена, Маркс почувствовал себя так, как будто с него свалился тяжелый груз. Он отправился в Ганновер, чтобы оттуда следить за изданием своего труда, печатавшегося в Гамбурге.

Там, радушно принятый ганноверским марксистом и отличным врачом — доктором Кугельманом и его семьей, Маркс провел несколько недель, которые он причислял к «прекраснейшим и самым отрадным оазисам в жизненной пустыне».

«Я надеюсь и глубоко уверен,— писал он оттуда Фридриху Энгельсу,— что через год я уже настолько завоюю себе положение, что смогу в корне реформировать свое экономическое положение и стать наконец на собственные ноги. Без тебя я никогда не мог бы довести до конца этого сочинения и — уверяю тебя — мою совесть постоянно, точно кошмар, давила мысль, что ты тратишь свои исключительные способности на торговлю и даешь им ржаветь главным образом из-за меня и into the bargain * еще должен переживать вместе со мною все мои petites misères» ** [4].

---

* В придачу.

** Маленькие неприятности.

Нам неизвестно, о чем писал Маркс в течение этих недель своей жене, но можно не сомневаться в том, что он посылал ей, так же как и своему другу, выражения своей искренней благодарности.

Значение Женни для дела всей его жизни он выразил словами, полными глубокого трагизма, когда писал своему другу вскоре после ее кончины, что смерть жены сделала из него морального калеку.

ВОЙНА

Самым славным периодом деятельности I Интернационала были 1870 и 1871 годы.

В середине июля 1870 года вспыхнула франко-прусская война. Когда сообщение о начале военных действий достигло Лондона, Женни занималась устройством дома, в котором должны были поселиться Энгельс и его жена.

Император Наполеон III был самым лютым врагом единства Германии, и войну между Германией и Францией ожидали уже в течение нескольких лет. Поэтому она не была неожиданностью.

Однако это событие очень взволновало Женни, и это не удивительно, ведь одной из воюющих стран была ее родина, боровшаяся за свое национальное существование, а другой — Франция, особенно близкая ее сердцу.

Наступил исторический момент, когда рабочий класс впервые мог и должен был выступить как самостоятельная сила на международной арене. I Интернационал не только не рухнул, но и показал в течение этих двух тяжелых лет всему миру свою огромную силу.

Не прошло и недели с момента начала войны, когда Женни уже читала воззвание Генерального совета о франко-прусской войне, написанное ее мужем. Карл Маркс клеймил в нем поджигательскую политику французского императора, направленную против единства Германии, а также резко осуждал политику Бисмарка, который не останавливался перед тайным сговором с Наполеоном III и даже обещал ему в 1866 году часть немецкой территории, стремясь такой ценой обеспечить Пруссии ведущую роль в Германии.

«Для Германии война эта является оборонительной.

Но кто привел Германию в положение необходимости обороняться? Кто дал возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии? *Пруссия!* Не кто иной, как Бисмарк, вступил в заговор с этим самым Луи Бонапартом в надежде подавить внутри Пруссии демократическую оппозицию и закрепить Германию за династией Гогенцоллернов...

Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа,— тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны» [1].

Женни уже раньше читала обращения, опубликованные французскими и немецкими рабочими. Поэтому она знала, что рабочие организации обеих стран верны Интернационалу. Эти воззвания еще и сегодня глубоко нас волнуют.

12 июля, незадолго до того как Наполеон III объявил войну, французские рабочие опубликовали следующий манифест:

«Снова политическое честолюбие, под предлогом европейского равновесия и защиты национальной чести, грозит всеобщему миру. Французские, немецкие и испанские рабочие! Соединим свои голоса в один общий крик возмущения против войны!.. Война из-за вопроса о преобладании или война в интересах какой-нибудь династии не может в глазах рабочих быть чем-нибудь иным, кроме преступного безумия. Мы — те, кто хочет мира, работы и свободы,— мы громко протестуем против воинственных кличей тех, кто может откупиться от «налога крови» и для кого общественное несчастье служит источником новой спекуляции!.. Братья в Германии! Вражда между нами, французскими и немецкими рабочими, имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обеим сторонам Рейна... Рабочие всех стран! Каковы бы ни были в данный момент результаты наших общих усилий, мы, члены Международного Товарищества Рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, мы шлем вам, как залог неразрывной солидарности, добрые пожелания и привет от рабочих Франции» [2].

Французские рабочие, верные Интернационалу, поддержали это заявление мощными мирными демонстра-

циями, во время которых не один из них поплатился своей жизнью. Однако объявлению войны они помешать не могли.

В этой войне, которая вначале была справедлива, а после свержения Наполеона III превратилась в несправедливую захватническую войну против Французской республики, немецкие рабочие несли тяжелые кровавые жертвы, в то время как их жены дома голодали. Но немецкие революционные рабочие не поддерживали шовинистическую травлю милитаристов, а следовали указаниям Интернационала.

Руководство социал-демократической рабочей партии, так называемый «Брауншвейгский комитет», опубликовало манифест, в котором говорилось:

«С глубокой печалью и болью мы видим себя вынужденными принять участие в оборонительной войне, как в неизбежном зле; но в то же время мы призываем весь рабочий класс Германии сделать невозможным повторение столь ужасного социального несчастья, добиваясь при этом для народов власти самим решать вопрос о мире и делая таким образом народы господами своей собственной судьбы» [3].

В Хемнице собрание уполномоченных, представлявших 50 тысяч рабочих, единогласно приняло следующую резолюцию:

«С радостью пожимаем мы братскую руку, протянутую нам французскими рабочими. Памятуя лозунг Международного Товарищества Рабочих: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»,* мы никогда не забудем, что рабочие *всех* стран — наши *друзья,* а деспоты *всех* стран — наши *враги»* [4].

Поэтому Маркс мог закончить свое воззвание прекрасными и гордыми словами:

«В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу друг с другом, рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин —

труд! Предвозвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих»[5].

Женни тоже твердо была уверена в том, что дело ее мужа бессмертно и что это еще раз было доказано в этот серьезный час. Будущее принадлежало международному рабочему классу.

Женни с величайшим интересом следила за политическими и военными событиями. Об этом свидетельствуют некоторые письма, которые она посылала Энгельсу в первые недели войны, частично из Лондона, частично из Ремсгейта, где она с семьей в течение непродолжительного времени отдыхала на побережье. Она очень здраво оценивала создавшееся положение и вела себя как настоящая патриотка и интернационалистка. Ее письма говорят о глубоком отвращении к наполеоновскому режиму, с подлостью которого она познакомилась еще в тот период, когда подкупленный Наполеоном III провокатор Карл Фогт бесстыдно оклеветал ее мужа. С возмущением говорила она о самоуверенности и наглости, с какой бонапартистская Франция вмешивалась в дела Германии, о преступном легкомыслии, с которым Наполеон III и его клика поставили Францию в опасное положение.

Ее дочь Лаура жила во Франции и присылала ей французские газеты, которые Женни затем пересылала Энгельсу. Таким образом, она была подробно информирована о том кровавом терроре, который Наполеон обрушил на французских рабочих и патриотов, о том чудовищном взяточничестве и разложении, которые разъедали армию и государственный аппарат.

В лице Наполеона III и императрицы Евгении она видела не только врагов Германии и бич Европы, но также врагов самой французской нации. Но она ни на минуту не заблуждалась ни относительно характера прусско-германской военной клики, ни относительно шовинизма немецкой буржуазии, которая, убедившись вскоре после начала войны в бессилии Наполеона, начала нагло требовать ограбления Франции и аннексии Эльзас-Лотарингии.

Карл и Женни предвидели поражение наполеоновского режима и горячо желали этого.

Это случилось скоро. Уже через шесть недель после начала войны император Наполеон III вместе со своей

армией капитулировал у Седана. Франция была провозглашена республикой. Маркс тотчас же обратился к своим немецким товарищам с новым воззванием Интернационала. Он призывал их выступить за почетный мир, против выдвинутого немецкими националистами требования об аннексии Эльзас-Лотарингии.

Но теперь очень скоро стало очевидным то, что предсказывал Маркс и чего опасалась Женни: прусская военная камарилья стала строить свою внутреннюю политику на подавлении революционных сил, а основной целью внешней политики сделала агрессию. Она жестоко расправлялась с немецкими рабочими, которые, следуя призыву Интернационала, требовали почетного мира без аннексий.

Друзья получили в Лондоне известие о том, что члены Брауншвейгского комитета арестованы, закованы в цепи и отправлены в прусскую крепость Летцен и что немецкая реакция продолжает бросать в тюрьмы рабочих, распространявших воззвание комитета. Бебель и Либкнехт тоже были арестованы за то, что они мужественно протестовали в северогерманском рейхстаге против захватнических планов Бисмарка и голосовали против военных кредитов. Хотя эти тревожные вести сильно волновали и огорчали Женни, еще сильнее была ее радость и гордость при мысли о мужественных выступлениях немецких революционных рабочих и их вождей.

Бои продолжались. Немецкие войска во Франции продвигались вперед, и Женни, которая прежде так возмущалась наполеоновским хозяйничаньем, теперь с глубокой болью ежедневно узнавала о тяжелых страданиях, которые причинял французскому народу выпущенный на свободу злой дух войны. Французские рабочие и крестьяне организовали оборону страны. Но французская буржуазия предала их, сдавая Пруссии одну позицию за другой, потому что своих рабочих она боялась больше, чем пруссаков. Таким образом, немецкие войска неудержимо двигались на Париж, и начиная с 19 сентября 1870 года город был окружен и обречен на все ужасы осады. Это был город, к которому Женни была особенно сильно привязана, и ее мысли, полные глубокой скорби, были с парижскими рабочими, с их женами и детьми, которым она глубоко сочувствовала. Мужественные трудящиеся Парижа в течение пяти месяцев обороняли го-

род от армии Бисмарка. Они перенесли ужасные страдания, особенно в последние недели осады, когда в Париже начался страшный голод. Наконец, французское правительство предало также и Париж, который был вынужден капитулировать 20 января 1871 года. Страх Бисмарка перед вооруженными рабочими Парижа был настолько велик, что он не осмелился занять город. Французское правительство, правительство национального предательства, совершило то, на что у Бисмарка не хватило мужества. Оно попыталось разоружить парижских рабочих, чтобы вновь укрепить во всей Франции пошатнувшееся господство буржуазии.

Тогда свершилось нечто неслыханное и грандиозное, произошло событие, за которым все человечество следило, затаив дыхание. Рабочие Парижа восстали — на глазах у прусских оккупационных войск и реакционного французского правительства, продолжавшего в Версале, по соседству с Парижем, свою предательскую игру. Они изгнали буржуазию, захватили государственную власть и установили диктатуру пролетариата. Это была первая в мире пролетарская революция.

КОММУНАРЫ

Как только известие о героическом подвиге парижских рабочих достигло Лондона, в доме Маркса началась напряженная работа. Маркс и Энгельс делали все возможное, чтобы помочь коммунарам и оказать им действенную поддержку силами Интернационала. Они выступали, вели переговоры, призывали рабочих всего мира выполнить свой долг интернациональной солидарности по отношению к Коммуне. Один только Маркс, как он сам позднее рассказывал, написал несколько сот личных писем во все страны света, с тем чтобы добиться активной помощи коммунарам. Он выступал также в английской печати с целью распространения правды о борьбе парижских рабочих. Это было необходимо, потому что едва лишь стало известно о провозглашении Коммуны, как вся свора международной реакции обрушилась на парижский пролетариат, распространяя по его адресу самую страшную клевету.

Революционные рабочие последовали призыву Маркса и Интернационала. Со всех сторон поступали заяв-

ления о солидарности, отовсюду в Париж устремлялись русские, поляки, итальянцы, американцы и представители других наций, чтобы сражаться за Коммуну и, если нужно, умереть за нее. Проникнутая духом пролетарского интернационализма, Коммуна принимала их братскую помощь. Представители международного рабочего класса занимали ведущие посты в Коммуне. Два сына польского народа руководили обороной города, и один из них, Ярослав Домбровский, погиб в боях с версальскими войсками. Министром труда во время Коммуны был венгр из Германии Лео Френкель.

Женни Маркс было тогда уже 57 лет, она была нездорова, но беспримерные события, происходившие в Париже и ставшие делом рабочего класса всего мира, заставили ее еще раз собраться с силами и целиком отдаться делу революционного движения. Она восхищалась борцами Парижской коммуны и с горячим участием следила за великой классовой битвой парижских рабочих.

В речи, произнесенной у ее могилы, Фридрих Энгельс напомнил о той помощи, которую она оказывала коммунарам, и в первую очередь вдовам и сиротам павших борцов, когда Коммуна была разгромлена.

Через одного коммерсанта, часто ездившего из Лондона в Париж, Маркс поддерживал постоянную связь с Коммуной и помогал коммунарам личными советами. Таким образом, в семье Маркса были подробно осведомлены о боях и о развитии политических событий в Париже, и на протяжении этих недель в доме не было других тем для обсуждения.

Подобно своему мужу и Энгельсу, Женни не знала покоя и была целиком занята организацией помощи коммунарам.

И днем, и бессонными ночами она с трепетом ждала известий от сражающихся товарищей. Многих героев-коммунаров она знала по совместной работе с ними, и высоко их ценила; некоторые из них бывали у нее дома, с иными она была связана личной дружбой, как, например, с неукротимым Флурансом, который проявил себя способным командиром: во время одной смелой вылазки он был взят в плен версальскими войсками и убит. Ее зять отличился, работая в качестве уполномоченного Коммуны в Бордо; Шарль Лонге, друг, а затем муж ее

дочери Женни, был руководящим деятелем Коммуны в Париже.

Но, отдавая все силы революционной борьбе, Женни руководствовалась не столько личными чувствами и симпатиями, сколько сознанием того, что парижские рабочие впервые в истории взяли управление государством в собственные руки и пытались заложить основы для новой жизни.

В Совет Парижской коммуны входили почти исключительно рабочие или всеми признанные их представители, но они не были марксистами, и хотя многие из них входили в Интернационал, большинство поддерживало склонного к заговорщической тактике Бланки и мелкобуржуазного анархиста Прудона.

Но все они сознавали свои классовые интересы, были преданы революции и боролись за ее победу. За исключением отдельных ошибочных решений, они делали то, чего требовала от них обстановка, делали то, чему учил их Маркс и Интернационал. Со времени Коммуны марксизм начал завоевывать ведущие позиции во французском рабочем движении.

За 72 дня Парижской коммуны французские рабочие добились таких невиданных успехов, которые и поныне еще имеют большое значение для борьбы рабочего класса.

За короткое время своего существования Парижская коммуна, вынужденная отдавать свои основные силы делу обороны, издала много законов, в корне изменявших условия жизни масс. Это были первые законы, направленные на благо рабочих, их жен и детей.

Наряду с другими постановлениями, она приняла декреты о восьмичасовом рабочем дне, о возобновлении производства на предприятиях бежавших фабрикантов, о создании кооперативных товариществ для рабочих. Она приняла закон о всеобщем обязательном обучении и повышении жалованья учителям, создала профессиональные школы и ввела для мужчин и женщин одинаковую заработную плату за одинаковый труд. Коммуна разработала даже планы организации яслей и детских садов для детей работниц.

Но самым важным было то, что коммунары заменили старую буржуазную государственную машину новым,

подлинно демократическим правительством, которое дало возможность всем трудящимся участвовать в управлении государством, в решении вопросов, имеющих важное значение для жизни народа. Она заложила основу системы Советов, которая позднее достигла своего полного развития и совершенства в Советском государстве.

Коммуна ликвидировала чиновничью и судебную бюрократию, которая порабощала народ в интересах имущих классов, она возложила на тысячи рабочих различные ответственные обязанности. Впервые женщины стали также занимать государственные посты. Они совершили много выдающихся подвигов; вечно будет жить память о Луизе Мишель, видном деятеле Коммуны. Ее героический образ, ее пламенное сердце стали символом Парижской коммуны. Рядом с ней стояли другие высокообразованные женщины, такие, как Андре Лео, организовавшая систему народного образования, энергичные женщины из народа, как Викторина Руши, которая ухаживала за ранеными и заботилась о детях, потерявших родителей; женщины, боровшиеся на баррикадах, как Маргарита Лашез, одна из 20 женщин, приговоренных классовым судом к смертной казни.

Но отличились не только отдельные женщины; десятки тысяч парижанок горячо и самоотверженно боролись за свое новое государство, а когда наступила последняя схватка, десятки тысяч женщин бросались в бой против версальской военщины и тысячи из них пали геройской смертью.

Коммуна впервые показала народу Парижа и всем рабочим, как выглядит новое общество, основанное на мире и братстве, о котором они мечтали в своих убогих жилищах и за тяжелой работой на фабриках и шахтах и во имя которого они так часто проливали свою кровь.

«Что за день! Ласковое яркое солнце золотит жерла пушек; благоухание цветов, шелест знамен, рокот революции, которая течет спокойная и величавая, как голубая река». Так описывал переживания народа после выборов Ж. Валлес, член Совета Коммуны. «Этот трепет, этот свет, звуки медных труб, блеск бронзы, вспышки надежд, аромат славы,— есть от чего победоносной республиканской армии преисполниться гордостью и радостью...

Горнисты, трубите к выступлению! Барабаны, бейте в поход!

Обними меня, товарищ: в твоих волосах седина, как и у меня! И ты, малыш, играющий за баррикадой, подойди — я поцелую тебя.

День 18 марта раскрыл перед тобой прекрасное будущее, мой мальчик. Ты мог бы, подобно нам, расти во мраке, шлепать по грязи, барахтаться в крови, задыхаться от стыда, переносить несказанные муки бесчестия.

С этим покончено!» [1]

Но, несмотря на предостережения Маркса, рабочие допустили ряд роковых ошибок.

Одной из величайших ошибок было то, что они не взяли в свои руки Французский банк, который был в их власти со всеми своими богатствами. Еще тяжелее им пришлось расплачиваться за то, что они не только не проявили никакой бдительности по отношению к бесчисленным агентам и провокаторам, которых версальское правительство постоянно к ним засылало, но допустили, чтобы тысячи из них, совершив свое грязное дело, возвратились в Версаль.

Великие победы коммунаров привели в содрогание международную реакцию, охваченную бешенством и страхом. Но чем больше реакция неистовствовала и обливала грязью борющихся парижских рабочих, тем теснее сплачивался вокруг них международный рабочий класс.

Немецкие социал-демократы также поддерживали своих французских братьев, и Бебель, освобожденный в мае из тюрьмы, бросил в лицо германскому рейхстагу следующие пророческие слова:

«Будьте твердо уверены, что взоры всего европейского пролетариата и всех, кто сохранил в сердце стремление к свободе и независимости, обращены к Парижу... и хотя Париж в настоящее время подавлен, я напоминаю вам, что бои в Париже являются лишь малой битвой передового отряда, что главное в Европе еще впереди и что не пройдет и нескольких десятков лет, как боевой клич парижского пролетариата «Мир хижинам, война дворцам, смерть нужде и праздности» станет боевым призывом всего европейского пролетариата» [2].

Он был прав! Славная партия большевиков, под руководством Ленина вновь поднявшая знамя Коммуны,

изгнала кровопийц и эксплуататоров и установила победоносно и навсегда власть рабочих и крестьян.

Французское правительство, просидевшее в Версале в течение всего времени существования Коммуны, обрушило на коммунаров все ужасы террора и все свое коварство. Оно засылало провокаторов и убийц, подстрекало к нападениям на деятелей Коммуны, учиняло массовые расстрелы заложников и беспощадно обстреливало дома рабочих.

Женни Маркс с одинаковым возмущением клеймила гнусности версальского правительства и ту поддержку, которую Бисмарк оказывал ему в борьбе против коммунаров.

В письме к ганноверскому врачу, доктору Кугельману, другу ее мужа, она страстно защищает Коммуну:

«Для меня совершенно невыносима необходимость спокойно сидеть, в то время как самых храбрых и лучших убивают по приказу этого кровожадного клоуна Тьера, того самого Тьера, которому с его бандами наемных убийц из-за угла никогда бы не удалось одержать победу над упорно сопротивляющимися парижскими гражданами, если бы он не нашел помощи у своих прусских союзников, которые очень довольны собой, взяв на себя роль полицейских. Даже лондонская печать, которая, не изменяя своей почтенной миссии, делала все возможное, чтобы оклеветать парижских пролетариев, вынуждена теперь признать, что никогда борьба во имя идеи не проводилась с такой отвагой и смелостью... Большое число наших друзей участвует в Коммуне. Некоторые уже пали жертвами версальских палачей. Гюстав Флуранс также был убит. Он погиб не в бою, как сообщает печать. Один шпион указал жандармам дом, в котором находился его штаб, тогда дом окружили, а его убили.

Я вспоминаю, что прошел всего лишь год, как мы с ним ходили в Хэмпстед и рассуждали о том, что ждет ирландских заключенных. Те письма О'Донован-Росса, которые я не перевела, перевел Флуранс.

Мне еще слышится его голос, когда он говорит: «Я обещаю Вам сделать для О'Д. Росса все». Он был готов отдать свою жизнь за освобождение фениев.

Ваша Женни Маркс» [3].

Несмотря на невиданный героизм рабочих, Коммуна пала под ударами сил реакции. Коммунары боролись до конца и продолжали еще защищаться в течение восьми дней, когда реакционные войска уже были в городе. Мужчины, женщины, старики и дети защищали улицу за улицей, дом за домом. Небольшая героическая группа этих отважных защитников Парижа держалась в течение целого дня против огромных превосходящих сил противника на кладбище Пер Лашез. Вечером последние оставшиеся в живых были расстреляны у стены кладбища. Эту стену с тех пор называют «Стеной коммунаров», и парижские рабочие и поныне каждый год устраивают торжественное шествие к этому памятному месту.

Ужасной была месть буржуазии после падения Коммуны. Она учинила такую страшную кровавую расправу, какой мир, вероятно, никогда раньше не видел. 30 тысяч мужчин, женщин и детей были уничтожены в боях или расстреляны тотчас же после их окончания. Они умирали, как герои, со словами на устах «Да здравствует Коммуна!» 45 тысяч человек были брошены в тюрьмы. Многие из них были затем приговорены к смертной казни, остальных осудили на длительное тюремное заключение или изгнание.

Память о парижских коммунарах будет вечно жить в сердцах рабочих и всех миролюбивых людей всего мира.

После падения Коммуны преследованиям подверглись также ее сторонники и друзья во всех странах. Ненависть международной реакции была направлена прежде всего против I Интернационала и его вождя Карла Маркса. Но он упорно продолжал борьбу.

Бисмарк пытался организовать конференцию правительств европейских стран, направленную против Интернационала, и издал приказ об аресте Карла Маркса, в случае если он ступит на немецкую землю. Испанское правительство добивалось запрещения деятельности Генерального совета в Англии. Но на стороне Карла Маркса и Интернационала были большие силы. Через два дня после падения Коммуны великий вождь рабочего класса зачитал Генеральному совету произведение, в котором указывалось на историческое значение Коммуны. Весь Генеральный совет утвердил его. Этот замечательный, потрясающий труд, известный ныне под на-

званием «Гражданская война во Франции», стал настольной книгой рабочего класса.

Падение Коммуны и зверская жестокость буржуазии, уничтожавшей лучших представителей французского народа, причиняли Женни Маркс невыразимые страдания. Печальные дни, последовавшие за победой версальцев, принадлежат к числу самых тяжелых дней в ее жизни. Поражение мужественных парижских рабочих и ужас, вызванный сообщениями о злодеяниях буржуазии, заставили ее забыть собственные невзгоды. В это время ее зять едва спасся от палачей реакции и бежал со своей семьей на испанскую границу. Лишь по требованию ее и Маркса он уехал в Испанию, что спасло его от мести победителей. Но жену и детей он не мог взять с собой, и Лаура с ребенком, который был при смерти, остались во Франции, где свирепствовал террор и где они каждый день подвергались опасности стать жертвами самой жестокой расправы, поскольку они были членами семьи Маркса. Шарлю Лонге тоже угрожала опасность, и он лишь с трудом ушел от рук палачей.

Преодолевая глубокую душевную скорбь, Женни совершала мужественные и самоотверженные дела. Она знала, что коммунары боролись не напрасно. Несмотря на свое поражение, они одержали победу, чрезвычайно важную для рабочего класса всего мира. Эта победа в будущем принесла богатые плоды.

Когда Международное Товарищество Рабочих создало Комитет солидарности с жертвами террора, Женни Маркс была одним из самых деятельных его членов в деле организации помощи пострадавшим.

Она была лучшим помощником и другом многих участников Коммуны, бежавших в Лондон. Со стойкостью настоящего борца и с материнской любовью она защищала интересы жен и детей коммунаров и помогала им устроиться на чужбине. Ее дом всегда был для них открыт и служил им убежищем и родным кровом, где они начинали новую жизнь и новую борьбу. Среди беженцев был Шарль Лонге, который вскоре после своего прибытия женился на старшей дочери Карла и Женни Маркс. Поль и Лаура Лафарг, наконец, тоже прибыли в Лондон. В течение этих страшных месяцев они потеряли обоих детей. О поражении Коммуны Женни скорбела больше, чем о собственных невзгодах.

ГОДЫ ЗАТИШЬЯ

Годы, последовавшие за бурными днями Парижской коммуны, протекали для семьи Маркса более счастливо и беззаботно, чем предыдущие десятилетия их жизни.

Казалось, что Женни Маркс суждено провести спокойную старость в кругу семьи.

Осенью 1870 года в Лондон приехали Энгельс и его жена Лиззи Бернс. Они жили совсем близко от семьи Маркса, в доме, который с такой любовью и вниманием Женни приготовила к их приезду. Таким образом, друзья наконец снова были вместе и виделись ежедневно.

Клара Цеткин, которая знала Энгельса и была очень дружна с Лафаргами, рассказывает: «Теперь для Маркса и Энгельса началась чудесная пора общих исканий, взаимной помощи, плодотворных совместных исследований и творчества, в обстановке дружеской поддержки и обоюдного одобрения. В течение последующих десяти лет Энгельс ежедневно приходил к Марксу. Иногда друзья отправлялись вместе гулять, иногда оставались дома и шагали взад и вперед по кабинету, каждый по своей стороне, делая крутой поворот на каблуках в углах комнаты. При этом они обсуждали, как рассказывает Элеонора Маркс-Эвелинг, множество таких вопросов, которые и не снятся большинству людей. А нередко они подолгу молча шагали туда и обратно друг подле друга, пока не останавливались и с громким смехом не признавались друг другу, что в течение последнего получаса обдумывали совершенно противоположные планы. Очень часто они вместе работали, постоянно делились своими мыслями, по-братски помогая друг другу в решении научных вопросов» [1].

Оба ученых посвятили себя почти целиком своей научной деятельности. Маркс работал над «Капиталом», великим творением всей его жизни, которое, однако, ему не суждено было завершить. Энгельс, избавившийся наконец от «проклятой коммерции», занимался теперь своей научной работой. Он работал над «Происхождением семьи, частной собственности и государства» и в конце 70-х годов опубликовал свое знаменитое произведение «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», которое принято кратко называть «Анти-Дюринг».

К тому времени период активной, боевой деятельности I Интернационала миновал. Свою главную задачу он выполнил. Во всех странах с развитым рабочим движением были заложены основы для создания революционной марксистской рабочей партии.

Дальнейшая плодотворная деятельность Интернационала в течение ближайшего периода времени была невозможна. Враги рабочего класса, анархисты во главе с Бакуниным, пытались использовать тяжелое положение, создавшееся после разгрома Коммуны, чтобы захватить руководство Интернационалом. Тогда оба вождя международного рабочего класса добились того, что на Гаагском конгрессе, куда Маркс приехал в сопровождении Женни, было принято решение о переносе местопребывания Генерального совета в Америку. Затем Интернационал был распущен, с тем чтобы восстановить его в новых условиях. Восстановление Интернационала произошло в 1889 году на социалистическом конгрессе в Париже. В то время как Карл и Женни уже покоились на Хайгетском кладбище, Энгельс еще в течение шести лет работал во II Интернационале.

Женни радовала совместная жизнь со старыми друзьями, и часто они весело проводили время вместе, как в старые годы. Дом наполнился теплом и весельем не только благодаря присутствию Фридриха Энгельса, но и его жены Лиззи Бернс. По-видимому, в лице этой доброй, смелой в политических вопросах, обладающей живым умом ирландки Женни на склоне лет нашла достойную подругу, разделявшую ее образ мыслей. Как Маркс однажды сам говорил Энгельсу, Женни в минувшие годы лондонского изгнания болезненно ощущала отсутствие такой подруги. В течение некоторого времени обе старшие дочери Женни тоже были с ней. Они поселились в Лондоне со своими мужьями и вместе с ними упорным трудом создавали необходимые условия для своего сурового эмигрантского существования. Женни принимала самое горячее участие в их жизни и помогала им как только могла. Она снова стала бабушкой, и это доставило ей большую радость. Ее старшая дочь родила двоих детей. Первый из них умер, а второй рос и был любимцем бабушки и дедушки.

В январе 1877 года Женни писала своей подруге, г-же Зорге, в Америку:

«10 мая Женни опять родила мальчика, который сначала выглядел очень слабеньким, маленьким и жалким. Теперь у него уже один зубик и его так раскормили, что он стал толстым, крепким, чудесным парнем, на радость всей семье. Когда его привозят в carriage and four *, это значит в семейной perambulator **, все с радостью выбегают ему навстречу... во главе с old granny ***» [2].

Женни наслаждалась этими тихими и размеренными днями, полная внутреннего равновесия, присущего людям, которые обрели покой. Это видно из ее письма семье Зорге, в котором она выражала им свое соболезнование по поводу утраты двух детей в цветущем возрасте.

«Я слишком хорошо знаю, как это тяжело и как много времени требуется, чтобы вернуть после таких потерь душевное равновесие, но на помощь приходит жизнь с ее мелкими радостями и большими заботами, со всеми ее мелкими, повседневными хлопотами и мелочными неприятностями. Серьезная скорбь постепенно заглушается ежедневными мимолетными страданиями, и незаметно для нас наше горе смягчается. Конечно, рана окончательно никогда не заживает, особенно в сердце матери. Но постепенно рождается в душе новая восприимчивость и даже новая чувствительность к новым страданиям и новым радостям и продолжаешь жить с сердцем израненным, но в то же время полным надежды, пока оно, наконец, не остановится и не наступит вечный покой» [3].

В эти годы Женни сотрудничала во «Франкфуртской газете» и под влиянием своего мужа, который был тесно связан с русским революционным движением, внимательно изучала русскую литературу, в которой ее интересовала в первую очередь критика общественных отношений.

Однако главное место в душе шестидесятилетней женщины все еще занимали вопросы, связанные с ее родиной. Большие перемены, происходившие в то время в Германии, не могли не занимать мысли и чувства такого серьезного политического деятеля, каким была Женни.

---

* Экипаже, запряженном четверкой.

** Детской коляске.

*** Старой бабушкой.

Во время франко-прусской войны была создана новая Германская империя. В Версале на короля Пруссии Вильгельма, «картечного принца 1848 года», милостью Бисмарка была возложена императорская корона Германии. Так было установлено единство Германии под руководством прусских милитаристов. То, что оно было проведено сверху, волей «кровавого железного канцлера», было горьким разочарованием для Женни, которая с юных лет мечтала об ином, демократическом решении германского вопроса и принесла многочисленные и тяжелые жертвы, борясь за осуществление этой надежды.

Более того, она слишком хорошо знала, каким путем неизбежно пойдет Германия, руководимая прусскими милитаристами,— путем, на который она уже вступила, осуществив аннексию Эльзас-Лотарингии и ограбив Францию. Подобно своему мужу, Женни видела страшную опасность, которую несла с собой победа агрессивных милитаристских сил в Германии как этой стране, так и всей Европе. Она понимала, что эти силы причинят Германии неизмеримые страдания, вызовут войну, заставят народ проливать горькие слезы и покроют страну несмываемым позором, если немецкому рабочему классу не удастся вовремя одержать над ними победу.

Но она была принципиальной марксисткой и сознательным борцом и понимала необходимость считаться со сложившейся обстановкой. Она соглашалась со своим мужем, который указывал, что объединение Германии создавало для рабочего класса более благоприятные условия для боевого сплочения своих рядов, что это объединение помогало немецким рабочим строить свою революционную партию и развертывать свои силы в борьбе против юнкерско-буржуазной реакции.

Подобно Марксу, она надеялась на то, что немецкий рабочий класс одержит победу над милитаристами и юнкерами прежде, чем им удастся втянуть свою страну и всю Европу в страшную захватническую войну.

В новой политической обстановке Германия переживала мощный экономический подъем. В эти годы страна ее юности со своими убогими, мелочными и отсталыми условиями жизни все больше уходила в область предания. Промышленный капитализм бурно развивался.

В Саксонии появились крупные предприятия текстильной промышленности и все больше усиливалось рабочее движение. Не кто иной, как ткачи из Глаухау-Мерана и Криммитшау избрали в рейхстаг Бебеля, Либкнехта и других руководителей социал-демократии и создали группы социал-демократической партии. Заметно изменились также Берлин и родина Женни — Рейнская провинция.

Маленькие белильни и красильни Вупперталя превратились в крупные предприятия, наряду с текстильной и мелкой металлургической индустрией на Рейне все больше разрасталась мощная тяжелая промышленность. Рурская область стала превращаться в центр тяжелой индустрии, где подымались вверх все новые фабричные трубы и шахтные сооружения.

Здесь, как некогда в Англии, как грибы после дождя возникали унылые рабочие поселки. Все отчетливее воцарялась в Германии эра господства Штуммов, Круппов, Тиссенов и Маннесманов вместе с крупными банками, юнкерами и военщиной.

Рабочее движение росло не только в Саксонии, оно начало крепнуть в Германии повсюду, и начиная с 1870 года Бисмарк считал его своим главным врагом.

В 1872 году Либкнехт и Бебель предстали в Лейпциге перед судом по обвинению в государственной измене. Так Бисмарк мстил им за их смелые выступления в период франко-прусской войны.

Они дали хороший бой, и этот процесс, не причинив никакого ущерба партии, способствовал росту популярности в Германии не только Бебеля и Либкнехта, но и Маркса и Энгельса. В то время Женни написала письмо Либкнехту, для того чтобы выразить сочувствие ему, Бебелю и их женам, но и прежде всего для того, чтобы поздравить их с их великолепными боевыми выступлениями, имевшими большое агитационное значение. Однако не только руководители партии были привлечены к ответственности. Все революционное рабочее движение почувствовало тяжелую руку Бисмарка. Местные партийные организации, партийные газеты, профессиональные союзы и другие объединения рабочих подвергались притеснениям, преследованиям и зачастую даже запрету. Сотни рабочих были посажены в тюрьму и, как рассказывает Бебель, каждый член социал-демократической

партии мог опасаться ареста еще до того, как был издан закон против социалистов.

Эти преследования не могли остановить рабочего движения. Рабочие по-прежнему жили в ужасающих условиях, по 12—14 часов выполняли тяжелую работу за самую ничтожную плату, и никакое трудовое законодательство не охраняло их интересы. Они голодали, а их жилища в Берлине были настолько ужасны и примитивны, что даже буржуазные благотворительные организации были вынуждены заниматься вопросом о предотвращении эпидемий. Из пяти миллиардов франков «возмещения за военные убытки», т. е. из контрибуции, полученной Бисмарком от Франции, рабочим не досталось ни одного пфеннига.

Но немецкие пролетарии все больше осознавали свои классовые интересы и становились в политическом отношении более зрелыми. Они объединялись вокруг социал-демократической партии, которая разъясняла им причины их бедственного положения и указывала им путь к социализму; они стали рассматривать партию как руководящую силу в их борьбе. Под нажимом передовых рабочих в 1875 году закончилась братоубийственная борьба в рядах немецкого рабочего класса. На партийном съезде в Готе эйзенахцы, руководимые Бебелем и Либкнехтом, объединились с остатками лассальянцев.

Объединение произошло на основе программы, которую Маркс и Энгельс решительно отклоняли, потому что она была сбивчивой, реформистской программой, проникнутой идеями Лассаля. Женни тоже резко критиковала эту программу. Но и ошибки Готской программы не могли остановить рабочее движение, потому что боевой дух и энтузиазм рабочего класса были настолько велики, что партия, несмотря ни на что, переживала большой политический подъем.

Женни еще успела познакомиться с этой преображающейся Германией и с ее новым рабочим движением. После 1870 года она дважды была в Рейнской провинции, первый раз летом 1875 года, вскоре после съезда партии в Готе. Эта поездка, по-видимому, частично была связана с политическими задачами. Известно, что Женни разыскала тогда в Майнце старых друзей по политической работе, которые были очарованы ее приветливостью и увлекательной живостью ее беседы. В эти годы она еще

продолжала вести оживленную переписку с немецкими товарищами и проявляла самый живой интерес к жизни немецкой партии. Особенно большое внимание она уделяла возрастающим успехам партии на выборах, результаты которых радостно приветствовали в доме Маркса. После выборов в рейхстаг в 1877 году Женни писала в упомянутом уже письме к Зорге, что победа социалистов в Германии произвела большое впечатление на ее мужа:

«...Не то, что они пошлют намного больше людей в парламент, но количество голосов, которое они везде получили, даже в чиновничьих округах, поистине огромно, и это, кажется, окончательно вывело из себя и карьеристов, и грюндеров, и живодеров...»

Да, в эти годы Женни Маркс больше, чем когда-либо прежде, верила в грядущую победу учения своего мужа.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

До того как Женни навеки закрыла глаза, сохранив до конца твердую веру в грядущий новый мир социализма, ей, этому мужественному борцу, пришлось пережить еще очень много крайне тяжелых испытаний. Последние годы ее жизни были омрачены мучительной болезнью. Уже в 1876 году Карл Маркс писал Фридриху Энгельсу, что его жена тяжело больна. В этом году, в то время как Карл Маркс из-за своего тяжелого заболевания печени должен был поехать лечиться в Карлсбад, Женни Маркс вместе с Энгельсом и его женой отдыхала у моря. Казалось, что она стала чувствовать себя лучше...

«...Третьего дня приехала сюда твоя жена,— сообщал Фридрих Энгельс Карлу Марксу,— которая выглядит во всяком случае значительно лучше, чем шесть недель тому назад. Она много бегает, имеет хороший аппетит и, кажется, также совсем хорошо спит. Она и Лицци бродят по пескам после того, как я подкрепил их на станции стаканом портвейна, и радуются, что им не надо писать писем» [1].

Но улучшение было непродолжительным. Следующим летом, уже тяжело больная, Женни с мужем и дочерью Тусси лечилась на курорте в Нейенаре. В последний раз увидела она свою любимую родину: виноградники, Ар,

прекрасный Рейн, старинные рейнские города. Затем они поехали ненадолго в горы Шварцвальда.

Спустя год, в Англии, она долго жила у моря, сперва со своей старшей дочерью Женни Лонге, потом с Карлом Марксом и маленьким внуком Джонни Лонге, любимцем бабушки и дедушки.

Наконец, было установлено, что Женни больна раком и ей предстоит медленная мучительная смерть. Маркс тяжело страдал от этого нового несчастья и от мук, которые должна была выносить его жена. Сама она держалась с бо̀льшим самообладанием, чем ее муж и семья; с неслыханным самоотречением она скрывала свои боли, чтобы не увеличивать страданий своих близких.

Даже в эти тяжелые годы Женни все еще живо интересовалась политическими событиями. Она не могла больше принимать в них активное участие, но самым тщательным образом следила за развитием политической жизни. Она часто была прикована к постели. Но в те дни, когда болезнь ей это позволяла, она, как обычно, участвовала в спорах и беседах. Никто тогда не замечал, что эта живая, всем интересующаяся, приветливая женщина уже обречена.

Женни еще дожила до той поры, которую принято называть героическим периодом немецкой социал-демократии. Год спустя после ее последней поездки на родину, в 1878 году, Бисмарку удалось провести в немецком рейхстаге закон против социалистов. Этим законом он рассчитывал нанести удар в самое сердце немецкому рабочему классу и, обезоружив, отдать его на милость юнкерам и угольным и стальным королям. Но он просчитался. Когда 12 лет спустя, в 1890 году, рейхстаг отклонил предложение о продлении этого закона, социал-демократическая партия была сильнее, чем когда-либо.

Женни не дожила до этой победы германского рабочего движения, но она была свидетельницей первых успехов в героической борьбе немецких товарищей. Она твердо верила в силы немецкого рабочего класса и не сомневалась в его грядущей победе.

Законом против социалистов были распущены социал-демократическая партия и профессиональные союзы, рабочие спортивные клубы и все другие организации рабочих, было запрещено издание социалистических газет и журналов.

Деятели социал-демократической партии подвергались массовым арестам и высылкам, а их семьи были выброшены на улицу и голодали.

Но члены социал-демократической партии, а с ними их жены и сотни тысяч немецких рабочих стойко и мужественно продолжали борьбу. Руководствуясь указаниями и энергичной поддержкой Маркса и Энгельса, Бебель и Либкнехт в изменившихся тяжелых условиях повели партию в новое наступление. Была создана подпольная партийная организация и издавалась нелегальная партийная газета, которая нашла широкое распространение среди рабочих. Были организованы нелегальные типографии. Они печатали революционные листовки, распространявшиеся на предприятиях и встречавшие горячее одобрение. Возникли новые женские и молодежные организации, и социал-демократы под различными предлогами устраивали свои собрания и встречались с рабочими. Маркс и Энгельс были тесно связаны с революционными группами в Германии, благодаря чему Женни также знала во всех подробностях о тяжелой борьбе рабочих. Она знала и читала газету «Социал-демократ», которая печаталась в Швейцарии и нелегально пересылалась в Германию, а первый нелегальный съезд партии состоялся еще при ее жизни в маленьком швейцарском городке Виден.

Можно предполагать, что она также не отказывала в совете товарищам, тем более что у нее был чрезвычайно большой опыт во всех вопросах организации подпольной работы и нелегальной рассылки литературы.

Так Женни даже в последние годы своей жизни была тесно связана с немецкой социал-демократической партией, и ее мысли часто были обращены к старым друзьям, к Вильгельму Либкнехту и к его отважной жене, а также ко многим другим. Но в первую очередь она думала о простых рабочих и особенно об их женах, борьба которых так живо напоминала ей ее прошлое. Как видно из ее письма к Вильгельму Либкнехту, написанного еще во время Лейпцигского процесса по обвинению его в государственной измене, она прекрасно представляла себе мучительную жизнь жен революционных деятелей, подвергавшихся политическим преследованиям, и с полным правом говорила о самой себе, что ее эти трудности не сломили.

Поэтому она радовалась тому мужеству, которое проявляли в борьбе не только мужчины, но и женщины, продолжавшие борьбу, несмотря на все полицейские придирки Бисмарка.

Она, вероятно, не раз от души смеялась находчивости, с какой именно женщины умели обманывать полицию; ведь ей самой частенько удавалось провести «блюстителей закона».

Реакция пробила не одну брешь в рядах социал-демократии, но рабочие не отступили. На место каждого товарища, которого полиция бросала в тюрьму или высылала, приходили сотни новых. Похороны борцов за революцию, умиравших в тюрьмах, каждый раз превращались в политическую демонстрацию против правительства. Солидарность проявлялась во всем. Насколько рабочим позволяли их скудные средства, они помогали высланным, жившим на нелегальном положении, а также семьям арестованных. Каждый, кто имел выданный партией документ о том, что он подвергается политическим преследованиям, повсюду находил в Германии друзей.

В Лондон теперь вновь стало прибывать много политических эмигрантов из Германии. Можно не сомневаться в том, что каждый, кто нуждался в помощи, не напрасно стучался в двери Карла и Женни.

В это время революционное движение усиливалось год от года. На каждых новых выборах социал-демократы собирали всё больше голосов. Закон против социалистов действовал до 1890 года, но рабочие социал-демократы становились всё смелее, а партия всё крепла. Охваченная страхом буржуазия видела, к чему привела политика Бисмарка.

В 1890 году рейхстаг отменил этот закон. Бисмарк вынужден был уйти в отставку, побежденный молодым немецким рабочим классом, который закалился в борьбе с реакцией и стал могучей силой.

В 1880 году болезнь Женни настолько прогрессировала, что она лишь изредка могла вставать и была очень слаба. Но и тогда она всеми помыслами была связана с немецкими товарищами, которые вели тяжелую борьбу. Такой она оставалась до последней минуты своей жизни. Как рассказывала ее дочь, уже на смертном одре Женни попросила, чтобы ей сообщили о результатах выборов в Германии, и была очень горда успехами социал-демокра-

тии. Летом 1880 года на ее долю выпала еще одна большая радость: Август Бебель, вождь немецкой социал-демократической партии, приехал в Лондон, и ей удалось поговорить с ним о борьбе немецких рабочих.

В то время уже вышла в свет знаменитая книга Бебеля «Женщина и социализм». В своих воспоминаниях Август Бебель рассказывает о своей встрече с безнадежно больной Женни Маркс:

«...Воскресенье... мы были приглашены на обед к Марксу. С г-жой Женни Маркс я уже познакомился раньше. Она сразу завоевала мои симпатии. Это была женщина благородной внешности, умевшая самым очаровательным и любезным образом занимать своих гостей...

Когда накануне нашего отъезда я еще раз зашел к Марксу, жена Маркса была больна и лежала в постели. Я пожелал проститься с ней, и Маркс провел меня в ее комнату, строго наказав не говорить с ней дольше четверти часа. Но мы скоро так увлеклись беседой, что я забыл о ее состоянии и вместо четверти часа просидел у нее больше получаса. Тогда Маркс потерял терпение и стал меня журить, что я «гублю» его жену. С грустью я прощался с ней, потому что болезнь, которой она страдала, была неизлечима. Больше я ее не видел» [2].

Осенью 1880 года казалось, что наступил конец. В это время Карл Маркс тоже так тяжело заболел, что его жизнь была в опасности. Элеонора Маркс-Эвелинг рассказывает об этих трагических неделях:

«Осенью 1880 года, когда наша дорогая мамочка была уже настолько больна, что лишь изредка вставала с постели, Мавр схватил тяжелое воспаление легких, принявшее такой скверный оборот потому, что он всегда запускал свои болезни. Врач (наш добрый друг Донкин) считал его почти безнадежным. Это было ужасное время. В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе в одной комнате...

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели,— это были любящая девушка и влюбленный

юноша, вступающие вместе в жизнь, а не старик, надломленный болезнью, и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом» [3].

Последние месяцы жизни Женни были полны мучений для ее семьи.

«Она умирала в течение долгих месяцев и вытерпела все ужасные мучения, которые несет с собою рак» [4],— писала ее дочь Элеонора.

Карл Маркс писал своему другу, что он пригласил на консилиум самых видных врачей Лондона, но они не могли ей помочь. Маркс страдал ужасно. Его зять рассказывает, что в последние месяцы болезни своей жены Маркс не в состоянии был работать над своим научным трудом. Чтобы отвлечься от своего горя, он писал работу на какую-то математическую тему. А Женни, несмотря на все свои муки, утешала своих близких.

«И все же ее обычное хорошее настроение, ее неистощимый юмор, который тебе достаточно знаком, не покидали ее ни на минуту,— рассказывает ее дочь.— С нетерпением ребенка справлялась она о ходе тогдашних выборов в Германии (1881 год), и как она ликовала по поводу наших побед! До самой смерти она была бодра и старалась шутками рассеять наши опасения. Она, так жестоко страдавшая, шутила, смеялась — смеялась над нами и над врачом, потому что мы были так серьезны» [5].

Незадолго до смерти Женни Карл Маркс поехал с ней в маленький городок Аржантейль, возле Парижа, чтобы навестить свою старшую дочь Женни Лонге и внуков, вернувшихся во Францию.

При том состоянии, в котором находилась Женни, это была рискованная поездка. Но так как все равно никакой надежды больше не было, врач разрешил родным доставить ей эту последнюю радость. Путешествие прошло благополучнее, чем можно было ожидать. Французский врач дал ей болеутоляющее лекарство. Как сообщал Маркс Энгельсу, она почувствовала себя после этого настолько хорошо, что иногда вставала уже в 11 часов утра, чтобы побыть вместе со своей дочерью Женни и ее детьми.

В один погожий день Маркс привез ее еще раз в Париж. Они ездили в открытом экипаже по улицам и, пользуясь хорошей, теплой погодой, несколько раз отдыхали на террасах кафе, расположенных на бульварах. Энгельс,

их верный друг, с большим беспокойством и участием следил за этой поездкой во Францию и пытался доставить Женни какую-нибудь радость в последние дни ее жизни.

«Чековая книжка здесь со мною,— писал он Марксу из Йоркшира, где он тогда находился,— если тебе что-нибудь нужно, не стесняйся и укажи сумму, какая приблизительно нужна тебе. Твою жену не следует урезывать ни в чем; она должна иметь все, чего ей захочется или что, по вашему мнению, доставляет ей удовольствие» [6].

Кажущееся улучшение в состоянии Женни не могло обмануть Маркса.

Он знал, что окончательная катастрофа может наступить в любой день и со страхом настаивал на возвращении домой. Женни все откладывала расставание с дочерью и внуками. Она знала, что они видятся в последний раз. В это время Маркса вызвали телеграммой домой в связи с тем, что тяжело заболела их младшая дочь. Он поспешно выехал, а его жена последовала за ним в сопровождении верного друга Елены Демут.

После этой поездки дело быстро стало близиться к развязке, и 2 декабря 1881 года Женни Маркс навеки закрыла глаза.

«Она как жила, так и умерла,— сказал ее зять Поль Лафарг,— верная своим убеждениям коммунистки и материалистки».

Почти до последнего момента она была в полном сознании, и когда она больше уже не могла говорить со своими близкими, она пожала им руки и попыталась улыбнуться. Ее последние слова были обращены к ее Карлу. Карл Маркс, сам тяжело больной, был поражен в самое сердце потерей своей спутницы жизни.

Когда Энгельс вскоре после смерти Женни приехал в их дом и посмотрел на своего друга, он сказал: «Мавр тоже умер».

Карл Маркс умер 14 марта 1883 года; его похоронили рядом с Женни, которая была для него смелым товарищем в борьбе и величайшим счастьем его жизни.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Фридрих Энгельс о Женни Маркс

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», Госполитиздат, 1956, стр. 189—191.

Карл и Женни Маркс

[1] *Philip Sidney* (1554—1586), Sonette an Stella. Перевод Е. Эткинда.
[2] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 260—261.
[3] Brief an Lind Schöler vom 17. Dezember 1847.
[4] Фердинанд фон Вестфален воспитывался вне родительского дома.
[5] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 257.
[6] Там же, стр. 264.
[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., изд. 2, т. 1, стр. 405.

Тайная помолвка

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. I, стр. 414.
[2] Gesamelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1841—1844. Herausgegeben von Franz Mehring, Band 1, Stuttgart, S. 27. Перевод Е. Эткинда.
[3] *Marx — Engels,* Gesamtausgabe. Erste abteilung, Band 1, zweiter Halbband, Berlin, 1929, S. 198.
[4] Ebenda, S. 198.
[5] Ebenda, S. 201.
[6] Ebenda, S. 212.

Положение в Германии накануне 1848 года

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, стр. 508.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., изд. 2, т. 1, стр. 416.
[3] Там же, стр. 418.
[4] Там же, стр. 456.
[5] Там же, стр. 443.

«Рейнская газета»

[1] *Франц Меринг,* Карл Маркс. История его жизни, Госполитиздат, 1957, стр. 78.

Свадьба

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, Госполитиздат, 1956, стр. 256.
[2] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 123.

В Париже

[1] «Немецкая поэзия революции 1848 года», М., 1948, стр. 51.
[2] *Генрих Гейне,* Собр. соч., Гослитиздат, 1957, т. 2, стр. 269.
[3] Walter Victor: Marx und Heine, Henschelverlag, Berlin, 1952, S. 38.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., изд. 2, т. 1, стр. 443—444.
[5] *В. И. Ленин,* Соч., изд. 5, т. 2, стр. 5.
[6] Там же, стр. 12.

В Брюсселе

[1] *Marx — Engels,* Gesamtausgabe. Erste abteilung, Band 5, Berlin, 1932, S. 549.
[2] *Marx — Engels,* Briefwechsel, Dietz Verlag, Berlin, 1949, Band 1, S. 18.

Плечом к плечу с рабочим классом

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 32.
[2] *Георг Веерт,* Избранные произведения, т. I, Гослитиздат, 1957, стр. 56—57.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, стр. 319.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., изд. 2, т. 4, стр. 459.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., изд. 5, т. 2, стр. 10.

Памятный 1848 год

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., изд. 2, т. 4, стр. 508—509.

Семья Маркса в Кёльне

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 173.

Наперекор всему

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 240—244.

Англия 1849 года

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 282.

Героическое решение

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 70.
[2] Там же, стр. 102.

Горькая нужда

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 32.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 404—405.
[3] Там же, стр. 480.
[4] Там же, стр. 368.

«Моя скорбь была так велика»

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 115.
[2] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 231.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 92.
[4] Там же, стр. 93.
[5] Там же, стр. 94.
[6] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 110.

Знаменитый секретарь Карла Маркса

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 245—247.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 466.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 118.

Новые схватки

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 248—249.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 348.
[3] Там же, стр. 371.
[4] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 252—255.
[5] Там же, стр. 253, 254.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 126—127.

Дом Маркса

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 261.
[2] Там же, стр. 256—258.
[3] Там же, стр. 249—251.
[4] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 260.
[5] Там же, стр. 74.
[6] Там же, стр. 129.

Центр революционного движения

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 96.
[2] Там же, стр. 95.
[3] *Aus Wilhelm Liebknecht:* Kapl Marx zum Gedächtnis, S. 65—66.
[4] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 112—115.

Лучший друг семьи — Фридрих Энгельс

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 75.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 278—279.
[3] Там же, стр. 354.

Учение Маркса завоевывает мир

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 33.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 272.
[3] *Август Бебель,* Из моей жизни, М., 1910, стр. 114.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 409.

Война

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 7, 8.
[2] Там же, стр. 6, 7.
[3] Там же, стр. 8.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 9.

Коммунары

[1] *Жюль Валлес,* Инсургенты, Гослитиздат, 1937, стр. 196—197.
[2] «Der Volksstaat», Leipzig, 7. Juni 1871.
[3] Brief vom 18. April 1871.

Годы затишья

[1] *Clara Zetkin,* Friedrich Engels: «Die Gleichheit», 5. Jahrg., Nr 19, 13. September 1895.
[2] Brief vom 20. oder 21. Januar 1877.
[3] Ebenda.

Последние годы жизни

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 461.
[2] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 219.
[3] Там же, стр. 123—124.
[4] *К. Маркс,* Избранные произведения, 1940, т. I, стр. 126.
[5] Там же, стр. 126.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 522.

СОДЕРЖАНИЕ

21 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1962